

ВЕРСАЛЬ

И НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВЕРСАЛЬ И НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Ответственные редакторы:
д.и.н. Р.П.Гришина
д.и.н. В.Л.Мальков

Москва
1996

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 96-01-00409).

В книге на основе богатой документации исследуется процесс складывания системы новых государств на землях Центральной и Юго-Восточной Европы на исходе первой мировой войны и по ее завершении.

Авторы, освещая нетрадиционные для отечественной историографии проблемы, знакомят читателя с неизвестными ранее страницами борьбы политических деятелей региона на Парижской мирной конференции и в ее кулуарах — за национальную государственность ... и за новые территориальные приобретения.

Представлены также портреты некоторых отцов-основателей национальной идеи постверсальской Центральной и Юго-Восточной Европы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.В.КУДРИНА, А.В.РЕВЯКИН, Е.П.СЕРАПИОНОВА,
М.Н.ЧЕРНЫХ, А.Л.ШЕМЯКИН, С.А.ШЕРЛАИМОВА,
Г.Д.ШКУНДИН

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук Б.Й.ЖЕЛИЦКИ,
кандидат исторических наук З.С.НЕНАШЕВА

ISBN 5-7576-0031-4

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1996

ВЕРСАЛЬ: ОПЫТ ИСТОРИИ (Вместо Предисловия)

Без особого риска ошибиться, пожалуй, можно сказать, что даже у некоторых чиновников дипломатических служб конца XX в. слово "Версаль" ассоциируется, главным образом, с красотами парижского предместья. Между тем, для специалистов и племени историков-международников совершенно ясно: каким-то магическим образом идеи Версаля, стратегия Версаля, надежды Версаля, пройдя замкнутый цикл от расцвета до краха и снова к возрождению в видоизмененной форме – на новом витке исторического процесса после второй мировой войны, – воплотились во взрывоопасной геополитической ситуации на рубеже тысячелетий. К этому рубежу человечество приближается с внутренним трепетом, интуитивно сознавая, что все может повториться заново.

Искушение победителей раз и навсегда разрешить все проблемы за счет побежденных преследовало Версальскую систему международных отношений с момента ее возникновения и до крушения. Простой перечень ключевых событий на этом пути к бесславному концу способен насторожить, неволью вызывая ошеломляющие аналогии с событиями "текущей политики", с эпилогом истории XX столетия. Исключение России из решения вопросов мирного урегулирования на Парижской конференции 1919 г., мотивированное идеологическими и правовыми причинами, обернулось неожиданным результатом: разбалансирование политического равновесия в Европе и демонстративное сближение Советской России с Веймарской Германией вызвало появление призрака нового мощного военно-политического блока и форсирование создания буферной зоны из коалиции малых стран-сателлитов (Малая Антанта). Стремясь использовать эти страны поначалу в качестве "санитарного кордона" против большевизма, победители способствовали превращению их в своих вечно некре-

дитоспособных, драчливых и крикливых клиентов, живущих в страхе оказаться между двумя жерновами, в обстановке междоусобиц и волей-неволей занимающих по всем вопросам европейской политики непоследовательную, двойственную, а порой и авантюристическую позицию. Уже очень скоро сами творцы Версальской системы заметили вызывающую манеру, усвоенную пограничными с Советской Россией "независимыми" государствами, способную повредить и им самим, и делу моральной и дипломатической изоляции большевизма, вызвав сочувствие к Советам со стороны общественного мнения Запада. Примечательна в этом отношении статья главы Русского отдела госдепартамента США Роберта Келли, направленная им в 1929 г. в журнал "Slavonic Review". В ней этот один из главных архитекторов доктрины непризнания Советского Союза, предупреждая излишне запальчивых деятелей приграничных с СССР государств об опасности опрометчивых шагов, ссылаясь на ноту госсекретаря США Б. Колби министерству иностранных дел Польши, в которой тот осуждал "принятие наступательной военной программы против России"¹.

Тема "Версаль и малые страны" – она, в сущности, является центральной для предлагаемого вниманию читателя сборника статей – имеет еще одну острую и, как показало время, отнюдь не чуждую современному человеку грань, которая ясно обозначилась еще в ходе боевых действий мировой войны, особенно с весны 1918 г. Речь идет об идее этнической идентификации и оформляющего ее национального государства. Благодаря решительному вмешательству США и лично президента В. Вильсона в формирование концепции послевоенного мира она превратилась в контрапункт мировой политики, в одно из ключевых понятий постверсальской системы международного права. Свою лепту в развитие этой идеи внесли большевики, пытаясь (и не без успеха) использовать ее в интересах революции.

Вильсон же, кроме того, выдвинул концепцию этнической и государственной реструктуризации Европы, в которую он верил неколебимо, черпая эту уверенность в своем личном опыте и в опыте стран Американского континента.

Неотъемлемой частью либерального мировидения президента США было признание естественного права народов распоряжаться своей судьбой. Поощряемый новой волной национализма, поднятой мировой войной, Вильсон стал придавать нации как социальной и культурно-психологической общности самодовлеющее, почти абсолютное значение, создав, в конечном счете, идеальную модель современного территориального государства, "государства-нации". Упав на благоприятную почву, эта идея моментально завоевала на свою сторону многочисленных влиятельных приверженцев во всех странах, побуждая их при этом к поиску исторического обоснования своих территориальных притязаний и ослабляя тем самым собственную способность различать контуры будущего развития международного порядка, на удалении двух-трех шагов сулящего уже немалые осложнения и конфликты. Тем не менее, вильсоновская схема, во главу угла ставящая право малых народов на "свободное развитие", суверенитет, не будучи охотно принятой союзниками США, все-таки восторжествовала.

И что из этого вышло? Как решился извечный вопрос тысячелетних поисков идеального мирового порядка во имя стабильности, закрепления *status quo*, предотвращения очередного срыва в пучину кризисов, силового противостояния, войн? "Четырнадцать пунктов" Вильсона своей опорой имели признание "свободы морей" и права народов на территориально-государственное размежевание на основе ясно различимых национальных признаков при условии соблюдения принципов свободного волеизъявления народов в отношении конституционных основ их государственности². Однако появление около десятка новых государственных образований на территории Европы, узаконенное Версальской системой мирного урегулирования, было омрачено с самого начала рядом обстоятельств. Во-первых, неуверенностью победителей в правоте своих решений. Во-вторых, устранением двух великих европейских держав (Советская Россия и Германия) от решения всех вопросов нового мироустройства. В-третьих, сохранением острейших разногласий в понимании "этнографического принципа" как доминирующего критерия государст-

венно-территориального размежевания. В-четвертых, колебаниями гарантов этой системы – держав-победительниц и прежде всего Соединенных Штатов Америки – в отношении окончательности решения вопроса о границах новых государств Восточной Европы. В-пятых, конфликтным характером возникших между новыми государствами отношений, несмотря на то, что все они положили в основу своей государственности единый конституционно-правовой дизайн – американскую либо западноевропейскую модель. В-шестых, возникшей несовместимостью многих (не всех) исторически налаженных и устойчивых экономических и других связей с новыми границами в Восточной Европе, внезапно ставшими реальностью с образованием “независимых” государств³.

Судьба малых стран Европы в межвоенный период оказалась весьма драматической вследствие, по крайней мере, двух факторов: из-за непрерывной перегруппировки сил в “концерте” великих держав, а также из-за недостаточной собственной готовности и нехватки материальных ресурсов для реализации себя как субъектов мировой политики – во многом новой для них роли. Об этом хорошо сказано в работе известного специалиста по истории и теории международных отношений профессора университета в Тель-Авиве Д. Витала: “В целом роль малых стран на мировой арене в период до второй мировой войны в основном являлась вспомогательной по отношению к великим державам не только в практическом смысле, в аспекте реальной политики, но и в теоретическом плане тоже... Главный двигатель международных отношений всецело был олицетворен великими державами. Если уж говорить о малых странах, то только как о смазочном материале или о жертве системы баланса сил, созданной великими державами, или как о странах-нейтралах, которым было позволено оставаться вне ее, но при этом следовать строго определенным правилам игры, или как о “клиентуре великих держав”, или в редких случаях как о независимых государствах, которые в случае конфликта с большими государствами были обречены на поражение...”⁴. Именно эта картина послевоенного мира вынудила британского дипломата Г. Никольсона заявить, не без уныния, что в

Версале были приняты такие решения, которые европеизировали Балканы и одновременно балканизировали Европу.

Справедливо видеть в агрессивности тоталитарных держав и в их конфликте с Версальской системой главный источник военной опасности, взорвавшей мир в 1939 г. Но заложенные в самой системе противоречия, возведение ее в абсолют принципа этнокультурной идентичности, дали в руки агрессоров дополнительный довод в пользу перекройки границ, с чем гаранты Версаля без серьезных возражений вынуждены были согласиться. Впрочем, некоторые аналитики заявляют, что это не дает оснований считать творцов Версальской системы утопистами. Возможно, это и так, и они принимали программу Вильсона с дальним прицелом, в расчете на создание совершенной системы коллективной безопасности (зародыш ее можно видеть в Лиге Наций), но она оказалась неадекватной реалиям разделенного мира и не уберегла человечество от новой катастрофы.

Как известно, конгресс США не ратифицировал постановления Парижской мирной конференции, чем с самого начала поставил под вопрос жизнеспособность Версальской системы международных отношений. Это могло бы послужить сигналом тревоги для европейских политиков еще задолго до капитуляции версальцев перед притязаниями стран-агрессоров в 1938 г. Кратковременная разрядка напряженности между странами-победительницами и странами-побежденными в рамках плана Дауэса и Локарнской системы не могла привести к прочной стабилизации, поскольку сама целиком зиждилась на концепции "разделяй и властвуй", на идее изоляции Советского Союза от Германии, а в конечном счете от всей Европы. Вряд ли кто-нибудь из творцов Локарно предполагал, что они дали германскому реваншизму основательный аргумент в пользу его темной игры с далеко идущими целями: реанимировать недоверие между вчерашними союзниками и придать легальный вид "коррекции" Версальской системы путем подключения Германии к объединенному фронту "цивилизованных стран" против большевизма⁵.

Эта недалекость постепенно привела к тому, что постверсальская Европа из послевоенной стала превра-

щаться в предвоенную. По мере приближения нового кризиса в отношениях между великими державами эйфория по поводу урегулирования главного международного конфликта исчезла. Международная организация безопасности все более утрачивала свою дееспособность. Одновременно в группе малых государств усиливалась поляризация интересов, ужесточались территориальные споры на почве роста воинствующего национализма. Эта политика быстро превратила их в заложников своих могущественных покровителей. Хотя объективные национально-государственные интересы малых стран требовали поддержания любой ценой европейского единства, системы коллективной безопасности, и в Версале, и после него лидеры "независимых" государств, за редкими исключениями, не стремились действовать конструктивному диалогу, их больше устраивала игра на страхе перед "общей угрозой" Западу со стороны большевизма. Когда германский реваншизм открыто бросил вызов мировому сообществу, малые страны и их покровители не сумели скорректировать линию своего поведения. Антигитлеровской коалиции выпала миссия восстановления их статуса субъектов международного права.

Только система коллективной безопасности, построенная на балансе интересов всех государств, может стать гарантией их существования. В этом заключается один из главных уроков Версаля.

В. Л. Мальков (ИВИ РАН)

* * *

Предлагаемая вниманию читателя книга является второй из серии исследований, объединенных общей темой "Итоги первой мировой войны, Версальское мирное урегулирование и образование системы государств в Центральной и Юго-Восточной Европе". В 1991 г. был опубликован сборник "Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе", в котором анализировались появление и развитие идеи коренных изменений политической карты региона в разгар военных действий на континенте.

В центре внимания авторов настоящего сборника – судьбы народов малых стран Восточной Европы в конце войны и в первые послевоенные годы, когда мирными договорами определялось место этих государств в Версальской системе международных отношений. Их роль в новой Европе в большой мере зависела от конкретной военно-политической ситуации, сложившейся к моменту окончания боевых действий. Но не менее важным фактором было отношение руководителей великих держав-победительниц к малым союзникам по Антанте и их стремлениям реализовать приобретенное огромную популярность в общественном мнении право народов самим распоряжаться своей судьбой.

На завершающем этапе мировой войны руководящие круги Антанты взяли на себя такие обязательства в отношении национально-освободительных движений, что проблема права наций на самоопределение превратилась в доминирующую на Парижской мирной конференции, наложив специфический отпечаток на все ее решения. Правда, в большинстве случаев осуществление этого права на практике оказалось невозможным, вызывая конфликты между заинтересованными сторонами.

На самой мирной конференции малые страны Центральной и Юго-Восточной Европы довольно неожиданно для великих держав повели себя агрессивно, выдвигая многочисленные территориальные притязания не только к побежденным, но и друг к другу. А так как этот регион представлял собой конгломерат наций и народностей без их четкого разграничения (значительная часть их долгое время не имела собственной государственности, входя в более обширные политические образования), то обсуждение проблем территориального размежевания на заседаниях руководящих органов конференции оказалось невозможным. Поэтому в конце января 1919 г. были созданы комиссии экспертов по рассмотрению претензий малых государств региона. Такое, казалось бы, единственно верное решение не принесло ожидаемых результатов, потому что комиссии работали независимо друг от друга и не были обязаны увязывать свои рекомендации с проблемами общего мирного урегулирования. Не улучшило поло-

жение и образование в конце февраля центральной координационной комиссии, так как она не была наделена необходимыми полномочиями.

Главным недостатком работы комиссий было отсутствие у них четких инструкций и критериев подхода к вопросам, которые подлежали разрешению, ибо представители великих держав руководствовались разными принципами. Американцы с подозрением относились к политическим аспектам любой территориальной проблемы, отдавая предпочтение этнографическим и стратегическим соображениям. Британцы склонны были больше считаться с экономической целесообразностью и историческим правом. Итальянцы во главу угла ставили общеполитические и собственные стратегические факторы, не соглашаясь во многих случаях с принципом права наций на самоопределение. Французы, стремясь к обеспечению безопасности своего государства, выступали в поддержку критериев, выгодных им.

Другими словами, на мирной конференции противостояли друг другу идеалистические и прагматические представления о послевоенном урегулировании. Авторы многочисленных научных исследований, опубликованных во всех странах после завершения работы конференции, а также и самых современных, к идеалистам безоговорочно относят американскую делегацию во главе с президентом В. Вильсоном, а к жестким прагматикам — французскую и британскую делегации. Такая же точка зрения прослеживается и в большинстве мемуаров. Решение глобальных проблем — создание Лиги Наций, ослабление военной и промышленной мощи Германии, всеобщее разоружение, свобода морей, судьба колоний — наглядно демонстрировало столкновение двух противоположных курсов. Но не менее ярко оно проявилось в вопросах территориального разграничения на землях бывших империй: Российской, Австро-Венгерской, Германской и Турецкой.

На этом пространстве великим державам пришлось иметь дело с группой малых государств, новых и старых, как из лагеря победителей, так и из лагеря побежденных. Многочисленные претензии друг к другу, вооруженные конфликты между ними только ухудшали общеевропейскую

ситуацию, усиливали международную напряженность, в условиях которой проходила мирная конференция. Принятие однозначно верных и справедливых решений становилось практически невозможным, так как поиски разумного компромисса не встречали отклика, а ставка делалась, как это ни парадоксально для мирного урегулирования, на военную силу. Таким образом, собираясь сделать мир прочным и долгим, на самом деле творцы всей системы мирных договоров не сумели предотвратить углубления противоречий между различными государствами, более того, не смогли погасить латентные очаги недовольства и напряженности, которые в конечном счете превратили послевоенный мир лишь в двадцатилетнюю мирную передышку между двумя мировыми войнами.

Говоря о таком неординарном явлении тех лет как образование новых самостоятельных государств в регионе можно с уверенностью утверждать, что в тех исторических свершениях, которые привели к торжеству национальной идеи в Восточной Европе, значительную роль сыграли концептуальные построения, а затем и практические акции ведущих идеологов этих стран. Такие видные теоретики национальной идеи, как румыны Николае Йорга и Лучиан Блага, поляк Леон Василевский, чехи Томаш Гаррик Масарик и Эдуард Бенеш, оставили глубокий след в историческом сознании своих народов. Их вклад в становление национальной государственности в послеверсальский период трудно переоценить.

Однако не только тем, что их труды и политические шаги отразили новое понимание сути национализма в XX в., ограничивается значение этого вклада. В наши дни особенно важно подчеркнуть, что названные выше деятели остались в истории своих стран, да и в общественном сознании Европы как некие образцы взвешенной умеренности и достойного использования идей, которые в первой половине XX столетия оказались составной частью горючего материала для разжигания всемирного пожара. В годы неудержимого натиска правозкстремистских сил они сумели соотнести национальную идею с общечеловеческими ценностями, очистив ее от примесей экстремизма. Они ясно увидели тот рубеж, за которым начиналась трясина

национального эгоизма, расистских суеверий и предрас-судков, демагогически извращенных истин народной жизни. Хорошо зная, что подвергают опасности свою жизнь и жизнь своих близких, они остановились у этого рубежа, отмежевавшись от тех, кто в корыстных целях сеял отрав-ленные семена межнациональной розни и расового пре-восходства.

Сегодня как никогда их опыт, их обращенные к нам призывы обретают значимость. Мы обязаны глубже и все-сторонней осваивать это бесценное наследие.

Основу данного сборника составили материалы науч-ной конференции "Версаль и новая Восточная Европа", сос-тоявшейся в Институте славяноведения и балканистики РАН в ноябре 1993 г. В авторский коллектив вошли специ-алисты из этого Института, а также коллеги из Института всеобщей истории РАН, Московского и Волго-градского государственных университетов и других на-учных центров. Руководителем и организатором конферен-ции выступала кандидат исторических наук В. И. Беляева.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Georgetown University Library. Robert F. Kelly Papers. Box 2. "Policy of the US towards Soviet Russia".

2. См.: Архив полковника Хауза. (Отв. редактор Ч. Сеймур). М., 1944. Т. IV. С. 155–157.

3. См.: Seton-Watson Ch. 1919 and the Persistence of Nationalistic Aspirations // Review of International Studies. 1989. N 15. P. 309–318.

4. Vital D. Towards a Fresh Approach to a Theory of Minor Power // Major Power Relations. Paper delivered at the International Conference at Tübingen. 1991. 11–13 April.

5. Jacobson J. Locarno Diplomacy. Germany and the West, 1925–1929. Princeton, N. J. 1972. P. 369.

I. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

А. Л. Шемякин
(ИСБ РАН)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА В ОБРАЗОВАНИИ КОРОЛЕВСТВА СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ

Исторически Балканы всегда были регионом, где сталкивались интересы европейских великих держав. Поэтому в истории балканских народов и их государств так называемый внешний фактор играл огромную, а иногда и решающую роль. XIX в. дал тому немало подтверждений. Не стало исключением и начало XX в. Особенно значение внешнего фактора проявилось в ходе первой мировой войны и сразу же после ее окончания, когда в Европе сложилась Версальская система, закрепившая на международно-правовом уровне результаты мирового конфликта и новую расстановку сил на континенте. "Первая Югославия" (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, а с 1929 г. – Королевство Югославия), возникшая 1 декабря 1918 г., стала одним из детищ этой системы. Что же было решающим в процессе образования этого государства – осознанное стремление вошедших в его состав народов жить в едином отечестве или механическая логика войны, приведшая именно к такому результату?

* * *

В конце XIX – начале XX в. представления о "народном единстве" сербов, хорватов и словенцев были достаточно

широко распространены среди югославянской интеллигенции. Считалось, что и одни, и другие, и третьи – это все один народ, разделенный "злой судьбой". "Три племени одного народа" – это выражение надолго стало крылатым. Естественно, не раз заходила речь о путях возможного воссоединения родственных племен. Однако, ответы на вопрос, как его достигнуть, давались разные.

Югославянские политические партии Австро-Венгрии считали возможным объединение югославян под скипетром династии Габсбургов, рассматривая Дунайскую монархию как приемлемую модель многонационального государства¹ при условии предоставления югославянским ее областям большей автономии, вплоть до выравнивания их политического статуса со статусом Цислейтании и Транслейтании. Немалое число политиков-югославян приветствовало в связи с этим аннексию Веней Боснии и Герцеговины, видя в этой акции усиление югославянского фактора в Империи и предвестие ее внутренней перестройки. После побед Сербии в Балканских войнах (1912–1913 гг.) заметно усилилось юнионистское течение, особенно среди сербов Воеводины и бывшей Военной Границы. Там с нескрываемой симпатией смотрели в сторону Белграда.

Национальная программа Сербского королевства в начале XX в. включала два основных компонента. Во-первых, ставилась задача решения сербского национального вопроса в том виде, как его понимало руководство страны. Опираясь на традиции знаменитого "Начертания" Или Гарашанина (1844 г.), сербские политики считали главной своей целью освобождение всех территорий, населенных сербами и находившихся под властью иностранных государств – Турции и Австро-Венгрии (в первую очередь речь шла о Старой Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговине), и объединение всего сербского народа в рамках единого государства. Это направление национальной политики (воплощение "заветной мысли сербской") имело для правительства Сербии приоритетный характер.

Второй компонент сербской национальной программы был окрашен в югославянские тона. Разделяя идею "единого трехименного народа" (а она пользовалась популярностью, и немалой, особенно в среде сербских интеллек-

туалов и молодежи), многие сербские политики полагали в теории возможным создание единого югославянского государства, которое объединило бы "под одной крышей" всех сербов, хорватов и словенцев. В качестве центра такого объединения они видели свою страну – Сербию. "предназначалась" роль югославянского Пьемонта. Однако, этот югославянский аспект сербской национальной программы в условиях существования Австро-Венгрии носил идеальный характер и не имел "ничего общего с конкретной государственной политикой"². Накануне первой мировой войны в белградских коридорах власти о нем было не принято говорить вслух. Приоритет отдавался более насущным и конкретным задачам. Участие Сербии в Балканских войнах и включение в состав Королевства Старой Сербии (нынешние Косово и Метохия) и Вардарской Македонии было решением как раз одной из них. После этого "предполагалась" передышка. "В наших интересах, – говорил сербский премьер Никола Пашич после заключения Бухарестского мира (1913 г.), – чтобы Австро-Венгрия просуществовала еще лет 25–30, дабы мы могли так "переварить" наши новые территории на юге, что вопрос об их принадлежности уже никогда и никем не мог бы быть поставлен заново"³. Но история такой передышки не дала.

Должно заметить, что подход проюгославянски настроенных представителей сербской интеллигенции и политиков к возможному решению югославянского вопроса, когда сербы, хорваты и словенцы объявлялись частями "единого народа", явно не отличался углубленностью. Критерии выдвигались весьма упрощенные. Абсолютизировалась общность происхождения и языка и не учитывались иные, объективно разделяющие, факторы⁴. Кроме того, подход этот во многом определялся и диктовался политической конъюнктурой в условиях традиционного и все усиливавшегося противостояния в отношениях Белград – Вена. Лишь отдельные интеллектуалы видели потенциальные мины замедленного действия, в нем заложенные. Так, крупнейший сербский историк, филолог, писатель, дипломат и государственный деятель Стоян Новакович писал в мае 1912 г. директору Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенскому: "Все умные и хорошо к

нам относящиеся люди советуют нам югославянское сообщество. Вы, русские, требуете от нас верности светлым традициям православия. Но когда мы опираемся только на них, мы теряем весь запад до Альп и Адриатики, где пропаганда нашей единой народности имеет более всего шансов на успех и где католические племена идут за нами. Потому я и кричу от отчаяния”⁵. Маститый ученый вовремя заметил в потенциальных межконфессиональных осложнениях источник серьезной опасности для идеи ”единого народа”, такой гармоничной на бумаге.

* * *

С началом первой мировой войны югославянский вопрос был открыто поставлен сербским правительством, что нашло отражение в знаменитой Нишской декларации, принятой Народной скупщиной 7 декабря 1914 г. после первых побед сербской армии над австро-венгерскими войсками в Церской и Колубарской битвах. Однако, в условиях вооруженного противостояния он в еще большей степени оказался в зависимости от военно-политической конъюнктуры. Можно, наверное, даже говорить о его использовании в чисто политических целях. С одной стороны, переговоры держав Антанты с Италией и слухи о притязаниях последней на Истрию и Далмацию заставили сербское правительство приступить к разработке конкретной внешнеполитической программы и формулированию военных целей Сербии⁶. С другой стороны, не секрет, что в противоборстве с Австро-Венгрией премьер-министр Сербии Н. Пашич рассчитывал на югославян Монархии как на своих потенциальных союзников, национальное движение которых неминуемо привело бы ее к внутреннему ослаблению. По свидетельству очевидца (секретаря сербского премьера), декларация о военных целях Сербии приобрела югославянскую ”упаковку” лишь после того, как Пашича убедили в том, что ”это поможет Сербии в войне, так как вызовет выступление югославянских и иных славянских народов Австро-Венгрии”⁷. Политическая подоплека просматривается здесь ясно. А как было на самом деле? Действительно ли Пашич стремился к созданию объединенного государ-

ства и верил в достижимость подобной амбициозной цели?

Для начала обратимся к запискам младшего современника Пашича, многолетнего редактора главного органа сербской радикальной партии газеты "Самоуправа" ("Самоуправление") и прекрасного знатока эпохи Милана Йовановича-Стоимировича, в архиве которого хранятся богатые россыпи записей, заметок и свидетельств о лидере сербских радикалов и премьер-министре Сербии в военные годы. Одна из заметок, сделанных им для себя, особенно интересна. "Те, кто серьезно изучал жизнь Николы Пашича, — читаем в ней, — обычно утверждают следующее: если бы не произошла русская революция, Пашич бы добился создания Великой Сербии... поскольку в этом деле Россия оказала бы ему свою помощь. С помощью царской России Пашич бы смог создать такое государство, какое он и замыслил... Все земли, населенные сербами, были бы собраны воедино". "Я записываю эту мысль, — продолжал автор, — только потому, что она опирается на одно довольно реальное представление, которое дает возможность понять личность Пашича, и, хотя я не в состоянии ни понять, ни предугадать, как и в каком виде этот замысел мог быть реализован на практике, я верю, что при поддержке царской России Пашичу удалось бы воплотить в жизнь свой идеал"⁸.

Что ж, поддержка России в этом деле ему действительно была гарантирована. Французский посол в Петербурге М. Палеолог вспоминал, как в ноябре 1914 г. Николай II заговорил с ним о возможных целях участников Антанты в начавшейся войне. Говоря о Сербии, он подчеркнул необходимость присоединения к ней Боснии и Герцеговины, Далмации и Северной Албании. Македония должна была быть поделена между Сербией и Болгарией, которую предполагалось привлечь к участию в войне на стороне Антанты⁹. Что же касается выдвинутого сербским правительством плана югославянского объединения, то в России смотрели на него почти откровенно скептически. Российская империя была единственной державой, на которую сербское правительство могло твердо рассчитывать в надежде реализовать свои внешнеполитические и национальные планы. Остальные государства-члены Антанты

мало считались с интересами своего младшего партнера по коалиции. Как заявил в начале войны английский посол во Франции лорд Берти, "сербский вопрос не таков, чтобы мы должны были сражаться из-за него"¹⁰, и это заявление отражало мнение британского министерства иностранных дел. Англия и Франция считали Балканский фронт второстепенным и уделяли основное внимание военным действиям против Германии¹¹.

А тем временем, в мае 1915 г. в Лондоне был основан так называемый Югославянский комитет, который возглавил Анте Трумбич – хорват из Далмации, разделявший точку зрения народного единства сербов, хорватов и словенцев. Комитет выступал за создание единого югославянского государства. Н. Пашич, однако, не желая признавать Комитет в качестве единственного представителя австро-венгерских югославян, отнюдь не спешил с официальными заявлениями. Полагая "попечительство" над сербами, хорватами и словенцами Монархии прерогативой исключительно сербского королевского правительства, он пытался вывести Югославянский комитет до роли всего лишь одной из его внешнеполитических структур. Лишь через два года, 20 июля 1917 г., на острове Корфу представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана известная Корфская декларация, в которой стороны однозначно высказались за создание единого государства сербов, хорватов и словенцев.

Почему же только в середине 1917 г. Пашич пошел на сближение с Комитетом и установил с ним официальные контакты? Все дело, как представляется, в том, что коренным образом изменились внешнеполитические обстоятельства. Речь идет о крахе в феврале-марте 1917 г. императорской России – главного союзника и опоры Сербии. До Февральской революции Пашич, предполагавший, что именно Россия сможет в конце войны поставить перед союзниками австро-венгерский вопрос во всем его объеме (быть или не быть монархии Габсбургов, а если быть, то в каком виде), не желал связывать себя какими-либо посторонними обязательствами¹². Он крепко стоял на ногах: постанов-

ка австро-венгерского вопроса хотя бы в его "великосербской" форме, т. е. в виде присоединения к Сербии Боснии и Герцеговины и Далмации, была ему гарантирована. И здесь, скорее всего, прав в своем заключении М. Йованович-Стоимирович.

Когда же Россия фактически "вышла из игры", Пашичу пришлось перестраиваться на ходу: в Югославянском комитете он нашел союзника, а совместная Корфская декларация была призвана поставить перед правительствами стран Антанты австро-венгерский вопрос уже от имени нового политического тандема. Внешний фактор, таким образом, властно вмешивался в политику сербского правительства.

Следует также заметить, что Корфская декларация сербского правительства и Югославянского комитета явилась как бы ответом на так называемую Майскую декларацию Югославянского клуба австрийского рейхсрата (парламентской фракции Словенской народной партии), обнародованную 30 мая 1917 г. В документе выдвигалась задача объединения всех территорий Австро-Венгрии, населенных словенцами, хорватами и сербами, в самостоятельный государственный организм (с теми же правами, какими располагали Австрия и Венгрия) под скипетром Габсбургов¹³. Так лидеры словенских клерикалов предполагали нейтрализовать опасность как пангерманизма, так и "великосербства", грозящую, по их мнению, югославянским народам Монархии. Кроме того, не была ли Корфская декларация и неким превентивным шагом, ведь в начале 1917 г. упорно ходили слухи о предстоящей в Сараево коронации молодого императора Карла Габсбурга югославянским королем. Опасаясь, как бы со сменой монархов в Австро-Венгрии дело не дошло до преобразований, повышающих статус югославянских областей, сербское правительство и Югославянский комитет стремились своими опережающими акциями дезавуировать их возможный эффект.

Как бы то ни было, совместное заявление на Корфу стало для Пашича не более чем следствием изменившейся политической конъюнктуры. Дальше него дело не пошло. Пашич продолжал маневрировать¹⁴. Поэтому не кажется

чем-то удивительным его резкий "вираж" в сторону от "согласованной" югославянской политики в начале 1918 г., когда Великобритания и США сочли вдруг целесообразным сохранение Австро-Венгрии (речь Д. Ллойд Джорджа 5 января и знаменитые "Четырнадцать пунктов" В. Вильсона). Реагируя на этот поворот, Пашич срочно поручил сербским дипломатическим представителям в Лондоне и Вашингтоне поднять вопрос о Боснии и Герцеговине. "Если наши союзники требуют исправить ошибку Германии 1871 г. относительно Эльзаса и Лотарингии, – писал он 22 января 1918 г. посланнику в США Любе Михайловичу, – то имеются гораздо более веские причины требовать отмены аннексии Боснии и Герцеговины и предоставления сербскому народу права на самоопределение... Как же можно поддерживать восстановление справедливости для Франции и молчаливо не замечать ту вопиющую несправедливость, с которой поступили по отношению к сербскому народу в Боснии и Герцеговине, и оставлять его в рабстве..." "В рамках именно такого подхода, – инструктировал премьер посланника, – постарайтесь убедить американское правительство, чтобы оно выступило по крайней мере за наказание нарушителя Берлинского трактата, если оно находит, что монархию Габсбургов следует сохранить... Этот разговор постарайтесь провести так, чтобы всем было ясно, что это только ваше личное мнение, и чтобы о нем не разнеслось слухов, ибо наши братья могут вознегодовать, когда услышат, что Босния и Герцеговина может освободиться, а они вынуждены будут оставаться под Австрией... Наши братья стоят на позиции – все или ничего... Эта позиция весьма эгоистична, так как требует, чтобы и другие страдали, когда страдают они..."¹⁵

Югославянские деятели ("наши братья", по выражению Пашича), полагавшие, что отделение Боснии и Герцеговины от Австро-Венгрии привело бы лишь к ослаблению в ней славянского элемента, и, следовательно, к уменьшению шансов на благоприятный исход в их борьбе за автономию югославянских областей в рамках Монархии (в случае ее сохранения), упрекали Пашича в том, что, качнувшись, подобно маятнику, в сторону "Великой Сербии", он нарушил югославянскую солидарность. Для того же подобная

постановка вопроса являлась абсолютно абстрактной. Отнюдь не "Великая Сербия" или Югославия была главной дилеммой, стоявшей перед сербским правительством и его премьером в условиях войны (а особенно при отсутствии России), как об этом часто говорится в исторической литературе; сохранится (а если да, то в какой форме) или распадется Австро-Венгрия – вот как она формулировалась эта дилемма. А это, естественно, зависело от общего хода боевых действий и "решимости" союзников, т. е. от воздействия все того же внешнего фактора. Не случайно на заседании сербского кабинета 14 июля 1917 г. констатировалось: "От успехов союзных войск зависит, сможем ли мы выполнить три пункта нашей политической программы: 1) сохранить Сербию, 2) объединить все сербские земли, 3) объединить все югославянские земли"¹⁶. По мнению сербского историка Николы Поповича, эти три пункта соотносятся с тремя возможными исходами войны: поражением, половинчатым успехом и полной победой¹⁷.

Верил ли Пашич в то, что Австро-Венгрия обязательно развалится, т. е. что победа будет полной? Вряд ли он был абсолютно уверен в этом. Отсюда и его мгновенная реакция на ход англо-американской дипломатии. Когда же союзники, наконец, определились в своем принципиальном решении "разменять" Австро-Венгрию на несколько национальных государств, сербский премьер вернулся к своему "югославизму". Как видим, его политика была очень гибкой. Стремясь при любом "раскладе" обеспечить интересы Сербии и сербского народа, он в зависимости от изменений международной обстановки "колебался" от "велико сербства" до "югославизма". Оценивая деятельность Николы Пашича в годы первой мировой войны, приведем высказывание Слободана Йовановича – автора блестящего исследования о нем: "После краха царской России он сначала пришел к выводу, что без сотрудничества с австрийскими югославянами Сербия сама не в состоянии поднять австрийский вопрос. Пойдя же в этом направлении, он все больше убеждался в том, что объединения всех сербов невозможно добиться ни в какой иной форме, кроме Югославии. Его попытка поставить вопрос о Боснии и Герцеговине объясняется дипломатической ситуацией, которая

объективно способствовала сохранению Австро-Венгрии и соответственно делала весьма сомнительной возможность югославянского объединения. Но как только все изменилось, и обстановка стала благоприятствовать этому объединению, Пашич поспешил к ней приспособиться..."¹⁸

Дальнейшее известно. Вслед за империей Романовых рухнула монархия Габсбургов. Ее югославянские области 29 октября 1918 г. трансформировались в Государство Словенцев, Хорватов и Сербов, верховным органом власти которого стало Народное Вече в Загребе. 1 декабря 1918 г. Государство СХС объединилось с Королевством Сербией и Королевством Черногорией в единое югославянское государство – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Почему же независимое Государство СХС с центром в Загребе просуществовало всего лишь чуть больше месяца?

В начале ноября 1918 г. Италия, желая получить территории, обещанные ей по секретному Лондонскому договору (1915 г.), приступила к оккупации Далматинского побережья, а также некоторых районов Хорватии и Словении. Из-за отсутствия у Государства СХС собственных вооруженных сил ситуация складывалась угрожающая. Великие державы, несмотря на все просьбы из Загреба о признании, отнюдь не спешили и откладывали этот вопрос до мирной конференции. А жизнь, между тем, заставляла торопиться. Внутренний хаос, отсутствие вооруженных сил и государственного аппарата, фактическая итальянская интервенция, наконец, угрожали только что созданному Государству распадом и требовали серьезных решений.

16 ноября областное правительство Далмации известило президиум Народного Веча в Загребе о своем намерении в самое ближайшее время обратиться к Сербии с предложением о присоединении области к Сербскому королевству, мотивируя это решение отсутствием собственных сил для борьбы против итальянской экспансии. "Письмо из Сплита" произвело сильное впечатление в Загребе, Любляне и других центрах Государства СХС. 23 ноября состоялось решающее заседание Народного Веча, посвященное

обсуждению вопроса о будущем страны. В ответ на критику "Письма" рядом словенских и хорватских политических партий представители Далмации и Боснии и Герцеговины прямо заявили, что обе эти области примут самостоятельное решение об объединении с Сербией. Угроза развала Государства заставила противников объединения снять свои возражения. "Перед нами, – вспоминал лидер хорватской старчевичевской партии права Анте Павелич, – стояла дилемма: либо сохранить самостоятельную Хорватскую республику, состоящую всего из четырех областей вокруг Загреба, либо присоединиться к Сербии"¹⁹.

"Республика" же эта в тех условиях вряд ли обладала жизнестойкостью, что отчетливо понимали сами хорваты. Газета "Хрватска држава" ("Хорватское государство") писала: "Если посмотреть на географическую карту, то можно легко заметить, что территории, на которые претендуют хорваты, вряд ли подходят для создания сильного государства. Сербы, которых в Хорватии живет 20 процентов, с правом желали бы объединиться с Сербией. Итальянцы требовали бы выполнения решений Лондонского договора, и мы, таким образом, попали бы между итальянцами и Сербией, которая, по правде говоря, едва ли имела веские причины ради нас рисковать столкновением с Италией". И далее: "Если бы Сербия не желала объединения, то мы, хорваты и словенцы, должны были бы его требовать сами, так как это было бы в наших интересах"²⁰. Последнее замечание весьма рационально в отличие от пропагандистских штампов противоположного рода. Войдя в 1918 г. в единое югославянское государство, Хорватия и Словения приобрели значительно больше, чем могли бы потерять при попытке иного решения хорватского и словенского вопросов в тех условиях. Выделим главные "приобретения".

Во-первых, объединившись с Сербией, Хорватия и Словения автоматически перешли в лагерь победителей. Статус же побежденного неприятеля (как части бывшей Австро-Венгрии) не сулил им никаких радужных перспектив. Хорватская печать писала: "Мы должны были или опираться на Сербию, которая была членом Антанты и пользовалась в ней уважением, или ожидать того, что Антанта смо-

жет поступить с нами как представителями враждебной стороны, как ей вздумается". И опять тот же вывод: "Нам были необходимы сербы, а не мы им"²¹. Во-вторых, в рамках Югославии Хорватия и Словения (по большей части) смогли защитить свои этнические границы, что вряд ли бы им удалось в одиночку. И в-третьих, что касается Хорватии, то она только в условиях Югославии завершила процесс национально-политической консолидации. Речь идет о присоединении к ней Далмации, которая в рамках Австро-Венгрии имела совсем иной статус и подчинялась непосредственно Вене, а не Будапешту как Загреб. В случае же независимости Хорватии, как уже отмечалось, Далмация была бы непременно аннексирована Италией, как это и предполагалось по Лондонскому межсоюзническому договору.

Итак, и в случае с югославянскими областями бывшей Австро-Венгрии, в момент принятия ими решения о политическом самоопределении, внешний фактор (в различных его формах) сыграл, как представляется, определяющую роль. Логика событий "толкала" политиков Загреба и Любляны к государственному союзу с Сербией и Черногорией, несмотря на откровенное нежелание многих из них. 24 ноября Народное Вече приняло декларацию об объединении с Сербией. Государственное устройство будущей "общей родины" предстояло обсудить на Учредительном Собрании (кроме вопроса о династии Карагеоргиевичей; она изначально признавалась правящей в новом объединенном государстве).

Именно в вопросе о внутреннем устройстве единого государства и столкнулись вскоре унитаризм Белграда и федерализм, граничащий иногда с сепаратизмом, Загреба и Любляны, что незамедлительно привело к появлению первых трещин в фундаменте единого югославянского дома. Попытка Белграда реализовать идею "единого народа" в виде теории "интегрального югославизма" с целью "сцементировать" новое государственное образование, в конечном итоге, потерпела крах. Но это уже другой сюжет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Писарев Ю. А. Образование Югославского государства. М., 1975. С. 25.

2. Марковић Л. Југословенска држава и Хрватско питање. Загреб 1935, С. 3.

3. Никола П. Пашић (10.12.1926 – 10.12.1936). Београд, 1937. С. 247.

4. В поиске идейных корней югославянского подхода руководства Сербии нельзя миновать теорию русского публициста и социолога Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах: "Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою... составляет самобытный культурно-исторический тип" (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 91.). Какое удивительное совпадение этой дефиниции и югославянского феномена. Не потому ли и у сербских политиков главным критерием и доказательством национальной идентичности сербов, хорватов и словенцев являлось наличие у них единого (у сербов и хорватов) или очень близкого (у словенцев) языка. Кроме того, Данилевский, первое издание книги которого вышло в 1871 г., также считал сербов, хорватов и словенцев "сербскими племенами", предполагая вхождение когда-нибудь во Всеславянский союз "Королества Сербо-Хорвато-Словенского" (Там же. С. 360, 368). Чем не Королество СХС полвека спустя?

5. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 116. Оп. 2. Д. 245. Л. 4 об.

6. Писарев Ю. А. Указ. соч. С. 130.

7. Милојевић П. О људима и чудима. Београд, 1982. С. 42.

8. Рукописно Одељење Матице Српске (Нови Сад). Бр. М. 13. 413.

9. Палеолог М. Царская Россия во время первой мировой войны. М. 1991. С. 28–29.

10. Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. М., 1927. С. 18.

11. Особенно ярко различие в позиции союзников по отношению к Сербии проявилось в трагический период "сербской голгофы" – во время тяжелейшего отступления разбитой сербской армии через горные хребты Албании и Черногории поздней осенью – зимой 1915 г. после октябрьского наступления объединенных германо-австрийских войск фельдмаршала А. фон Макензена и вступления в войну на стороне Централных держав Болгарии. Пройдя с огромными потерями по горным тропам и спустившись к морю в районе Шкодера и Сан-Джованни-ди-Медуа, обескровленная сербская армия и следовавшие за ней тысячи беженцев оказались в тупике – обещанных союзниками продовольственной помощи и кораблей для эвакуации не было. А враг, между тем, наседал, идя по следам отступавших сербов. В этих критических условиях Пашич направил в союзнические столицы просьбу о срочной помощи. Лично к Николаю II обратился престолонаследник Александр Карагеоргиевич. Российский монарх тут же телеграфировал в Лондон и Париж, что, если сербские войска не будут спасены, то Россия выйдет из Антанты. Угроза подействовала. Итальянские корабли стали перевозить остатки сербской армии на остров Корфу, ставший с тех пор резиденцией сербского правительства.

12. В апреле 1916 г., во время визита Н. Пашича в Петроград, кадетская "Речь", затронув вопрос "о границах и пределах будущей сербской территории", писала: "Насколько ясно принципиальное решение этого вопроса – в широких рамках этнографического расселения сербского племени, настолько же неясно его практическое решение. Оно всецело

зависит от степени нашего военного успеха, прежде всего общего, а затем и частного, на Балканах. Решить этот вопрос могут только сами события..." (Речь. 1916. 16 апр. № 103).

13. Шишић Ф. Документи о постанку Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Загреб, 1920. С. 94–96.

14. 8 октября 1918 г. Пашич в разговоре с Генри Уикхем-Стидом подчеркнул, что "он подписал Корфскую декларацию только для того, чтобы произвести впечатление на европейское общественное мнение". Весьма значительно и следующее "признание" сербского премьера английскому журналисту: "В то время, когда Корфская декларация готовилась, мы говорили о создании Сербии-Югославии в форме конфедерации, что ныне уже не является возможным. Югославянский народ очень сильно перемешан; в Славонии и Хорватии, например, живет немалое число сербов, которые решительно выступают за присоединение к Сербии, не обращая внимания на то, что собираются делать хорваты. Сербия имеет право освободить этих людей, а если хорваты и словенцы желают решать свою судьбу иным образом, то они вправе делать все, что посчитают нужным..." (Јанковић Д., Кризман Б. Грађа о стварању Југословенске државе. Београд, 1964. Т. I. С. 346).

15. Грађа о стварању Југословенске државе. Т. I. С. 44–45.

16. Записници седница Министарског Савета Србије. 1915–1918. (Приредили Д. Јанковић и Б. Храбак). Београд, 1976. С. 430.

17. Поповић Н. Да ли су постојали "велики" и "мали" ратни програми Николе Пашића (1914–1918)? // Србија 1918 године и стварање Југословенске државе. Научни скуп. Београд, 1969. С. 211.

18. Јовановић С. Никола Пашић // Србија и коментари. Београд, 1989.

19. Цит. по: Писарев Ю. А. Указ. соч. С. 346.

20. Цит. по: Казимировић В. Никола Пашић и његово доба. Београд, 1990. Књ. 2. С. 510.

21. Там же. С. 510–511.

САЛОНИКСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ С БОЛГАРИЕЙ В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

В течение длительного времени Балканский полуостров не привлекал внимание профессиональных французских дипломатов. Отрицательные последствия незнания балканских хитросплетений подмечали такие авторитеты, как Ж. Шопен, А. Пинго, Ж. Дюзм, Ш. Ривэ. Вплоть до первой мировой войны этот регион не оказывался в поле зрения Генерального штаба Франции и зачастую оставался за рамками проектов ее амбициозных политиков. Причины такой незаинтересованности коренились в господствовавших в то время политических настроениях и стратегических концепциях, о которых спустя годы писал маршал Франше д'Эспере: "В 1914 году Францию пришлось спасти генералам, пережившим в юношеском возрасте катастрофу 1870 г. Начиная с той эпохи, все взоры были устремлены к восточной границе. При всякой попытке отклониться в другую сторону, периодические провокации из-за Рейна неизменно напоминали каждому об угрозе нашей безопасности. Вот почему не следует удивляться, что с тех пор наши государственные деятели и наши военачальники перестали интересоваться Ближним Востоком... Пришла война. Первые военные действия на Балканском театре не могли изменить нашу прежнюю ориентацию, и по этой причине данным театром долгое время пренебрегали. Вот почему Антанта вмешалась здесь слишком поздно и довольно неохотно. Сама вера в возможный успех здесь часто отсутствовала как у военачальников, так и в армии. А когда вслед за болгарской капитуляцией, явившейся, как гром среди ясного неба, пробил и последний час Центральных держав, дело дошло до того, что оспаривались заслуги военачальников и солдат, и тем самым недооценивалась важность совершенного ими"¹.

Только в разработанной в начале 1917 г. первой официальной программе французских военно-политических целей и задач было определенно заявлено о непосредственных французских интересах на Балканах и твердом намерении защищать их². В проекте премьер-министра А. Бриана, возглавлявшего кабинет с октября 1915 по март 1917 г., балканские политические вопросы рассматривались как самостоятельная проблема и настоятельно предлагалось на будущей мирной конференции решать их отдельно от европейских, африканских и азиатских³.

Осенью 1918 г. зона Балканского полуострова потребовала от французских дипломатов и политиков значительных усилий для сохранения сфер влияния, завоеванных здесь ценой больших материальных и человеческих жертв. Целью было добиться лучших возможностей для обеспечения экономического благополучия и стратегической безопасности Франции в условиях изменяющегося европейского статус-кво.

Согласно внешнеполитической концепции Третьей республики полуостров еще во время войны считался естественным продолжением французской оборонительной системы по Рейну⁴. Но уже на этапе окончания военных действий оказалось, что благодаря стратегической ценности отдельных балканских государств можно скорректировать или даже компенсировать упущенные возможности и проигранные позиции на западе континента. Исходя из опыта военных лет и определяющихся параметров послевоенных интересов, Франция сделала ставку в своей балканской политике на сербское государство и Румынию. Военные и политические стратеги отводили сербам, хорватам и словенцам роль надежного барьера против экспансионистских стремлений пангерманизма в направлении Адриатики⁵. Румыния же рассматривалась ими как достаточно стабильное препятствие на пути продвижения германского империализма на Ближний Восток⁶.

Для того, чтобы осуществить эту амбициозную политическую стратегию, ведомство на Кэ д'Орсе попыталось направить гравитационные поля сербских и румынских интересов в сторону Франции. Средства же реализации этой цели оно искало в перекройке границ обеих балкан-

ских стран с пользой для них и превращения их в зону инвестиционного интереса французского капитала и экспорта для товаров из Франции. В значительной степени условия для послевоенного экономического проникновения Франции облегчались размерами ее предвоенных капиталовложений, превосходивших английские⁷. В Париже соблазнялись мыслью, что эмоциональные связи, военные и политические контакты, установившиеся во время войны, сделали Францию наиболее предпочтительным партнером в глазах сербской и румынской общественности.

По убеждению французской дипломатии целью нового территориального распределения в Европе было заполнение стратегического вакуума, возникшего после выхода России из антантовского блока. С другой стороны, оставалась задача противостоять эвентуальным попыткам возрождения и реализации германской концепции *Drang nach Osten*. Поэтому, забегая вперед, отметим, что в первые послевоенные годы французское правительство возражало против стремления малых европейских государств к блокированию, исходя из их стратегических и политических интересов. Оно прежде всего стремилось не допустить в проектируемом союзе антивенгерской направленности и присоединения к нему Греции⁸. Иная политическая линия вела бы к изоляции Венгрии и к полному обособлению Болгарии и Турции, что создавало бы условия для схождения их интересов с германскими. На практике это привело бы к новому разделению Европы на две враждующие группировки и, в конечном счете, затруднило бы восстановление мира в этой части континента.

В конце 1918 – начале 1919 г. кабинет Ж. Клемансо продолжал удерживать Грецию и Турцию на периферии активности французской дипломатии⁹. В Париже учитывали военные цели Великобритании и ее интересы в Средиземноморье, равно как и ограниченные возможности флота Франции защитить французские интересы на прибрежных балканских территориях. Вопреки откровенно туркофильским настроениям значительной части французских деловых кругов и натиску военных, правительство Клемансо поддерживало такое решение греческих и турецких вопросов, которое отвечало стремлениям союзников в целом¹⁰.

Но осенью 1918 г., когда закладывались экономические и стратегические основы послевоенной политики Франции, ее государственные деятели направили практические усилия на осуществление так называемой "политики восстановления". Лишь в ее рамках возможно было реализовать упомянутые программы и достигнуть желаемых результатов. Эта политика, процесс выработки ее формулировок и способ их защиты во время войны, свидетельствовали, в общих чертах, и о характере французской мирной политики в случае военной победы Антанты.

Постулат "восстановления территорий, занятых против воли населения" Германией и ее союзницами, стал основополагающим во внешней политике Франции и ее военных целей еще в начале 1917 г.¹¹ В ответ на мирную инициативу американского президента В. Вильсона, тогдашний французский премьер-министр А. Бриан предложил правительственную концепцию будущего мира. Освобождение территорий, оккупированных армиями противника, полное возмещение понесенного ущерба и принятие эффективных мер против возможных в будущем агрессий рассматривались Брианом в качестве основы для обсуждения военно-политических целей союзников. Он был убежден, что выяснение позиций и установление равновесия интересов всех участников антантовской коалиции стали бы стабильной гарантией неудач германских мирных инициатив. Для того, чтобы предотвратить попытки германской дипломатии переложить на Антанту ответственность за продолжающуюся войну и не допустить моральной и политической компрометации в глазах нейтралов, французские государственные деятели желали уточнить условия *sine qua non* для прекращения военных действий. Одним из них было восстановление нарушенного во время войны государственного суверенитета и права народов распоряжаться своей собственной судьбой.

Политика восстановления в указанных параметрах не вызывала особенных возражений со стороны союзных правительств. Принцип "восстановления исторической справедливости" и право народов на национальное самоопределение составили моральный и политико-идеологический стержень мирной программы В. Вильсона¹². В то же время

заявленная в его "Четырнадцать пунктов" попытка перенести общие принципы на конкретную дипломатическую почву и дать четкую формулировку военно-политических целей союзников, не соответствовавших условиям предшествующих тайных договоров, не учитывала специфических интересов правительств различных стран антантовского блока.

Тогда же, в январе 1918 г., новый французский премьер-министр Ж. Клемансо и глава внешнеполитического ведомства С. Пишон независимо от заявлений своих британских коллег и от официальной ноты американского президента составили проекты совместной декларации о военных целях союзников, отражающие иные намерения и преследовавшие другие цели¹³.

Клемансо и Пишон особенно подчеркивали то обстоятельство, что Берлин и Вена не гарантировали эвакуации их армий с оккупированных территорий, компенсации нанесенного ими ущерба и применение принципа национального самоопределения в отношении народов Австро-Венгерской и Османской империй. Исходя из этого, Клемансо и Пишон настаивали на продолжении войны до осуществления военно-политических целей стран Антанты, т. е. отстаивали заложенные Брианом принципы французской внешней политики. В сущности, их проекты представляли собой развернутый вариант предложенной Брианом программы военно-политических целей Третьей республики: были конкретизированы аргументы политического, экономического, стратегического, юридического и морального характера, обосновывающие французские внешнеполитические позиции во время войны; детальнее представлялась и политика в отношении балканских государств, присоединившихся к Антанте. Так, предлагалось "... восстановление территориальной целостности и независимости Сербии, осуществление полного территориального и политического объединения Румынии". В отношении Греции предусматривалось окончательное освобождение страны от германского господства с целью ее свободного развития в соответствии с ее историческими традициями¹⁴.

Все эти декларации были делом политиков, исповедовавших несхожие социальные доктрины, разделявших раз-

ичные внешнеполитические концепции и принадлежащих к разным поколениям. Они были разработаны при наличии весьма различающихся военных перспектив и дипломатических ситуаций и при неодинаковых внутривойсковых условиях. И именно поэтому мы можем отметить некоторые постоянные тенденции и характерные черты французского политического мышления и дипломатического действия.

В течение почти всей войны французские правящие круги сознательно избегали постановки вопроса о военно-политических целях стран коалиции и обсуждения подобных проблем на межсоюзнических конференциях. В Париже хорошо понимали, что военная коалиция не отменяет соперничество между союзными дипломатиями, а также не ликвидирует противоречия экономических интересов союзников, их политических целей и стратегических задач. Война только временно их примирила, и эвентуальное обсуждение планов послевоенного устройства только бы их возобновило. И на Кэ д'Орсе не сомневались в отрицательных последствиях для военных действий при осуществлении политических альтернатив подобного рода: союзническая победа оставалась основной и непосредственной целью.

В первые месяцы 1918 г. события, последовавшие за публичными выступлениями В. Вильсона и британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, доказали правильность такой позиции официальной Франции, ее воздержанности относительно всяких дискуссий о военно-политических программах союзников. Предполагавшиеся разногласия и столкновения оказались политической реальностью с интерpellациями оппозиции в сербской скупщине и греческом парламенте по поводу того, что великие державы не учитывают интересы своих союзников – малых государств. Советник французского посольства в Риме Луазо писал Пишону, что взоры югославян, переживших крупное военное поражение, обращены теперь к Клемансо и что необходимо проявить к ним немного симпатии, в том числе имея в виду выступление Клемансо, когда придет его очередь, вслед за Д. Ллойд Джорджем и В. Вильсоном, говорить о военно-политических целях союзников¹⁵.

Во французском министерстве иностранных дел приступили к работе по определению направлений будущей мирной политики страны и к консультациям с Форин оффис прежде всего под влиянием германских попыток заключения почетного мира при посредничестве нейтралов. В реакции французских политиков и дипломатов на эти попытки отразилось их стремление поддерживать имидж своего государства как покровителя малых народов и защитника их прав и свободы. А это означало, что Франция продолжала использовать свой прежний моральный авторитет в Европе и пыталась расширить свое влияние в основном на народы, не участвовавшие в конфликте. Об этом свидетельствуют, например, документы о попытках заключения сепаратного мира с Болгарией и Турцией во время войны и соответствующей реакции Кэ д'Орсе¹⁶, лишний раз доказывающие, что в Париже предпочитали, чтобы государства, сделавшие свой выбор в пользу Центральных держав, оставались в лагере врага и рассматривались как таковые вплоть до их полного военного поражения. Только в таком случае Франция смогла бы продиктовать им условия будущего мира и в полном объеме осуществить свои стремления к определенному экономическому и территориальному послевоенному устройству Европы.

Проекты 1918 г. раскрывают и нежелание, и отказ французских политических стратегов принять предложенное Вильсоном разграничение между действиями в войне наций как таковых и их правительств. Подобная позиция имела логику и оправдание, поскольку в юридическом плане разграничивала объект и субъект политической активности. Согласно тезису американского президента от ответственности освобождались народы, воевавшие против Антанты, а вина за мировой катаклизм предъявлялась лишь их правительствам. Таким образом, принципы, на которых строилась программа французских военно-политических целей, в известной степени лишались своей правовой основы и теряли значимую часть моральной опоры. Поэтому идеи американских политиков не были восприняты французскими деятелями в ходе войны даже с риском затянуть ее на неопределенное время и усложнить взаимоотношения с союзными правительствами.

Все это свидетельствовало о том, что, однажды уточненные, принципы французской внешней политики оставались, независимо от смены правительственных лидеров и вопреки критическому положению на фронте. В одинаковой степени защищались как сами принципы, так и их морально-правовые основания и идеологическая аргументация. Не случайно одной из первых комиссий, образованных на мирной конференции в 1919 г., была комиссия по установлению ответственности за общеевропейскую войну.

Тот факт, что французская политика восстановления, репараций и гарантий в сущности продолжалась даже в неблагоприятной военно-политической обстановке, предполагал усиленные попытки ее целостного применения в случае военной победы армий Антанты.

С другой стороны, не только углубленный анализ, но даже поверхностный и беглый взгляд показывает, что принцип "восстановления" был нераздельным элементом двух остальных, и в этом их единстве и взаимосвязанности заключалась базисная политическая схема французских внешнеполитических действий. Восстановление "занятых Германией и ее союзниками территорий против воли населения" отвечало принципу национального самоопределения, превращение которого в закон международного права защищалось французской национальной доктриной после присоединения Эльзаса и Лотарингии к Германии. Осуществление политики восстановления с юридической точки зрения и с позиции исторической справедливости означало "исправление болезненного прошлого". В соответствии с французской политической стратегией и национальной идеологией это исправление могло быть достигнуто лишь в форме территориальных возмещений и экономических репараций. Согласно логике французской внешнеполитической доктрины восстановленная историческая справедливость и полученная компенсация за понесенные материальные и моральные жертвы как единственно возможный политический результат военной победы, имели смысл только в той мере, в какой обеспечивались гарантии против новой германской агрессии. Защищая принципы "восстановления, гарантий и репараций" в качестве общей базы

военно-политических целей Антанты, французские дипломаты и политики пытались сбалансировать союзнические интересы во время войны и создать дипломатическую почву и общественную атмосферу для достижения собственных целей после победы. Успешное проведение политики восстановления являлось предпосылкой удачной реализации остальных политических принципов при подготовке мирных договоров, что на практике позволило бы французским государственным деятелям добиться комплекса политических, экономических и военных мер, страхующих Третью республику против всякой попытки реванша со стороны Германии.

При очерчиваемом военном триумфе армий Антанты и французском военном присутствии на огромном геополитическом пространстве от Босфора до Рейна дипломаты и политики Франции обратились к расширенному варианту политики восстановления. Как можно судить на основании имеющихся документов, в отношении балканских союзников Антанты эта политика имела целью восстановление предвоенных границ Сербского королевства, расширение греческой территории и присоединение сохранившегося румынского военного потенциала к армиям Антанты. Осуществленная с помощью перемирий, заключенных с побежденными странами Четверного союза в сентябре-ноябре 1918 г., принятая политика создала такую военно-политическую реальность и морально-психологическую среду на Балканах, которая обеспечивала достижение собственных французских целей.

В этом объеме политика восстановления была проведена в два этапа (от поражения Болгарии до германской капитуляции и от окончания войны до начала Парижской мирной конференции), в соответствии с двумя планами (для стран-победительниц и побежденных) и осуществлялась в двух направлениях (отказ от сепаратного мира как средства урегулирования отношений с бывшими союзниками Германии и воплощение на практике французской концепции относительно военных соглашений).

Отправной точкой и удачной моделью реализация такой политики в известном смысле стало Салоникское перемирие с Болгарией, подписанное 29 сентября 1918 г. В ходе

выработки этой военной конвенции, с одной стороны, сглаживались возникшие в течение войны противоречия между военными и политиками, преодолевалось накопившееся напряжение в их отношениях, а с другой стороны – закладывалась основа столь необходимой победы в масштабах, позволяющих осуществить французские военные цели.

На Кэ д'Орсе буквально накануне прекращения военных действий была определена конкретная линия внешней политики, которая умело стала проводиться вплоть до открытия Парижской мирной конференции. Претенциозная по географическому охвату (Юго-Восточная Европа в целом), по политическим намерениям и целям (включить в зону французского влияния не только своих традиционных союзников, но и их постоянных противников), эта политика оказалась, бесспорно, результативной. Она позволила французским дипломатам сохранить свою политическую клиентуру на Балканах, а тактикам и стратегам из Генерального штаба превратить регион в удобную базу для развития масштабных действий и ускорения военной развязки. Это означало, что непосредственно в конце войны получила правильное решение функция "военная победа – дипломатический успех" и была точно уравновешена обратная зависимость обеих ее составляющих. За короткое время французские политические и военные деятели сумели примирить на Балканах потребности непосредственной военной ситуации с необходимыми гарантиями осуществления перспективных политико-стратегических и экономических интересов.

Эти две субстанции не только относились к двум различным сферам деятельности (военной и дипломатической), но и были трудно совместимы. В течение почти всей войны шел поиск механизма взаимодействия этих сфер, который позволил бы достигнуть данные политические цели военными средствами, и не всегда его находили. Часто цитируемые тогдашними политиками и военными стратегами слова Клаузевица о войне как "продолжении политики иными средствами", очевидно, имели основания в конкретной действительности, но отнюдь не свидетельствовали о безотказности механизма принятия внешнеполитических решений. Опыт мировой войны доказал, что во-

енные операции и политическая активность оставались самостоятельными зонами действия с собственными законами и логикой. Хотя в качестве общей исходной базы деятельности политиков и армейцев были национально-государственные интересы, иногда генералитет, исходя из сиюминутных военных нужд старался возобладать над политиками с их долгосрочными государственными целями. Или наоборот, ревниво охраняя собственно дипломатическую сферу, департаменты Кэ д'Орсе стремились установить устойчивые приоритеты политики над временными и конкретными потребностями войны.

Окончательная победа в том ее виде, как она просматривалась "с дипломатической колокольни", имела смысл только постольку, поскольку привела бы к достижению политических целей, считавшихся для этого ведомства основными во время войны. Иными словами, военная победа считалась способом реализации определенных политических, экономических и стратегических интересов и любая попытка пожертвовать ими ради самой победы уменьшала ее ценность.

С другой стороны, выигранное сражение на Марне (сентябрь 1914 г.) и то обстоятельство, что в последующем главная заслуга в военном разгроме Германии принадлежала французскому Генеральному штабу, усиливали вес и влияние военных в обществе, изменяя постепенно отношение компетентных военных кругов к общепринятым нормам социальной соподчиненности (политики – военные).

Эти немаловажные явления породили и другой феномен, имевший серьезные последствия для французской политики на Балканах, а именно: напряжение и противоречия между французскими политиками и военными, возникшие при определении содержания национально-государственных интересов Франции. Одни их выводили из общего и целостного политико-экономического состояния Европейского континента, а другие из данной и конкретной военной ситуации. Политический курс, который диктовался задачами военной тактики, обычно не совпадал с политикой, проводимой с позиций глобальных государственных интересов. В этом аспекте феномен проявлялся на нескольких уровнях.

Противоречия в отношениях премьер-министра Клемансо с частью высшего французского генералитета (маршал Ф. Фош, генералы Э. Манжен и А. Бертело) порождались проблемами мирных договоров, тем, насколько их условия отражали стратегические идеи Франции. Часть офицерского состава Восточной армии не одобряла официальную политику правительства в отношении некоторых балканских стран. Их позиция была биполярной: с одной стороны, недостаточным они считали удовлетворение законных национально-территориальных требований союзников (таков, например, случай с генералом Бертело и его отношением к румынской политике Кэ д'Орсе¹⁷), а с другой стороны, указывали на чрезмерную и не всегда оправданную щедрость к победителям за счет побежденных. Некоторые из причин этого явления коренились в характере войны. Военный успех в рамках мирового конфликта, когда были мобилизованы все материальные, моральные и психические ресурсы нации, когда почти весь континент был превращен в поле боя, предопределялся в значительной степени коммуникациями. Со своей стороны, осуществленная коммуникация (вне военного разгрома, трудно достижимого при позиционной войне) означала приобретение нового союзника или нейтрализацию армии из лагеря противника. Обе цели могли быть достигнуты лишь с помощью дипломатии и только политическими средствами. Расширение оперативного театра боевых действий обуславливало поиск политического решения возникающих военных проблем, что не только не исключало выработку этого решения офицерами действующей армии, но иногда даже ее предполагало¹⁸.

Обыкновенно инициатива принадлежала штабным офицерам, когда военная обстановка в соответствующий момент требовала решения подобного рода. Не были исключениями также запросы со стороны политиков к компетентным военным при предварительной экспертизе военно-политических программ правительства. Но в обоих случаях с политическими проектами французских офицеров, независимо от их чина и занимаемого места в военной или правительственной иерархии считались только тогда, когда они совпадали с воспринятой внешнеполитической

линией и не противоречили целостной политической стратегии Кэ д'Орсе.

Так, французское министерство иностранных дел не поддерживало идею нейтрализации той или иной армии противника путем переговоров о частичном удовлетворении национально-территориальных претензий ее правительства. В частности, сепаратный мир с Болгарией летом 1916 г. мог бы привести к реализации весьма необходимой для военных коммуникации между восточными армиями Антанты. Однако, "какие бы то ни было переговоры с Болгарией возможны только при бесспорном успехе против нее, который принудил бы ее первой запросить мира". Этими словами завершался ответ французского правительства на подсказанную французскими же офицерами идею отрыва Болгарии от Центральных держав путем уступки ей части Македонии и Фракии¹⁹. Интересно, что программа военных не выходила за рамки официальных предложений Антанты, нотифицированных в Софии до вступления Болгарии в войну. Но для дипломатов и государственных деятелей Франции уступки народам, ставшим на сторону Германии, нарушали целостность и затрагивали сущность защищаемых политических принципов. Например, в связи с тревожными слухами об англо-турецких сепаратных переговорах глава французского внешнеполитического министерства так обобщил позицию Франции в отношении отдельного мира с Турцией и Болгарией: "Правительство пристально наблюдает за развитием внутренней политики в Турции и Болгарии. Но внимательное критическое изучение тех многочисленных сведений, которыми мы располагаем, показывает, что никакой глубокой перемены их союзов не может произойти в настоящее время вследствие начавшихся переговоров с подозрительными лицами, до тех пор, пока Болгария и Турция находятся в руках Германии. Лишь после поражения как Турции и Болгарии, так и германской армии, мы могли бы выслушать в согласии с союзниками их предложения"²⁰.

Постепенное накопление мнений и оценок, касающихся нетипичной для компетентности военной сферы – политики имело непосредственным результатом создание особой концепции французских национально-государственных

интересов, в известной степени отличающейся от концепции официального Парижа. Определенное расхождение между ними обнаружилось, например, в подходах к такой неизвестной в прошлом проблеме, как создание имиджа разных балканских народов в глазах французов.

Противоречия и разногласия между составными и разноплеменными частями союзнических армий во время военных действий оставались в латентном состоянии, обостряясь при наступавшем затишье на фронте. Позиционная стратегия и оборонительная тактика обеспечивали достаточно продолжительные периоды спокойной жизни Восточной армии на Салоникском фронте. В этой обстановке в многочисленных и разнообразных ситуациях повседневности проявлялись определенные черты национального характера малых балканских союзников Франции, на основе которых составлялось и целостное представление французов о данных народах, изменялись некоторые стереотипные взгляды о качествах, способностях и возможностях балканских наций. Часто перемены были негативного свойства или создававшийся образ не совпадал с тем, который вырисовывался в Париже совместными усилиями прессы и пропагандистских служб Франции и ее балканских партнеров. Накопившееся напряжение во взаимоотношениях французских политиков и военных, причины которого мы отметили выше, наиболее отчетливо выявились во время Парижской мирной конференции. В сравнительно сбалансированной и умеренной форме оно проявилось еще в конце войны, а известные возможности для его ослабления возникли осенью 1918 г., по крайней мере, в отношениях премьер-министра с главнокомандующими союзническими армиями на Западном и Салоникском фронтах, когда происходило определение условий перемирий, как обеспечивавших осуществление политики восстановления и дававших достаточные гарантии для подготовки мирных договоров в соответствии с французскими внешнеполитическими принципами. Переписка между генералом Франше д'Эспере, главнокомандующим Восточной армией, и Клемансо, относящаяся к лету 1918 г., раскрывает эти тенденции²¹.

В момент готовившегося Антантой наступления на Са-

лоникском фронте французский премьер настаивал, чтобы генерал сосредоточил усилия преимущественно на руководстве военными действиями, позволив, тем самым, ответственным политикам извлекать из военного успеха дипломатические дивиденды. Клемансо предупреждал, чтобы главнокомандующий не вступал в дебри политических балканских отношений, "чрезмерно сложных даже для профессиональных дипломатов"²². Действия Франше д'Эспере, по настояниям главы правительства, должны были учитывать тот факт, что на Балканах Франция намеревалась сохранять добрые отношения в одинаковой мере как с Сербией, так и с Грецией, и то обстоятельство, что генерал не имел права вмешиваться в дела дипломатии. В личном поведении Франше д'Эспере также не все импонировало "Тигру". Он полагал, что генерал, занимающий подобный пост, не должен быть легковерным и обязан проявлять сдержанность в отношении деликатных вопросов²³.

Со своей стороны, генерал поставил в качестве условия успешной реализации военных планов Антанты обеспечение полноценного участия сербской и греческой армий в балканских операциях и гарантированное продолжение войны их правительствами вплоть до окончательного разгрома Германии²⁴. Добиться этого можно было лишь с помощью политического воздействия и дипломатического нажима на сербских и греческих политиков, находившихся соответственно на о-ве Корфу и в Салониках.

Окончательная победа союзников находилась в прямой зависимости, помимо прочего, и от создания условий для безболезненного выхода из войны германских сателлитов, что достигалось прежде всего умелым сочетанием военного превосходства с разумным политическим поведением в отношении побежденных стран и обеспечивалось параграфами перемирий.

К реализации согласованной программы компетентные круги на Кэ д'Орсе приступили в сентябре 1918 г. и осуществили свой план кратчайшим путем с применением наиболее действенных средств. Они со всей определенностью заявили сербскому посланнику в Париже М. Весничу, что готовящееся наступление против Болгарии будет не только военной, но и политической операцией, от которой зави-

сит будущее сербской нации²⁵. Ожидалось, что королевство Карагеоргиевичей мобилизует как свой военный потенциал, так и все средства пропаганды для того, чтобы подготовить успешное (и с минимальными жертвами) возвращение утраченных территорий. Французские дипломаты прозрачно намекнули, что возможным бездействием Сербии вследствие продолжающегося правительственного кризиса и парламентских неурядиц, могла бы воспользоваться греческая армия. Позиции же, занятые в ходе военных действий, развивали свою мысль французы, будут иметь собственный вес и окажут свое влияние при обсуждении мирных договоров²⁶. Эти категоричные и недвусмысленные разговоры активизировали сербские усилия в направлении, желаемом и подсказанном Францией. Остальные условия, поставленные армейским командованием, также были успешно реализованы с помощью военных операций и особенно благодаря успеху наступления против болгарской армии на Салоникском фронте.

Прорыв фронта у Добро поля заставил болгарское правительство выступить с предложением о перемирии, но Париж стремился не допустить заключения сепаратного мира с Болгарией. Получив текст перемирия, Ж. Клемансо писал французскому послу в Лондоне П. Камбону: "Мое и Ллойд Джорджа мнения об условиях перемирия совпадают. Там, где наши точки зрения могут разойтись, это как Вы и предвидели, — гипотеза о сепаратном мире с Болгарией"²⁷. Со своей стороны, президент Р. Пуанкаре отмечал в дневнике: "Я опасался, что желаемое болгарами перемирие может скрывать какую-нибудь хитрость и возможность для перегруппировки сил и дал указания не говорить ничего болгарам о Румынии... У меня были сведения, что Клемансо получил от Ллойд Джорджа письмо с идеей немедленных переговоров о мире на Балканах, которые должны были бы состояться в Риме. Но Клемансо был против отдельного мира, поскольку полагал, что мир является функцией победы над Австрией"²⁸. Информация, которую в Париже получали по дипломатическим каналам, свидетельствовала об определенных настроениях в Лондоне и в Риме в пользу Болгарии, а также о конкретных шагах некоторых американских политиков, отражавших их более благо-

склонное отношение к балканской союзнице Германии. Обобщая эту информацию, Ж. Клемансо писал французскому посланнику в Вашингтоне Ж. Жюссерану: "После заступничества американского посланника в Софии перед генералом Франше д'Эспере, после шагов, предпринятых болгарским посланником в Берне перед его тамошним американским коллегой, теперь еще и посланник США в Риме вчера заметил господину Барреру (французскому посланнику в Италии. — С. Д.), что его страна готова вмешаться в пользу болгар на предстоящих переговорах. Не может быть, чтобы эти три одновременных вмешательства оказались случайными"²⁹.

Клемансо попытался убедить прежде всего своего британского коллегу в нецелесообразности отдельного мира с Болгарией с учетом политических интересов союзников на полуострове и развития военных действий. Свои мысли он высказал Камбону: "Сепаратный мир с Болгарией незамедлительно вызовет на Балканах множественные упреки и породит волнения, которые будут иметь опасные последствия, вытекающие из различных интересов. Я уже получаю с Балкан новости, показывающие, что болгарское поражение возбуждает аппетиты, которые было бы трудно удовлетворить. По моему мнению, нам необходим единственный и большой мир, общие и отдельные условия которого должны быть солидно разработаны упорным трудом"³⁰. Дипломатическая активность Клемансо принесла позитивные результаты. В этом отношении показателен ответ государственного секретаря США Р. Лансинга Ж. Жюссерану: "Все балканские вопросы настолько взаимно переплетены, что их не следует рассматривать по отдельности. Перемирие отвечает интересам американского правительства"³¹.

Секретные телеграммы французских посланников в Афинах, Яссах и на Корфу содержали немало аргументов в поддержку этой позиции правительства³². К традиционным "различиям в интересах", превратившимся в неологизм в балканском дипломатическом словаре, они добавили свидетельства возросших аппетитов и усиливающихся претензий балканских союзников Антанты к Болгарии. Их удовлетворение при подписании эвентуального мирного догово-

вора с болгарским правительством в сентябре 1918 г. было бы непосильной задачей для антантовской дипломатии даже и в условиях вырисовывавшегося военного поражения Болгарии. Подобный договор скомпрометировал бы торжественно провозглашенные политические принципы президента Вильсона, а также политику Антанты в целом и дал бы основания Центральным державам для продолжения войны. Он создал бы довольно благоприятную почву для развития большевизма в Болгарии и значительно усложнил бы военно-стратегическое положение на Балканах. Реализация подобной альтернативы вела к распылению военных усилий союзников и к дополнительной занятости их воинских частей на полуострове. Она требовала также оккупации территории страны и восстановления порядка в ней, так как в военных планах Франше д'Эспере Болгария представлялась удобным оперативным плацдармом для развития наступательных действий против армий Центральных держав на Балканах. Так, через два дня после подписания Салоникского перемирия он писал маршалу Фошу: "Болгары находятся в отчаянном положении, и мы могли сделать с ними все, что пожелали бы. Но я был достаточно умерен в своих требованиях, во-первых, потому, что это был первый демарш с просьбой о мире... во-вторых, потому, что не в наших интересах провоцировать революцию или волнения в Болгарии. Я предпочитаю воспользоваться этой страной для развития наших военных действий, чем использовать свои наличные силы, довольно слабые для действий на этой территории, чтобы ее оккупировать и восстановить порядок в Болгарии"³³.

В то же время французские политики учитывали и тот факт, что пренебрежение военно-политическими программами сербского и греческого правительств, неудовлетворение надежд и политических целей антантофильских кругов в Румынии сделали бы безосновательным дальнейшее участие их армий в военных операциях на полуострове.

Подобное поведение антантовской дипломатии работало бы всецело в пользу антивенизелитской кампании в Афинах. В депеше французского посланника в Греции, адресатом которой был Пишон, читаем: "Роялисты и венизели-

листы абсолютно согласны немедленно начать кампанию против Венизелоса в тот самый момент, когда они убедятся, что не могут получить новые болгарские территории из-за заключения сепаратного мира с Болгарией. В интересах союзников, по меньшей мере, до окончания войны сохранить стабильные позиции Венизелоса, противопоставляя этот аргумент приверженцам подписания сепаратного мира с Болгарией³⁴. Официальная же нота посольства Греции в Париже гласила: "Греческое правительство не может в данный момент рассматривать вопрос о мире с Болгарией, поскольку греческое правительство находится в состоянии войны с Турцией"³⁵. На Кэ д'Орсе были убеждены в том, что премьерское кресло Э. Венизелоса и его авторитет были действенным средством против внутриполитической анархии и усиления пророялистских настроений в греческой столице.

Сербского коллегу Венизелоса Н. Пашича здесь также рассматривали как лояльного союзника и продолжали видеть в нем основную гарантию французского влияния в Сербии и стабильный залог привязанности королевства к Антанте³⁶. Любой же проболгарский шаг антантовской дипломатии мог бы затруднить положение сербского премьера, все еще остававшееся нестабильным после продолжительного правительственного кризиса³⁷.

К соображениям и фактическим доводам против сепаратного мира с Болгарией политики добавляли и вероятное усиление германофильства в Румынии, тем более несвоевременное, что как раз в это время Клемансо направлял туда миссию Бертело "с целью поиска средств для восстановления единства с яским правительством"³⁸.

Во французском министерстве иностранных дел хорошо понимали, что мир с Болгарией означал бы окончательное политическое решение спорных вопросов на полуострове и что осенью 1918 г. оно не могло соответствовать его собственной военно-политической и экономической стратегии в регионе. Для того, чтобы предотвратить отрицательные последствия такой политики для балканских интересов союзников в целом и Франции, в частности,

политики и дипломаты Кэ д'Орсе советовали отказаться от сепаратного мира как формы урегулирования отношений между победителями и побежденными.

По мнению экспертов из политического и торгового департаментов Кэ д'Орсе, перемирие, с юридической точки зрения, было наиболее приемлемой формой упорядочения отношений с неприятельскими странами³⁹. Поскольку в международном праве отсутствовали точно зафиксированные правила, касающиеся формы и содержания перемирий, они могли включать все условия, которые бы приняло капитулировавшее государство⁴⁰. Перемирия подписывали бы военные власти и они соответствовали бы прежде всего потребностям военной ситуации, но, учитывая также и прагматические цели, содержали бы и пункты политического характера⁴¹. Именно такой характер имело перемирие с побежденной Болгарией, которое стало хорошей моделью для достижения равновесия между политическими интересами и военными целями при осуществлении французской военно-политической программы⁴².

Салоникское перемирие было заключено Франше д'Эстере, имевшим ясную позицию в отношении заявленных желаний балканских союзников Антанты участвовать в выработке и выполнении некоторых военных пунктов перемирия⁴³. Не допуская подобное участие, французские военные ограничивали круг возможных причин для социального напряжения и внутривойсковых осложнений в побежденных странах, показывая, вместе с тем, что поддержка чрезмерных притязаний победителей со стороны Франции не беспредельна. А таким пределом была степень, в которой указанные претензии не противоречили совокупности политико-экономических и военно-стратегических интересов Третьей республики. Подобная линия военного поведения порождала у побежденных иллюзии определенного понимания и известного сочувствия со стороны победителей. Они же создавали и некоторую уверенность у проигравших войну в будущих проявлениях благосклонности к ним при решении их национальных проблем на мирной конференции.

Одновременно французское толкование международно-правовых аспектов военных соглашений не отрицало, а,

скорее, обеспечивало перспективы для удовлетворения объявленных еще во время войны национально-территориальных устремлений балканских партнеров Франции. Французская нота, направленная посланникам Третьей республики в союзных столицах, завершалась словами: "Согласно мнению союзников, позиции которых объявлялись несколько раз, территориальные вопросы будут урегулированы при определении условий общего мира"⁴⁴. Таким образом, с правовой точки зрения французские эксперты рассматривали перемирия как военные конвенции, удовлетворяющие единственно непосредственные военные нужды союзников. Окончательное же очертание государственных границ балканских государств относилось к числу политических проблем, которые могут быть разрешены только с помощью договоров, подписанных соответствующими правительствами. 13 октября 1918 г. в Вашингтоне дуайен дипломатического корпуса французский посланник Жюссеран от имени союзников заявил: "Условия перемирия – это условия перемирия, из них заботливо исключено все, что касается мира. Совместное обсуждение условий мира, в том числе и с Болгарией, отложено до окончательного урегулирования, проблемы которого взаимосвязаны"⁴⁵. На практике это означало очередную победу французской дипломатии, поскольку ее точка зрения была воспринята всеми остальными победителями.

Подобная концепция не предполагала превращение условий, определенных военными, в базу для окончательного разрешения сложных балканских проблем. Но все же она была предпосылкой того, что выгодное военное положение, созданное условиями перемирий, будет использовано при принятии политических решений, благоприятных для национальных устремлений победителей, ибо оно облегчало возможность навязать побежденным даже и непоследовательные мирные договоры.

Указанную двойственность в трактовке политических и военных условий перемирий французы терпеливо разъясняли своим малым балканским союзникам. В связи с протестами из Ясс и Салоник относительно содержания перемирия с Болгарией и способа его подписания (без участия

балканских политиков и дипломатов) Пишон указывал в специальной ноте французским посольствам, что "нет переговоров о мире, а перемирие представляет собой только военную операцию"⁴⁶.

Рассмотренная линия французской политики и дипломатии привела к искомому результату: предохранила от революционной анархии и "большевистской заразы" страны, отпавшие от блока Центральных держав (до поражения Германии), позволила сосредоточить военные усилия на Западном фронте и ускорить разгром немецких войск. В то же время балканские союзники Франции получили дополнительные аргументы в пользу продолжения их участия в войне и после капитуляции армий Болгарии, Австро-Венгрии и Турции, надеясь на извлечение максимальной политической выгоды от окончательной военной победы Антанты. Удалось также сбалансировать интересы в лагере союзников.

Таким образом, дипломаты и политики Франции реализовали требования военных и создали необходимые политические условия для победы армий, в свою очередь, гарантировавшей осуществление политики восстановления в форме, которая отстаивалась с января 1917 г. до перемирия с Германией 11 ноября 1918 г. Все это давало основание французским политикам с удовлетворением отметить, что с подписанием Салоникского перемирия дипломатические усилия Франции увенчались успехом, позволившим осуществить одну из ее военно-политических целей.

Сменявшие друг друга во время войны правительства Третьей республики неуклонно защищали в своих внешнеполитических декларациях, принимаемых парламентом и одобряемых сенатом, тезис о выводе армий Центральных держав с сербской территории в качестве одного из условий прекращения военных действий. Одновременно французские государственные деятели в своей дипломатической переписке с внешнеполитическими канцеляриями союзных правительств доказывали, что восстановление территориальной целостности Сербии является условием *sine qua non* для подписания перемирий между воюющими сторонами. Политика восстановления территориальной целостности Сербии была поддержана союзными прави-

тельствами и общественным мнением стран Антанты. При таких обстоятельствах после военного разгрома Болгарии и при деятельном участии сербской армии в балканских операциях это стремление стало одной из наиболее легко и быстро осуществимых военно-политических целей Франции. В телеграмме, направленной в сентябре 1918 г. сербскому королю Петру, Пуанкаре очень точно синтезировал политические результаты последних событий для сербской национальной программы. "Поражение Болгарии и перемирие с ней, — писал Пуанкаре, — обеспечивают Сербии освобождение ее территории и ликвидацию допущенных по отношению к ней несправедливостей"⁴⁷. А в поздравлениях греческому королю по случаю болгарской капитуляции Пуанкаре выражал уверенность, что "Греция снова возвратит себе утраченные провинции, которые были захвачены у нее с помощью интриг и предательства, а не вследствие превосходства неприятеля..."⁴⁸.

С точки зрения международного права перемирие делало настоятельной необходимостью возвращение к Бухарестскому договору как к основе для определения восточных границ Сербского королевства⁴⁹. Как явствует из французских дипломатических документов, осенью 1918 г. на Кэ д'Орсе сосредоточивалась разнообразная информация и просчитывались многочисленные варианты поиска решения спорных территориальных проблем на Балканах. Так, в донесении П. Камбона защищался тезис о болгарском характере населения Македонии. Данный тезис весьма отличался от позиции его министерства, что объяснялось, главным образом, тем, что на взгляды Камбона проецировались настроения официального Лондона, выступавшего под влиянием Югославянского комитета и при сильном нажиме со стороны Балканского комитета^{50*} в пользу федеративной Югославии. В это же время французское посольство в Риме в своих докладах о взаимоотношениях сербского правительства и Югославянского комитета, как правило, отмечало негативное отношение некоторых хорватских партий к идее присоединения югославян Габсбург-

* Балканский комитет отстаивал мнение софийского правительства по македонскому вопросу.

ской империи к сербскому королевству и созданию централизованного государства под скипетром Карагеоргиевичей⁵¹. Параллельно Луазо анализировал предлагаемый хорватами замысел создания югославянского федеративного государства, которое должно было включить в свой состав и болгар в качестве "восточной ветви югославян"⁵².

Имея в своем распоряжении столь разнообразную и противоречивую в рекомендательном аспекте информацию, французские политики все же сосредоточились на восстановлении балканского территориального статус-кво, очерченного Бухарестским договором 1913 г., "как исторической справедливости". Тем самым Кэ д'Орсе продемонстрировало твердую решимость Франции превратить этот договор в базу для применения политического принципа "репараций и гарантий" при окончательном определении болгарских границ на предстоящей мирной конференции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ларше М. Световната война на Балканския полуостров. Политическо ръководство на войната // Военноисторически сборник (далее – ВИСб). София, 1940. № 47. С. 3–4.

2. Centre international sur les Sources d'Histoire Balkanique et Méditerranéenne (далее – CIBAL), Archives du Ministère des Affaires Étrangères, France (AMAEF). Série A.: Paix. Vol. 151. Carton 1095. P. 3. Le 12.01.1917. Briand à Cambon.

3. Ibid. P. 5.

4. Ген. Петен. Румънската драма – 1916–1918 // ВИСб. 1938. № 34. С. 2–89; Франше д'Епре. Съгласенските армии на Изток от 18 юни до 30 септември // ВИСб. 1939. № 39. С. 33–129; Foch F. Memoires pour servir à l'histoire de la guerre de 1914–1918. Paris. 1931. Vol. I–II; Френските армии в Световната война. У част. Победата в Македония. Министерството на войната на Франция // ВИСб. 1942. № 53–56.

5. Архив Србији (далее – АС); AMAEF. Série A.: Paix. Travaux préparatoires de la Conférence. Vol. 200. P. 16–50; АС. AMAEF. Série: Guerre 1914–1918. Autriche-Hongrie. Papiers d'agents. Vol. 51. Rapp. de Fontenay, Corfou à Paris. Le 20.09.1918; Ibid. Vol. 159. La Note du 12.09.1916; Les Travaux du Comité d'études. Paris, 1919. T. 2. P. 487–670.

6. CIBAL. AMAEF. Série: Europe 1918–1929. Roumanie. Vol. 32. P. 179–186; Ibid. Vol. 33. P. 71–88; Ibid. Vol. 34. P. 1–11; CIBAL. AMAEF. Série A.: Paix. Carton 1155. D. 1, P. 1–6. Fontenay à Pichon. Note – Les conditions de la Paix dans les Balkans.

7. В соответствии с данными исследования, проведенного Ф. Фейсом, доля французских капиталовложений в балканских странах за четырнад-

цать предвоенных лет возросла с 0,7 % до 2,5 %. См.: Fels F. Europe world's banker. N. Y., 1968. P. 51. См. также: Дамянов С. Френското икономическо проникване в България. 1878–1914 гг. София, 1981; Palmade G. Capitalisme et capitalistes français XIX s. Paris, 1961.

8. CIBAL. AMAEF. Série: Europe 1918–1929. Roumanie. Vol. 34. P. 7, 51, 61, 70, 78, 100, 116–133; Ibid. Vol. 32. P. 168, 176.

9. См. все документы из следующих дипломатических досье: CIBAL. AMAEF. Série: Guerre 1914–1918. Turquie. D. 1, 2, 7, 9.

10. Kitsikis D. Propagande et pression politique Internationale. La Grèce et ses revendications à la Conférence de la Paix (1919–1920). Paris, 1963. P. 61, 366.

11. CIBAL. AMAEF. Série A.: Paix. Vol. 151. P. 6. Le 12.01.1917. Briand à Cambon.

12. Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. М., 1926. Ч. 2. С. 108–110.

13. Projet de Pichon... Paris, Le 27.01.1918 // Poincaré R. Au service de la France. Paris, 1933. T. IX. P. 21–25; См. также: Le mensonge autrichien. L'Incident Clemenceau. Paris, 1918.

14. Projet de Pichon. P. 24.

15. AC. AMAEF. Série: Guerre 1914–1918. Vol. 161. P. 87. Le 21.01.1918. Loiseau à Pichon.

16. CIBAL. AMAEF. Série A.: Paix. Carton 1095. D. 2, 9.

17. CIBAL. AMAEF. Série: Europe 1918–1929. Roumanie. Vol. 32. P. 107–110, 116, 117, 129, 130. Vol. 31. P. 238–242.

18. Българска Академия на науките (БА). Архивна колекция (АК) № 12. Оп. 24. А. е. 423.

19. CIBAL. AMAEF. Série A.: Papiers d'agents. Vol. 149. Le 16.08.1916. Joffre au chef de la mission française auprès du Grand Quartier Général russe. См. также: CIBAL. AMAEF. Série A.: Paix. Turquie 1917–1918. D. 9. P. 66–67, 74–76. Le 07.08.1918. Le 11.09.1918. Le 09.10.1918. Dutasta à Pichon.

20. CIBAL. AMAEF. Série A.: Paix. Turquie 1917–1918. D. 9. P. 40–58.

21. CIBAL. AMAEF. Série A.: Paix. Vol. 150. Le 29.07.1918. Clemenceau à Franchet d'Esperey.

22. Ibidem.

23. Ibidem.

24. Ibid. Le 10.08.1918. Fr. d'Esperey à Clemenceau; См. также: Франше д'Эспере. Указ. соч. С. 80–128.

25. AC. AMAEF. Série: Guerre. Autriche-Hongrie. Papiers d'agents. Vol. 52. Le 15.09.1918. Pichon à Vesnitch; Ibid. Vol. 31. P. 43.

26. Ibidem.

27. CIBAL. AMAEF. Série: Paix. Vol. 151. P. 88. Le 30.09.1918. Clemenceau à Cambon.

28. Poincaré R. Au service... P. 364, 369.

29. CIBAL. AMAEF. Série A.: Paix. Vol. 151. P. 148. Le 5.10.1918. Clemenceau à Jusserand.

30. Ibid. P. 88. Le 30.09.1918. Clemenceau à Cambon.

31. Ibid. P. 142. Le 02.10.1918. Jusserand à Pichon.

32. Ibid. P. 78. Le 30.09.1918. Billy à Pichon; P. 90. Le 01.10.1918. Billy à Pichon; P. 135. Le 01.10.1918. Fr. d'Esperey à Foch; P. 198. Le 08.10.1918. Note du Ministère de la Guerre à Paris.

33. Ibid. P. 135. Le 01.10.1918. Fr. d'Esperey à Foch.
34. Ibid. P. 111. Billy à Pichon.
35. Ibid. P. 198. Note du Ministère grec à Paris. Le 08.10.1918.
36. AC. AMAEF. Série A.: Paix. Vol. 200. P. 53. Le 31.10.1918. La Conversation de Bertelot avec Trumbić.
37. Ibid. P. 9–15. Note de Fontenay à Pichon.
38. CIBAL. AMAEF. Série A.: Paix. Vol. 151. P. 156. Le 30.09.1918. Clemanceau à Foch.
39. Ibid. Vol. 279. P. 2–20. Note sur les demandes de l'armistice.
40. Ibidem.
41. Ibidem.
42. Ibid. P. 15.
43. Ibid. Vol. 151. P. 136. Le 01.10.1918. Fr. d'Esperey à Foch.
44. Ibid. P. 200. Le 15.10.1918. Pichon à tous les ambassadeurs français.
45. Ibid. Série A.: Paix. Turquie 1917–1918. D. 9. P. 86. Le 13.10.1918.
46. Ibid. Série A.: Paix. Vol. 151. P. 199. Le 15.10.1918. Pichon à tous les ambassadeurs français.
47. Poincaré R. Messages, Discours et allocutions. T. I. P. 280.
48. Ibid. P. 282.
49. CIBAL. AMAEF. Série A.: Paix. D. I.V.1918–II. 1919. Le 24.11.1918. Fontenay à Pichon.
50. AC. AMAEF. Série: Guerre 1914–1918. Autriche-Hongrie. Papiers d'agents. Vol. 50. Le 24.09.1918. Cambon à Pichon – Un interview du député croate St. Radčić, publié par Neue Freie Presse; Vol. 51. Le 10.10.1918. Cambon à Pichon. Le 11.10.1918. Cambon à Pichon. Le 21.10.1918. Cambon à Pichon.
51. Ibid. Vol. 161. P. 18. Loiseau à Pichon.
52. Ibid. Série: Paix 1914–1920. Vol. 200. P. 49. Note de Loiseau "État de la Question Yougoslave jusqu'au 30.10.1918".

Перевод с болгарского
Г. Д. Шкундина

САЛОНИКСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ КАК ПРОЛОГ МИРНОГО ДОГОВОРА С БОЛГАРИЕЙ

Нейский мирный договор от 27 ноября 1919 г. подводил основные итоги первой мировой войны для побежденной Болгарии. Он рассеял иллюзии болгарских политиков, до последней минуты рассчитывавших на снисходительность Антанты и решение балканских проблем в духе известных принципов американского президента В. Вильсона. На всем протяжении процесса мирного урегулирования логика руководителей большинства болгарских партий была следующей: раз главный виновник двух национальных катастроф, царь Фердинанд Кобургский, уже устранен с политической авансцены, то болгарский народ, и без того расчлененный Бухарестским договором 1913 г. из-за его "вероломства", вторично нельзя наказывать. Окончательные условия мирного договора превзошли даже наиболее пессимистичные ожидания болгарских идеалистов¹.

Жестоко обманутый в своих надеждах, крестьянский электорат Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), приведя к власти свою партию осенью 1919 г., настойчиво требовал предать суду виновников поражения. Лидеры режима БЗНС в своем стремлении расправиться с буржуазной оппозицией воспользовались этими настроениями, ссылаясь на итоги всенародного референдума. Членам двухпартийного демократическо-радикального кабинета А. Малинова – Ст. Костуркова, сформированного в июне 1918 г., т. е. "под занавес" болгарского участия в войне, инкриминировалось то, что они не вывели страну из войны своевременно – летом 1918 г. Их обвинители заявляли, что не отстегнув Болгарию от германской военной колесницы и не заключив сепаратный мир с Антантой, министры вкупе с царем дотянули до конца сентября, когда военный разгром и оккупация Болгарии стали неизбежными. А Салоникское перемирие, подписанное 29 сентября в неблагоприятной для страны военно-политической ситуа-

ции, заложило под болгарскую программу национального объединения мину замедленного действия, которая и взорвалась в Нейи год спустя. Такие же обвинения, среди прочих, предъявлялись и предшественнику Малинова д-ру В. Радославову, возглавлявшему до июня 1918 г. кабинет "либеральной концентрации".

В те годы эмоциональный фактор исключал объективный взгляд на предъявляемые обвинения. В настоящее время в Болгарии, постепенно освобождающейся от наследия тоталитаризма, в условиях формирующейся многопартийности и некоторого оживления монархических настроений снова пробуждается интерес к деятельности таких политиков, как царь Фердинанд, А. Малинов, А. Ляпчев и др. Поэтому представляется весьма важным ответ на вопрос, насколько правомерными были эти обвинения? Существовала ли у Болгарии весной и летом 1918 г. реальная возможность выйти из мировой бойни с потерями меньшими, чем в сентябре? Была ли у правительства альтернатива продолжению войны?

Основные аспекты непосредственной дипломатической предыстории Салоникского перемирия достаточно обстоятельно освещены в болгарской и югославской историографии, особенно в последние годы². В общих чертах ясна роль великих держав – Англии, Франции и США – в подготовке и достижения этого перемирия.

Поэтому в настоящей статье рассматриваются вопросы, на наш взгляд, пока малоизученные: как ситуация на фронтах, перспективы развития военных действий и внутривнутриполитическая обстановка в самой Болгарии весной и летом 1918 г. влияли на попытки правительства и оппозиции тем или иным путем выйти из войны? В какой степени Салоникское перемирие сказалось на изменении общей военно-политической ситуации в Европе, приблизило сроки завершения войны и обусловило ее окончательные итоги? Можно ли его считать прелюдией к Нейискому мирному договору?

Для источниковой базы, привлекаемой обычно исследователями истории болгарской дипломатии, характерна определенная специфика. В отличие от других стран с развитыми традициями парламентской демократии, незави-

симой от правительства прессой, влиятельным общественным мнением, в Болгарии, в условиях личного режима царя Фердинанда Кобургского, Народное Собрание и политические партии, особенно оппозиционные, не только не могли оказывать влияния на формирование или изменение правительственной концепции внешней политики, но зачастую даже не были информированы о ней или сознательно вводились в заблуждение. Само же правительство послушно следовало внешнеполитическим курсом, указанным царем. Кабинет Малинова не был в этом смысле исключением. За три месяца, пока тандем царя и Малинова руководил внешней политикой страны, решающее и окончательное слово в процессе принятия решений было за Кобургом. Не парламентские кулуары, а царский дворец был той политической кухней, где не очень искусная болгарская дипломатия готовила свои "кушанья" – дипломатические ходы и контрходы. Поэтому протоколы парламентских дебатов для изучения рассматриваемого вопроса по существу дают очень мало. Правительство Малинова, забрасывая "пробные мирные шары" во враждебный стан, делало это в обход традиционных дипломатических каналов, через подставных лиц, широко используя известную "параллельную дипломатию", что соответствовало обычной практике зондажей о сепаратном мире. Поскольку "параллельная дипломатия" редко оставляет после себя следы в виде документов, то и архивные фонды болгарского МИД (так называемая "Оранжевая книга") в указанном плане для обозначенной темы не столь важны³.

В этих условиях необычайно повышается ценность таких источников, как мемуары, дневники и эпистолярное наследие болгарских и иностранных политических, государственных деятелей, военачальников, дипломатов (В. Радославова, А. Малинова, Н. Жекова, П. Пешева, Вильгельма II, П. Гинденбурга, Э. Людендорфа, Р. Пуанкаре, Л. Франше д'Эспере, Д. Ллойд Джорджа), требующие, однако, определенной внутренней критики. Большинство мемуаристов политически пристрастны. Например, потерпевшие фиаско болгарские руководители всеми силами стремятся оправдаться перед соотечественниками. Поэтому в вышеперечисленных мемуарах наиболее значимы

исторические факты, а не оценки, выводы и умозаключения их авторов.

Ряд существенных деталей помогают восстановить документы парламентских комиссий по расследованию деятельности кабинетов Радославова и Малинова⁴. Для воссоздания полноты картины важное значение имеют английские, американские, итальянские и сербские дипломатические документы.

Как известно, выход России из антантовской коалиции и подписание мирного договора с нею значительно взбудрили болгарских руководителей. Сепаратный мир с большевиками был чрезвычайно выгоден для Центральных держав потому, что он избавлял страны Четверного союза от кошмара длившейся более трех лет войны на два фронта и к тому же решал территориально-политические вопросы в Восточной Европе к вящему удовлетворению Германии и ее союзников. Теперь они ждали решающего перелома в борьбе с Великобританией и Францией, которые лишились такой ценной союзницы, как Россия. Рассчитывая выкачать продовольствие из оккупированной Украины, и Германия, и ее младшие партнеры надеялись смягчить экономический кризис в своих странах и нейтрализовать тем самым последствия блокады, осуществляемой Антантой.

Для болгарских правителей, которые еще к концу 1916 г. добились осуществления своих основных военно-политических целей⁵, давно уже потеряло всякий смысл участие в мировой войне. Вардарская Македония и часть собственно сербских земель были уже присоединены к Болгарии, как им казалось, навсегда, а Южная Добруджа, частично Косово и Эгейская Македония заняты болгарской армией. Царь и Радославов давно уже задумывались о способах выхода из войны, стремясь при этом удержать завоеванное.

Поэтому весной 1918 г. перед ними возникала все более отчетливо надежда на то, что за Брестским договором последуют окончательная победа, всеобщее мирное урегулирование и международное признание новых границ "Великой Болгарии" на мирной конференции. Весь парадокс заключался в следующем. Антивоенные настрое-

ния в Болгарии весной 1918 г. были настолько сильными, что, не рекламируя значение заключенного с Россией мира, правительство либералов не могло продолжать борьбу против Антанты на Салоникском фронте. К этому времени оно находилось в сильнейшей степени экономической, политической и военной зависимости от Германии. Поэтому, подобного рода "убаюкивание" болгарской общественности сказками о близком заключении "достойного мира через победу" целиком отвечало намерениям германских правящих кругов продлить участие болгар в военных действиях, оттянуть на Балканы по возможности больше сил Антанты и добиться тем самым решающего перелома в свою пользу на Западном фронте.

Но прекращение чрезвычайно непопулярной в болгарском обществе войны против России не привело к ожидаемому Радославовым укреплению позиций его кабинета. После Бреста атаки буржуазной оппозиции на Радославова возобновились, а с подписанием в мае 1918 г. Бухарестского договора с Румынией усилились. Как известно, Радославов в Бухаресте получил от своих союзников лишь Южную Добруджу. В северной же ее части, на которую тоже распространялись аппетиты болгарских правящих кругов, устанавливался кондоминиум всей Четверной коалиции. Неудовлетворительное решение вопроса о Северной Добрудже и выход побежденной Румынии из антантовского блока в последний раз в ходе войны создали для Болгарии какую-то возможность сговориться с противником, на сей раз за счет румынской территории.

Общеизвестно, что еще с момента вступления Болгарии в войну державы Антанты помышляли об ее отрыве от Центральной коалиции, соблазняясь теми бесспорными стратегическими преимуществами, которые могло бы принести осуществление данной акции⁶. Но задуманное можно было осуществить, только посулив болгарам конкретные территориальные компенсации за счет их балканских соседей — Сербии, Греции, Румынии или Турции. На протяжении 1916–1917 гг. земли то одной, то другой из этих стран были предметом торга с Болгарией в дипломатических зондажах Антанты. Все зависело от конкретной политической ситуации в перечисленных странах и общего

хода военных действий. Весной 1918 г. настала очередь Румынии.

Хотя дипломаты Антанты понимали, что сепаратный мир с Болгарией был единственной надеждой для Румынии, оказавшейся после Бреста в тяжелейшей ситуации, они тем не менее твердо высказывались против подготовки такого договора⁷. Когда же Бухарестский мир с Четверным союзом был подписан, английско-французская группировка заявила, что более не считает себя связанной какими-либо обязательствами с Румынией⁸.

С учетом всего этого весной 1918 г. впервые за все время участия Болгарии в войне изменились в благоприятную для нее сторону настроения во французском военном министерстве. Ранее во Франции весьма сдержанно относились ко всякого рода предложениям о заигрывании с Болгарией. Здесь были довольно сильны сербофильские настроения, и различные авансы в адрес Болгарии и, прежде всего, Кобурга неизбежно вызвали неприязненное возбуждение общественного мнения в связи с нападками на Салоникскую экспедицию.

Новые веяния отразились в докладе французских военных экспертов "Политическое положение на Востоке", составленном в апреле 1918 г.⁹ Центральным пунктом в нем было обеспечение сотрудничества или, по крайней мере, нейтралитета болгарской армии. Эвентуальный же удар болгарской армии по турецким тылам был, по мнению авторов доклада, единственным способом отрыва Турции от Германии. Одновременно он позволил бы значительную часть высвободившихся войск Антанты перебросить в Россию для противодействия там германской экспансии. Ради этого французские военные эксперты были готовы пойти на различные варианты решения македонского вопроса в пользу Болгарии, в том числе и передать болгарам всю Македонию. Генерал Л. Франше д'Эспере, с июня 1918 г. командовавший войсками союзников на Салоникском фронте, также посоветовал главе правительства Ж. Клемансо попытаться достигнуть сепаратного мира с Болгарией вместо того, чтобы обрекать армию на напрасные жертвы¹⁰.

В целом, в первой половине 1918 г. в британских и

французских дипломатических кулуарах было много разговоров о сепаратном мире с Болгарией, и всегда в первую очередь затрагивалась македонская проблема, которая приобрела в годы войны общеебалканское и международное значение. Ситуация стала напоминать "болгарское лето" 1915 г., когда Антанта пыталась решить вопрос о привлечении Болгарии на свою сторону за спиной и за счет собственных малых союзников, в первую очередь, Сербии. Интересы же населения Македонии вообще никто не брал в расчет, хотя кое-что о них знали, например, в Лондоне. Так, лорд Нортклифф, который возглавлял особое бюро при правительстве, занимавшееся пропагандой против вражеских стран, и территориальными вопросами, в письме к главе Форин оффис А. Бальфуру 25 мая писал, что "сами македонские болгары предпочтут автономию непосредственному присоединению к Болгарии"¹¹. В ответе от 6 июня Бальфур согласился с данным тезисом¹². Конечно, такая точка зрения на будущее Македонии была не единственной среди различных кругов общественности этой многострадальной провинции и представителей ее эмиграции. Но в данном случае важно другое – несомненно, что и в 1918 г., когда македонский вопрос решался на фронтах в самой Македонии, и в 1919 г., когда он зазвучал в Версале, Македония была разменной монетой либо в торге держав с Болгарией, либо в междоусобной борьбе победителей за послевоенное влияние на Балканах. Для руководителей стран Антанты она всегда была лишь объектом, но отнюдь не субъектом в международных отношениях. А поэтому идея автономии Македонии, ее обособления в качестве отдельной национально-территориальной единицы всерьез ими не рассматривалась никогда. Вершители судеб народов, принимая решения, никогда не вдавались в подробности болгарско-сербского спора об этнической принадлежности славянского населения Македонии, не имели такого желания, да и возможности. Эта земля была для них европейской глухоманью, своего рода *terra incognita*. В штате Форин оффис тогда не было даже экспертов, которые могли бы дать квалифицированное заключение о наиболее оптимальном разрешении этого болезненного для всех балканских стран вопроса. Крупнейший английский специалист по

балканским проблемам, к советам которого официальный Лондон прислушивался, Р. У. Сетон-Уотсон определенной позиции по этому вопросу не занимал, хотя, по его собственным словам, еще до мировой войны чувствовал "нарастающее сочувствие к сербской точке зрения"¹³. Как явствует из мемуаров чиновника Форин оффис Г. Никольсона, почти вплоть до окончания военных действий в его ведомстве мало касались возможных перспектив послевоенного умиротворения болгар¹⁴.

Все проекты, рождавшиеся в 1918 г., как на Кэ д'Орсе, так и в недрах английского МИД, обещаая Болгарии всю Македонию или ее часть, так и остались в архивах министерств и генеральных штабов и практически на внешнеполитический курс правительств не повлияли. Для Британии это особенно характерно. В период премьерства Д. Ллойд Джорджа значение министерства иностранных дел в процессе принятия внешнеполитических решений существенно снижается. Все большую роль играет лично премьер-министр, часто оставляя кадровых дипломатов в "состоянии беспомощного удивления"¹⁵.

Что касается Италии, то она, конечно, после сокрушительного разгрома у Капоретто была слишком слаба, чтобы вести самостоятельную политику в отношении Болгарии. Тем не менее, явная недооценка итальянского фактора во внешнеполитической концепции либерального кабинета была, на наш взгляд, одним из многочисленных просчетов Радославова. Опубликованные не так давно итальянские дипломатические документы наводят на интересную мысль¹⁶. Если бы царь и Радославов именно весной 1918 г. попытались примириться с Италией, их попытки, по всей вероятности, нашли бы в Риме благожелательный отклик, особенно если иметь в виду итальянско-сербские и итальянско-греческие противоречия. Ведь по мере того, как после Корфской декларации создание крупного югославянского государства становилось все более реальной и все более неприятной перспективой для итальянской *mapia grandiosa*, ее интерес к Болгарии как к наиболее оптимальному противовесу неминуемо должен был возрастать. Тем более, что родственная и близкая итальянцам своей политикой Румыния после военного разгрома на неопределен-

ное время перестала быть самостоятельным фактором на Балканах. Кстати, и вступить-то в контакт с Италией было делом несложным, хотя бы через Ватикан, с которым Фердинанд поддерживал связь на протяжении всей войны. Именно Италия могла стать для болгар своеобразным троянским конем, с помощью которого удалось бы "проникнуть" в лагерь Антанты и завязать предметный разговор о мире с Великобританией и Францией. Ведь как показал предшествующий опыт, попытки вступить в переговоры одновременно со всеми великими державами Антанты из-за противоречий между ними заканчивались для болгар неудачей. Поэтому в интересах дела следовало бы отделить позицию Италии по болгарскому вопросу от ее союзников.

Но это все гипотетические размышления историка спустя десятилетия после события. Реальные же документы, хотя и свидетельствуют о наличии каких-то смутных "итальянских" соображений у болгарского руководства¹⁷, одновременно говорят и о другом. На протяжении 1917–1918 гг. взаимное недоверие в двусторонних отношениях нарастало, чему в немалой степени способствовали противоречия, вызванные албанским вопросом, с одной стороны, провозглашение итальянцами "независимости" Албании на оккупированной территории, с другой стороны, издание болгарским дипломатом, посланником в Берлине, Д. Ризовым атласа с обозначением притязаний Болгарии на албанские земли и т. д.¹⁸.

Упустил Радославов и благоприятные возможности, связанные с американским посредничеством. Не поддавшись германскому нажиму и сохранив дипломатические отношения с США, он, однако, не стремился использовать их в поисках выхода из войны, а рассматривал лишь как козырь в дипломатическом торге со своими союзниками из-за Добруджи¹⁹. А зря! Как свидетельствуют документы группы "Inquiry" – созданного при В. Вильсоне "мозгового центра", возглавляемого полковником Э. Хаузом²⁰, американские дипломаты, учитывая неудовлетворенность Болгарии решением вопроса о Добрудже, расценивали ее как наиболее "слабое звено в германской цепи". Они рекомендовали своему правительству удовлетворить значи-

тельную часть "справедливых национальных требований Болгарии" – в Добрудже, Фракии, Эгейской Македонии²¹.

Двухпартийный кабинет антантофила Малинова, сменивший либералов у власти в июне 1918 г., хотя и предпринимал робкие попытки в обход царя вступить в контакт с союзниками, но с самого начала был обречен в этом плане на неудачу, ибо изменилась общая военно-политическая ситуация. К началу лета Антанта фактически уже не ставила цель развалить Четверной союз путем отрыва от Германии ее союзниц. Например, в июне Малинов попытался забросить "мирный шар" американским дипломатам в Швейцарии. Но В. Вильсон, который за полгода до этого не отвергал идею ведения переговоров с болгарами, теперь категорически возражал против их начала, поскольку к этому времени уже отказался от курса на политический раскол Центральных держав²².

Вообще при оценке действий правительств Радославова и Малинова по вопросу о сепаратном мире очень важно отделить обычный для дипломатии всех стран в военное время тайный зондаж мирных условий противника от склонности пойти на сговор с ним. Необходимо определить, когда первое явление перерастает во второе. По нашему убеждению, в данном случае в Болгарии, как и во всех предыдущих и последующих, вплоть до начала Владдайского восстания, имел место обычный зондаж, который носил чисто тактический характер.

Провал последнего германского наступления, ставший явным к середине июля, полностью убедил союзников в том, что окончательный исход войны решат не дипломатические интриги, а мощный и решительный удар по врагу. В немалой степени это изменение в стратегических планах Антанты произошло под влиянием маршала Ф. Фоша.

Подобный поворот в стратегии союзников чрезвычайно обрадовал сербских руководителей, имевших свои причины для испуга из-за прихода к власти антантофила Малинова. Для главы правительства в Сербии Н. Пашича стало очевидным, что военная победа является наилучшим способом прекращения закулисных комбинаций Антанты с Болгарией. Именно поэтому правительству Сербии, как воздух, было необходимо скорейшее наступление на Сало-

никском фронте. Сербские войска, вновь став хозяевами в Македонии до начала мирных переговоров, тем самым должны были предрешить окончательный результат возможного рассмотрения на конференции македонского вопроса. Более того, в апреле 1918 г. Пашич выдвинул новые территориальные притязания к Болгарии. Они распространялись как минимум на всю долину реки Струмы, а как максимум на территорию, "которая бы охватила всех македонцев"²³. Это требование объяснимо с помощью не столько этнического, сколько стратегического фактора и мотивировалось соображениями безопасности Сербии в будущем. Оно было первым симптомом, который предвещал и, в конечном итоге, привел к возникновению в Версале еще одного "яблока раздора" в болгарско-сербских отношениях – вопроса о так называемых "западных окраинах" (Цариброд, Босилеград и др.).

С началом же подготовки военного наступления в Македонии политические вопросы, связанные с Болгарией, отошли у союзников на второй план, что как раз было на руку и Пашичу, и греческому премьеру Э. Венизелосу.

Имел ли Малинов в этих условиях реальную возможность заключить сепаратный мир? Парламентская комиссия, составленная в основном из коммунистов и членоев БЗНС, впоследствии тенденциозно утверждала, что якобы Малинов сознательно препятствовал достижению мира.

Сам же Малинов в одной из речей в 1919 г. так объяснял свои действия летом 1918 г.: "Мы добивались мира, но мы не могли прибегнуть при положении, в котором находилась страна, к авантюрам, способным в июльские или августовские дни сделать из Болгарии театр военных действий. В таком случае мы не только бы потеряли более того, что потеряли впоследствии, но Болгария была бы окончательно уничтожена... Я хотел для нашего народа мира, но не новой и намного более ужасной войны. В тот период 1918 года Болгария была в руках наших союзников. Они были ее полными хозяевами. Они бы приняли все меры, сумев в кратчайшее время при попытке только так называемого "сепаратного мира" свалить правительство и бросить в

Болгарию не только свои, но и турецкие и – пусть это не покажется удивительным – даже румынские войска”²⁴.

Действительно, правительство Малинова – Костуркова сказало между двух огней. Оно не намеревалось связывать себя ни с теми, кто хотел продолжать войну до победного конца (царь, военная верхушка с главнокомандующим Н. Жековым, либералы и даже некоторые деятели в самой демократической партии, например, министр Рашко Маджаров), ни с теми, кто призывал закончить войну через сепаратный мир “любой ценой” (члены БЗНС и “тесняки”). Идти на поводу у последних Малинов не желал, ибо в тех условиях для Болгарии сепаратный выход из войны неизбежно означал капитуляцию. Малинов же опасался этого, дабы его не обвинили в том, что он сознательно отказался от национального идеала²⁵. Сербские дипломатические документы зафиксировали лишь шаги подобного рода, исходившие в июле 1918 г. от неправительственных элементов (как миссия д-ра Бомболова, например), что заранее обесценивало их возможные результаты²⁶.

Малинов же решил идти другим путем: “Кабинет в согласии с партиями считал, что за спиной союзников мы не можем заключить мир, но он сделал все от него зависящее, чтобы склонить царя, главное командование и наших союзников к заключению мира (выделено мною – Г. Ш.)”²⁷.

Действительно, 24 июня, когда Малинов впервые как премьер встретился с Жековым, он прямо заявил: “Ввиду нашего тяжелого положения и особенно тяжелого положения Австро-Венгрии мы будем действовать совместно с ней с целью или принудить Германию к заключению мира, или искать выход вопреки ей”²⁸. Таким образом, министр-председатель хотел сесть в давно ушедший поезд. Мысль о действиях в одной связке с Австро-Венгрией в обход Германии была в принципе верной, но безнадежно запоздалой. Именно ее следовало брать на вооружение Радославову в конце 1917 – первой половине 1918 г.²⁹ С середины же 1918 г., когда изменилось отношение Антанты и к вопросу о сохранении дышавшей на ладан Австро-Венгрии, и к германским сателлитам вообще, такая политика была бесперспективной, но Малинов не учитывал изменившейся конъюнктуры.

Ему было не под силу резко изменить курс болгарского государственного корабля (имеем в виду его личные качества) и, главным образом, из-за сложности периода, переживаемого страной. Если бы Малинов захотел стать болгарским Венизелосом, царь был тогда еще достаточно силен, чтобы свалить кабинет³⁰, сгруппировать вокруг себя все германофильские элементы. Малинов стал у кормила слишком поздно, когда бурное течение событий неумолимо несло болгарский корабль без руля и ветрил по курсу, намеченному Германией, на рифы национальной катастрофы. Премьер-министр не имел твердой поддержки со стороны других антантофильских партий, и в первую очередь, самой массовой из них — БЗНС. Не все обстояло гладко в коридорах власти и из-за неопределенной позиции радикалов. Не случайно и сами радикалы позднее признали свое участие в правительстве Малинова "первой фатальной ошибкой" в политической деятельности партии³¹.

Вся трагедия заключалась в том, что о подлинных масштабах надвигающейся катастрофы болгарское правительство не подозревало вплоть до капитуляции в Салониках, ибо верило непоколебимо в военную мощь Германии. После заключения Брест-Литовского и Бухарестского мирных договоров царь и Малинов в своих стратегических замыслах исходили из ложной посылки, считая позиции Болгарии и Четверного союза в целом окрепшими. Одной из причин такой близорукости была недостаточная информированность тех, кто принимал решения в Софии. Предварительная экспертиза этих решений была из рук вон плохой. В условиях личного режима Фердинанда царь и правительство слышали из уст болгарских представителей за рубежом то, что они хотели услышать. Способные дипломаты (Д. Станчов, М. Маджаров, С. Радев) под разными предложениями были оттеснены на обочину либо потому, что их внешнеполитическая ориентация не совпадала с симпатиями Кобурга, либо вследствие того, что последний испытывал к ним личную неприязнь. Например, Симеона Радева, неоднократно осуществлявшего в годы войны блестящие дипломатические ходы, царь называл за глаза "Симо-Иуда" только за то, что его имя пользовалось авторитетом в дипломатических канцеляриях стран Антанты³². Радев

был близок к опальному лидеру стамболистов Н. Генадиеву и неоднократно предостерегал царя и правительство от их решимости безотчетно следовать в фарватере германской политики.

В годы войны в болгарском внешнеполитическом ведомстве бал правила воинствующая некомпетентность à la Ризов. Последний занимал ключевой пост посланника в Берлине и состоял в близком родстве с Радославовым. Спекулируя на этом, он менторски поучал правительство, всерьез думая, что держит в руках нити мировой политики. В своих посланиях из Берлина Ризов не только умалчивал о надвигающемся экономическом и политическом кризисе в Германии, но даже и опровергал подобного рода данные, полученные в Софии из других источников. Он самоуверенно предрекал: "Эта война может вызвать революцию всюду, но Германия будет последней страной, где революция может вспыхнуть"³³. Именно к его советам прислушивались в Софии, поскольку они ласкали слух царя.

Тем неожиданнее и тяжелее для Болгарии были последствия наступления Антанты на Салоникском фронте. Динамика катастрофического для Софии развития событий с 15 по 29 сентября, т. е. от прорыва фронта у Добро поля до заключения перемирия, изучена довольно обстоятельно. В деталях восстановлена роль трех основных политических факторов на болгарской сцене, действовавших в те дни самостоятельно: царя, полупарализованного кабинета Малинова и руководителей БЗНС А. Стамболийского и Р. Даскалова, только что освобожденных из тюрьмы.

Нас же интересует, в первую очередь, вопрос о том, как выход Болгарии из войны повлиял на окончательный крах Четверного союза. До 20 сентября германское верховное командование не было особенно обеспокоено последствиями прорыва Салоникского фронта, а поэтому первоначально не предполагало посылать значительных подкреплений в Македонию. Гинденбурга и Людендорфа больше тревожила общая политическая ситуация и возможность восстания в Софии, т. е. в тылу болгарской армии. Поэтому утром 27 сентября они решили бросить в Болгарию восемь дивизий, но не для помощи союзнице, а для того, чтобы "защитить царя от его правительства". Об этом Людендорф откровен-

но сообщал генералу Шольцу, командующему XI германской армией, которого прочили в военные диктаторы для этой страны³⁴. В дело вступила и "тяжелая артиллерия" – в тот же день кайзер обнадежил Кобурга обещанием военной помощи³⁵. Безуспешно стремясь воспрепятствовать выходу Болгарии из войны, ее союзники даже пошли, скрепя сердце, на подписание 25 сентября в Берлине протокола, согласно которому она получала северную Добруджу в безусловное владение³⁶. Это была своего рода приманка, с помощью которой Германия тщетно пыталась удержать болгар. Но документ, которого так долго добивались и Радославов, и Малинов, оказался мертворожденным. Было уже слишком поздно.

Во второй половине дня 28 сентября, обсудив новости болгарского театра военных действий, Гинденбург и Людендорф пришли к выводу, что Германия проиграла войну. Вот как описан этот эпизод в мемуарах Гинденбурга: "Наши силы все же явно слабеют. Кто восполнит трещину, если Болгария падет окончательно? Кое-что мы еще можем сделать, но мы не в состоянии построить новый фронт". Фельдмаршала особенно тревожило то, что поражение болгар "несомненно, разлагающе влияет на верную Турцию, которой грозит опасность уже со стороны Европы. Как будет вести себя Румыния, что будет делать огромная русская развалина? Все эти вопросы теснятся вокруг меня и заставляют принять решение – найти конец"³⁷. На следующий день, 29 сентября, т. е. в день подписания перемирия в Салониках, два некоронованных правителя империи вместе пошли к кайзеру и заявили ему, что и Германия должна немедленно заключить перемирие³⁸.

Вместе с начавшимся 26 сентября наступлением Фоша на Западе поражение Болгарии изменило общую военно-политическую ситуацию на континенте. Потеряв 400-тысячную болгарскую армию, Центральные державы оголили весь свой левый фланг. Создалась реальная угроза вторжения войск Антанты в пределы Австро-Венгрии с юга, а затем и удара на Германию с той же стороны. За исключением Дуная, на пути союзников не было сколько-нибудь существенных рубежей, где их можно было бы задержать. Под угрозой оказался и тыл германских войск в Румынии, а

значит и снабжение немцев румынской нефтью.

Осознав бесперспективность дальнейшего сопротивления, Германия 5 октября запросила перемирия. Именно запросила, а не предложила, поскольку еще летом и даже в начале сентября в условиях неустойчивого военного равновесия на Западе и существования Pax Germanica на Востоке Германия настойчиво пыталась убедить своих врагов, что разбить ее невозможно, но она готова заключить почетный мир. Военная катастрофа Болгарии оказалась в этом отношении переломной. Осознанием непреложности этого печального для Германии факта пронизано письмо Гинденбурга канцлеру Гертлингу от 3 октября³⁹.

Капитуляция Болгарии и успехи сербских войск в Македонии подняли престиж Сербии в глазах югославян дуалистической империи. Это напугало руководителей последней и побудило их, с одной стороны, обратиться к державам Антанты с просьбой о перемирии на основе "Четырнадцати пунктов", а с другой, осознать неотвратимость реформ с целью сохранить Австро-Венгрию. Именно так стоял вопрос на двух экстренных совещаниях руководителей государства 27 сентября и 2 октября⁴⁰.

Разгром Болгарии дал толчок и к неизбежной капитуляции истощенной Турции, которая лишилась всякой связи со своими союзниками. Для Антанты теперь открывался кратчайший сухопутный маршрут на Стамбул, гарнизон которого был слишком слаб для обороны города. По решению Верховного военного совета союзников от 7 октября, вопреки намерениям Франше д'Эспере начать поход на Будапешт и Вену, под давлением англичан было решено наступать на Фракию и зону проливов. В значительной степени это вписывалось в планы военных действий на юге России. Союзники заняли всю Западную Фракию до реки Марицы в течение октября и вынудили Турцию капитулировать в Мудросе.

У. Черчилль в своей книге о первой мировой войне так описывает последствия военного краха Болгарии: "Сила всей цепи, как бы громоздка она ни была, зависит от прочности ее самого слабого звена. Болгарское звено было сломано и вместе с ним сломаны оставшиеся звенья всей вражеской коалиции"⁴¹. Таким образом, поражение Бол-

гари, срезонировав, привело к развалу всего Четверного союза, несмотря на попытки Германии сорвать уже заключенное перемирие⁴².

По выражению полковника Хауза, "Салоникский побочный аттракцион себя оправдал"⁴³. Очень характерно, что по окончании сражений многие политические и военные деятели стран Антанты и особенно Британии (Ллойд Джордж, Черчилль⁴⁴ и др.) пришли к единому выводу, что они могли бы закончиться на полтора-два года раньше, если бы политики и военные отказались от порочного стратегического принципа, заключавшегося в стремлении выиграть войну прямым ударом по Германии. В первую очередь это касается президента Франции Р. Пуанкаре и маршала Ж. Жоффра, а также в какой-то мере и "отца победы" Ж. Клемансо, который, даже одобрив план наступления в Македонии, тоже не особенно верил в возможность успеха. Суровость же условий Нейского договора его творцы, в частности Ллойд Джордж, их подручные, например, Никольсон, а также общественные деятели, в том числе лидер лейбористов Р. Макдональд, объясняли впоследствии тем, что своим участием в войне на стороне Германии Болгария затянула ее на два года и вызвала дополнительные жертвы со стороны победителей⁴⁵.

Это обвинение в 1918–1919 гг. отвергалось болгарской общественностью, как нелепое. Дескать, как могла маленькая страна со своей небольшой армией и слабыми ресурсами затянуть на два года мировую войну, в которой с обеих сторон участвовали коалиции великих держав с многомиллионными армиями? Мы не можем отрицать того, что эмоциональный фактор со стороны победителей (жажда мщения, стремление "вывернуть карманы" у побежденных, ожесточенность общественного мнения и зависимость "большой тройки" от него) наложил свой отпечаток на ход и исход процесса мирного урегулирования с Болгарией. Однако, все же следует признать, что доля истины (и немалая!) в этом утверждении есть. Надо рассматривать участие Болгарии в войне не абстрактно, а с учетом конкретной военно-политической обстановки в ней и важности стратегического положения этой страны. Встав в свое время на сторону Центральных держав, болгары тем

самым позволили Германии объединить в сплошной массив, в единое геополитическое пространство огромную территорию от Рейна до Персидского залива, и подчинить германскому контролю все экономические ресурсы этого гигантского субрегиона. Болгария оттянула неизбежное поражение Турции, которая без прямого соприкосновения с Германией через болгарскую территорию была бы обречена на скорую капитуляцию. Болгарский фактор сыграл решающую роль осенью 1915 г. и в военном разгроме Сербии, чья территория и ресурсы оказались вовлечены в обслуживание германской военной машины.

Обобщая сказанное выше, можно согласиться с германским генералом фон Кулем, утверждавшим, что "катастрофа болгар в сентябре 1918 года стала судьбоносной для Центральных держав"⁴⁶. Эта точка зрения широко распространена в германской историографии⁴⁷.

В то же время Салоникское перемирие оказалось жизненно необходимым глотком кислорода, реанимировавшим разгромленную Румынию. Калейдоскопическая смена событий, начало которой положила капитуляция Болгарии, позволила румынскому правительству тянуть с ратификацией Бухарестского договора вопреки нажиму со стороны Германии. Договор формально так и не вступил в силу, что дало затем возможность премьер-министру И. И. Брэтиану клятвенно заверять Антанту в преданности и привести свою страну в стан победителей.

Интересен и вопрос о том, в какой степени Салоникское перемирие предопределило дальнейшую судьбу самой Болгарии, став своеобразным прологом будущего мирного договора с ней. В момент подписания перемирия никто в стране еще не мог предполагать, какими будут размеры национальной катастрофы. Так, например, юрист и публицист Димо Кьорчев, идеолог потерпевшей фиаско радославистской партии, в своем дневнике 18 октября 1918 г. сделал запись: "Многие примиряются с положением Болгарии, веря, что она выйдет из трудностей с приобретениями"⁴⁸. Дело в том, что, при отвлеченном взгляде, условия перемирия не казались крайне неблагоприятными для Болгарии⁴⁹. В нем нигде не упоминалось о капитуляции. В значительной мере поэтому болгарская историогра-

фия в оценке перемирия избегает определения его как капитуляции. На наш взгляд, сущность соглашения заключалась именно в этом, хотя оккупация и была осуществлена в благовидной форме. Как безоговорочную капитуляцию болгар трактует перемирие известный английский военный историк Б. Лиддел Гарт⁵⁰. Такой же оценки однозначно придерживалась официальная югославская историография⁵¹.

В соответствии с условиями перемирия, на территории, оккупированной союзниками, сохранялась болгарская гражданская администрация, а в Добрудже и на турецкой границе — болгарские войска. Конвенция урегулировала чисто военные вопросы, но ни слова в ней не говорилось о принадлежности Южной Добруджи, Западной Фракии, а тем более западных окраин. Поэтому большинство политических деятелей страны втайне надеялись, что на предстоящей мирной конференции Болгария удержит за собой эти территории и даже, возможно, расширится в направлении Восточной Фракии. Как успех болгарской делегации расценил соглашение и Фердинанд, больше всего озабоченный собственной судьбой⁵².

Иногда в болгарской исторической литературе можно обнаружить упреки в адрес главного делегата в Салониках министра финансов А. Ляпчева за то, что он безоговорочно принял все условия, навязанные Франше д'Эспере. Политические противники Ляпчева впоследствии утверждали, что, согласившись оставить заложниками 100 тыс. болгарских солдат, находившихся к западу от меридиана Скопье, он тем самым бросил их на произвол судьбы, а точнее — в распоряжение Антанты. Писатель Паун Генов, известный автор романизированных биографий, даже утверждает, что Ляпчев был в панике, подвергнувшись массивной психологической "обработке" со стороны Франше д'Эспере. Последний якобы специально приурочил к ключевому моменту переговоров с болгарами получение сообщения из своего штаба о том, что город Ресен в Македонии, "малая родина" Ляпчева и эксперта делегации С. Радева, родственника министра и его протезе, занят индокитайскими отрядами французской армии и находится в их полной власти. Данное сообщение будто бы повергло Ляпчева в неопишувемый ужас и полностью лишило его всякой

способности вести какой-либо дипломатический торг с Франше д'Эспере⁵³.

Но, даже если так было на самом деле, то все же следует признать, что добиться в Салониках большего болгарские делегаты не могли. В некоторых вопросах они проявили твердость и достоинство. Например, когда Франше д'Эспере недвусмысленно намекнул на желательность удаления с престола Фердинанда и воцарения его сына Бориса, Ляпчев категорически отказался даже обсуждать это, заявив, что он является министром болгарского царя и прибыл в Салоники не для разговоров о внутреннем положении в Болгарии⁵⁴. При этом следует иметь в виду, что личные отношения Ляпчева и царя в годы войны идилическими назвать нельзя и его трудно заподозрить в особых симпатиях к Кобургу. Что же касается отречения Фердинанда от престола 3 октября 1918 г., то оно не явилось прямым результатом нажима на Ляпчева со стороны Франше д'Эспере или следствием Владейского восстания, как утверждали ранее некоторые болгарские историки, принадлежавшие к БЗНС. Хотя эти факторы и сыграли свою роль, непосредственно отречение было вызвано действиями правящих кругов, временно сплотившихся вокруг кабинета Малинова. А инициатива, скорее всего, исходила от Ляпчева.

По всей вероятности, много интересных подробностей, связанных с заключением Салоникского перемирия, мог бы поведать такой ценный источник, до сих пор не введенный в научный оборот, как дипломатические мемуары Радева, хранящиеся в архиве Болгарской Академии наук. В 50-е годы по поручению президента БАН Т. Павлова Радев писал их и регулярно передавал за скромное ежемесячное вознаграждение в Институт истории⁵⁵.

Как известно, Радев был прикомандирован к болгарской делегации в качестве эксперта по настоянию своего покровителя Ляпчева. Предостерегая будущих исследователей от безоговорочного доверия к свидетельствам столь заинтересованных лиц, каким, без сомнения, являлся Радев, мы в качестве примера сошлемся на мемуары Малинова, написанные в 1922 г. в шуменской тюрьме, куда он был брошен лидерами режима БЗНС.

Отвергая упреки своих противников, Малинов выдвигает контробвинения. Не называя прямо Стамболийского, он утверждает, что руководители БЗНС, выпущенные из центральной тюрьмы по приказу царя лишь 25 сентября, т. е. за считанные дни до заключения перемирия, занимались "предательской" деятельностью и способствовали тем самым прорыву Салоникского фронта. По утверждению Малинова, это, в свою очередь, было причиной того, что "Салоникское перемирие 29 сентября не было таким, каким оно могло быть... Я думаю, что господин д'Эспере многое мог бы сказать по этому вопросу, если бы это было возможным сейчас. Но эти дни впереди". В качестве доказательства Малинов приводит, со слов Ляпчева, заявление, которое последнему сделал Франше д'Эспере в Салониках: "Я имею своих людей в Софии, которые находятся в моем распоряжении, но я их презираю потому, что я солдат"⁵⁶.

Подобные обвинения в адрес Стамболийского бросал и царь Фердинанд как во время своей знаменитой встречи с ним 25 сентября, так и позже, находясь в изгнании после отречения⁵⁷.

Однако мемуары Франше д'Эспере, опубликованные в 1938 г. в журнале "La Revue des deux Mondes", не оправдали ожиданий Малинова и экс-царя. Французский маршал ничего не сообщает о "предательстве" Стамболийским болгарских национально-государственных интересов. Хотя уж у него-то не было никаких резонов обелять крестьянского лидера, мученически погибшего в 1923 г.

Исходя из презумпции невиновности, беспристрастный историк неизбежно должен будет снять со Стамболийского эти обвинения за неимением явных улик. Но мы не бросимся и в другую крайность, как это сделал в своих не слишком достоверных мемуарах его апологет – известный "балканский смутьян" и видный деятель земледельческого движения Коста Тодоров. Он утверждал, что якобы Стамболийский в ходе Владайского восстания стремился остановить солдат, двигавшихся к Софии, организовать оборону по всему фронту и обеспечить тем самым на переговорах с Антантой более благоприятные для болгар условия перемирия⁵⁸. Никаких фактов или документов, подтверждающих это утверждение, Тодоров не привел, поэтому

Мы отвергаем его как голословное.

Вопрос о роли Владайского восстания в определении окончательных условий перемирия сам по себе очень интересен. Восстание неожиданно стало здесь "смягчающим" фактором, обусловившим снисходительность победителей, которая, впрочем, объяснялась весьма прозаически. Как явствует из документации Форин оффис, державы Антанты стремились предотвратить дальнейшее развитие восстания и обострение революционной обстановки в регионе⁵⁹. Поэтому, отодвинув на время свои противоречия, они в рекордно короткий срок достигли соглашения с Болгарией. Историк Л. Огнянов поставил важный вопрос: означало ли быстрое перемирие одновременно и перемирие выгодное? На наш взгляд, нельзя отрицать того, что заключенное перемирие стало стабилизирующим фактором, который помог правящим кругам страны деморализовать восставших солдат и тем самым в какой-то мере укрепить внутривнутриполитическую ситуацию. Хаос и анархию, в которые, казалось, неминуемо должна была погрузиться побежденная Болгария в сентябрьские дни 1918 г., удалось предотвратить. В этом смысле перемирие было выгодным для страны.

Что же касается внешнеполитического аспекта, то не подлежит сомнению следующее. Если бы не вспыхнуло восстание, царь в своем эгоистическом упрямстве, безусловно, продолжал бы военные действия, хотя после катастрофы у Добро поля они все равно были бы бесперспективными. Остановить противника, двигавшегося к Софии ускоренным маршем, было невозможно. Возникает риторический вопрос: на какие условия перемирия могла бы рассчитывать Болгария, если бы к моменту его заключения часть ее собственной территории была занята союзниками? Можно ли было бы надеяться на те, пусть и скромные, но все-таки уступки, которых добился Ляпчев 29 сентября (например, недопущение сербских и греческих войск в пределы Болгарии) в обстановке, когда противник стоял уже у порога страны, но еще не вступил в нее? В этом смысле можно говорить, что быстрое перемирие оказалось для болгар относительно выгодным. То, что его условия могли быть для Болгарии еще хуже, косвенно подтвержда-

ется тем фактом, что они вызвали сильное неудовольствие правящих кругов Сербии и Греции, особенно Венизелоса⁶⁰.

Союзники боялись, что чрезмерно тяжелые условия перемирия могут "отпугнуть" Болгарию и заставят ее продолжать войну. Это было бы весьма нежелательно, поскольку она оказалась первой страной, запросившей перемирия, и провал переговоров с нею мог негативно повлиять на поведение других членов Четверного союза. В целом неотработанность механизма подготовки и заключения перемирий и определенная неготовность Антанты, захваченной врасплох, к переговорам о прекращении военных действий были на руку Болгарии.

Еще одной важной причиной подписания относительно "мягких" условий перемирия была чрезвычайная заинтересованность Антанты (по стратегическим соображениям) Болгарией в конце сентября. Дело в том, что ее территорию победители намеревались использовать как в борьбе против Турции и Австро-Венгрии, так и для развертывания интервенции в России. Поэтому, например, вопрос о Южной Добрудже в Салониках не обсуждался, и ее первоначально предполагалось оставить за Болгарией.

Но уже в ноябре 1918 г., после поспешной капитуляции Турции и Австро-Венгрии, ситуация изменилась. Необходимость в Болгарии как в плацдарме вооруженной борьбы отпала. Революционный кризис в стране чрезвычайно затруднял ее использование в антисоветских целях. Вот почему с этого времени появились первые признаки того, что условия будущего мирного договора для Болгарии будут намного тяжелее, чем статьи Салоникского перемирия. Требование Антанты, предъявленное правительству Малинова, очистить Южную Добруджу, ясно говорило об этом. Протесты последнего и его ссылки на текст перемирия победителей уже не интересовали. Малинов был вынужден покинуть не только Южную Добруджу, но и премьерское кресло, оставив своему преемнику, лидеру "народняков" Т. Теодорову, груз нерешенных проблем и сомнительную честь быть главой делегации побежденной Болгарии в процессе мирного урегулирования с победившей Антантой.

Рассматривая те судьбоносные для Болгарии события осени 1918 г., английский историк Дж. Боучен высказал

предположение, что установление тогда в стране республиканского строя могло бы впоследствии облегчить условия мира для нее⁶¹. На наш взгляд, тезис Боучена окажется сомнительным, если проанализировать позицию официального Лондона по данному вопросу. Отношение британских правящих кругов к идее провозглашения республики в Болгарии было двойственным. Очевидно, они ничего не имели бы против свержения в сентябре 1918 г. столь досадившего им Кобурга и его династии. Но при этом в Лондоне понимали, что провозглашение республики в тех условиях неизбежно произойдет революционным путем, что и пытались осуществить лидеры БЗНС, Стамболийский и Даскалов, в ходе Владайского восстания.

По представлениям англичан это восстание явилось прямым отголоском Октябрьской революции, как бы расширением ее за пределы России, а значит, ставило под угрозу интересы Великобритании на Балканах и в зоне черноморских проливов. Вот почему, когда непосредственная опасность революционного провозглашения республики миновала, "совет четырех" – руководящий орган Парижской конференции в мае 1919 г. по предложению Ллойд Джорджа выступил в поддержку болгарской монархии и лично царя Бориса⁶². В это время отношение к монархической институции даже стало критерием благонадежности болгарских политических партий и их вождей в глазах лидеров Антанты. Сам же Борис всем своим поведением стремился уверить победителей в том, что будет неуклонно следовать "модели" английского королевского двора. Более того, в начале июня 1919 г., узнав о тяжелых для Болгарии условиях подготавливаемого в Версале мирного договора, он даже пытался угрожать миротворцам своим отречением, надеясь смягчить их позиции по вопросам о "западных окраинах" и сохранении выхода к Эгейскому побережью. Командующий британскими оккупационными войсками в Болгарии генерал Бэйрд в своем докладе руководству Восточной армии союзников от 7 июня, сообщая об этом заявлении Бориса, характеризовал его как искреннего приверженца держав Антанты, намеревающегося в будущем проводить политику, благожелательную для интересов Великобритании. По мнению Бэйрда, если Болга-

рия станет республикой, глупо надеяться, что она будет следовать такому курсу⁶³.

Оценивая степень влияния монархической институции на окончательные условия мира, необходимо учитывать также следующее. В Болгарии больше, чем в любой другой из побежденных стран, наблюдалось стремление реабилитироваться перед победителями, сделав из бывшего монарха "козла отпущения". На него свалили вину за все грехи, хотя, справедливости ради, следует заметить, что в вопросе о военно-политических целях Болгарии до ее вступления в мировой конфликт наблюдался почти полный консенсус монарха, военной верхушки и лидеров основных политических партий. Кардинально различались лишь позиции по вопросу о путях и способах достижения этих целей⁶⁴. Поэтому все попытки правительств Теодорова и Стамболийского в период от Салоник до Нейи "смягчить" окончательные условия "приговора", делая все для того, чтобы убедить победителей в "вероломстве" и "германофильстве" Кобурга, успеха не имели. Версальские прагматики полагали, что Фердинанд лишь воплощал в жизнь устремления "болгарского национального эгоизма"⁶⁵.

Таковыми же безрезультатными оказались и попытки "разжалобить" миротворцев, осудив членов правительства "либеральной концентрации". Болгария была единственной из побежденных стран, в которой виновники поражения были преданы суду. Арест членов кабинета Радославова и принятие Народным собранием закона о суде над ними 22 ноября 1919 г., т. е. за считанные дни до подписания мирного договора, были проявлением последней отчаянной надежды на возможность "подправить" его.

Многие современники (например, Н. Жеков, лидер одной из фракций в стамболовистской партии Д. Петков, писатель С. Михайловский и др.) считали, что такая самоуничтожительная тактика, которую избрали в Версале Теодоров и Стамболийский, только ухудшила дело⁶⁶. Жеков, например, с горечью писал: "... Мы сами попрали достоинство своего народа и не только не облегчили свое положение, а напротив – упали в глазах всех до того, что нас сочли заслужившими свою участь. Так унижительно не вел себя никакой другой побежденный народ"⁶⁷.

Действительно, общий тон известной речи Теодорова в Версале 19 сентября 1919 г., в которой он робко протестовал против предложенного победителями проекта мирного договора, был покаянным. Сам глава делегации был неузнаваем. Болгарский "Тигр", неоднократно громовыми речами вызывавший бурю в парламенте⁶⁸, рядом с французским "Тигром" Клемансо выглядел жалким котенком. Однако, история реабилитировала шефа "народняков". Большинство современных болгарских историков сходятся во мнении, что альтернативы у Теодорова просто не было⁶⁹. От него в 1919 г. уже зависело так же мало, как от Малинова в 1918 г. Оба они оказались заложниками политики своего предшественника и были вынуждены, образно говоря, расхлебывать кашу, заваренную царем и Радославовым в 1915 г. Малинов был по-своему прав, скорбно оправдываясь в мемуарах: "Наш кабинет не может нести ответственность за войну, которая была проиграна уже тогда, когда началась. ... Мы взяли власть уже тогда, когда перед страшной катастрофой завтрашнего дня все бежали от нее"⁷⁰.

Следует полностью согласиться с ним. Роль Салоникского перемирия, а также самого хода процесса мирного урегулирования в Версале в окончательном крахе болгарских идеалов не надо ни преувеличивать, ни преуменьшать. Война была проиграна Болгарией еще в 1915 г. и наиболее дальновидным ее политикам (например, шефу стамболистов Н. Геннадиеву или Стамболийскому, не искушенному в дипломатии, зато смотревшему по-крестьянски в корень), это было ясно тогда же. Ведь в 1915 г. стало очевидным, что, если Германия за год не добилась окончательной победы, имея преимущества блицкрига, то она уже никогда не победит, ибо общий баланс материальных и людских ресурсов в той войне был в пользу Антанты. Это не было ясно только царю Фердинанду и Радославову с их слепой верой в победу Центральных держав.

С другой стороны, развитие событий в Европе в 1919 г. также не предвещало Болгарии ничего хорошего. В ходе подготовки мирного договора международная обстановка стала для нее еще более неблагоприятной, чем в сентябре 1918 г. Салоникское перемирие твердо закрепило статус

Болгарии не равной, договаривающейся, а побежденной страны. В Салониках этой стране был вынесен обвинительный вердикт, который неминуемо вел к суровому приговору. Перемирие стало не просто первым кирпичиком сооруженного в Версале европейского здания. Одновременно оно стало и несущей конструкцией в нем, на которой зиждился весь балканский этаж. Дело даже не в том, как были решены в Салониках те или иные конкретные территориальные проблемы по сравнению с Версалем. Главный вопрос в другом: какое место это перемирие предназначало Болгарии в общей системе международных отношений на Балканах? А ответ на него звучал однозначно – ей отводилась роль страны с ограниченным суверенитетом. Перемирие окончательно пресекло претензии Болгарии на особую роль в регионе, безжалостно развенчав целевые установки болгарских правителей, выдвигавшиеся ими на всем протяжении войны. Вместе с ним в процесс мирного урегулирования с Болгарией оказался принесенным принцип диктата. Отсутствие переговоров с побежденными странами после первой мировой войны было нарушением международных традиций. Поэтому совершенно обоснованно Нейский договор расценивается в болгарской историографии как мир-диктат, выработке условий которого явно способствовал сам дух Салоникского перемирия.

Возникает еще один интересный вопрос: какова была степень влияния на крах болгарских военно-политических целей в Салониках и в Версале российского фактора (падение российского царизма, Октябрьская революция, Брестский мир и т. д.)? Могли ли болгары надеяться на менее тяжкие условия мирного договора, если бы за них хотя бы в малой степени заступилась традиционная покровительница – Россия?

Некоторые политические деятели русофильского направления, например, лидер прогрессивно-либеральной партии С. Данев, выражали искреннее сожаление по поводу неучастия России в работе Парижской конференции, ее временного выпадения из системы международных отношений и концерта великих держав⁷¹. Правда, в Версале присутствовали некоторые дипломаты дооктябрьской России, но они представляли только самих себя, и с ними "большая

тройка" мало считалась даже при рассмотрении так называемого "русского вопроса", и уже тем более балканских дел, к которым Россия всегда была особенно чувствительна. Хотя болгарская делегация и пыталась в ходе конференции вступить в контакт с ними, но конкретных результатов это не принесло и не могло принести⁷².

Поскольку история не знает сослагательного наклонения, можно оценивать только исторические факты, реально имевшие место. А таким фактом был приход к власти в России большевиков с их доктриной "мировой революции". Необходимость борьбы с ней, например, предопределила решение вопроса о Добрудже в пользу Румынии. Установление советской власти в Венгрии и "заслуги" Румынии в борьбе с нею также повлияли на отношение участников мирной конференции к румынским притязаниям на Южную Добруджу. Эти притязания волей-неволей надо было удовлетворять. Французский премьер Ж. Клемансо, настроенный наиболее антисоветски из всей "большой тройки", видел в Румынии ключевое звено "санитарного кордона" против большевиков. Несмотря на сложные личные отношения с Брэтиану, он чрезвычайно решительно поддерживал на конференции румынскую точку зрения. Это дало основание сыну Брэтиану, известному историку Г. Брэтиану, позже написать, что, скорее всего, Румыния обязана Клемансо удержанием Южной Добруджи⁷³.

По словам Никольсона, который был явно не одинок в своем мнении, "почти всеобщая антипатия, которую он (т. е. Брэтиану. — Г. Ш.) вызывал, не помешала конференции посчитаться с претензиями страны, которую представлял Брэтиану. Румыния получила "все и даже больше, чем все". Она добилась этого отнюдь не из-за персональных симпатий"⁷⁴. Более ступенчато, но в том же неблагоприятном для болгар направлении шло решение спора с Грецией за Западную Фракию, о притязаниях на которую Венизелос впервые заявил уже после Салоникского перемирия⁷⁵.

Непосредственно после Нейи в Болгарии довольно расхожей была точка зрения, что своим четвертованием страна "обязана" в значительной мере дипломатической ловкости руководителей соседних балканских стран. На деле все было гораздо сложнее. Так, окончательное решение на

конференции македонского вопроса в пользу Греции и только что образованного Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев объяснялось не только и не столько твердостью Пашича или обаянием Венизелоса, сколько общими военными итогами, реальным раскладом политических сил, сложившимся в Европе к тому времени.

Можно сказать, что в Салониках прозвучала увертюра к Нейиской опере, ставшей для болгар реквиемом по их военно-политическим целям. Страна была обречена испытать до дна горькую чашу поражения.

Что же касается союзнической дипломатии, то она могла бы вывести Болгарию из войны через сепаратный мир весной и летом 1918 г., если бы имела в наличии совокупность трех необходимых элементов: 1) подготовленные в теоретическом плане мирные предложения, которые удовлетворяли бы Болгарию; 2) реальные политические силы в стране, способные не только воспринять идею сепаратного мира, но и осуществить ее; 3) военные успехи на фронтах. Как следует из вышеизложенного, такой совокупности у Антанты не было.

История имеет обыкновение повторяться. Спустя четверть века, болгарские правительства И. Багрянова и К. Муравиева оказались в прокрустовом ложе, зажатые внешнеполитической безальтернативностью. Им пришлось расплачиваться по чужим векселям за присоединение страны к Тройственному пакту. Участие Болгарии во второй мировой войне на стороне фашистского блока окончательно похоронило ее надежды на воплощение в жизнь Сан-Стефанского идеала, который так и остался лишь заманчивой мечтой. *Vae victis!**

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дневници на XVIII Обикновено Народно Събрание. I изв. сесия. София, 1919. Кн. I. С. 3–30.

2. Христов Хр. България, Балканите и мирът 1919 г. София, 1984 С. 15–24; Дамянов С. България във френската политика 1878–1918 София, 1985. С. 510–515; Пантев А., Петков П. САЩ и България по време

* *Горе побежденным!* (Лат.).

на Първата световна война. София, 1983. С. 93–95; Митев Д. Съглашенските държави и Солунското примирие през 1918 г. // Исторически преглед. 1988. № 2. С. 3–14; Петкова Е. Войнишкото въстание от 1918 г. и позицията на Англия по българското предложение за примирие // Исторически преглед. 1989. № 7. С. 53–65; Божинов В. Об отношенията между България и Соединенными Штатами Америки (1918–1923) // Etudes historiques. София, 1975. Т. 7. С. 406–408; Кризман Б. Солунско примирие 29 септември 1918 // Војноисторијски гласник. Београд, 1968. № 1. С. 71–94; Опачић П. Србија, Солунски фронт и уједињење. 1918. Београд, 1990; Милојевић М. Уговори о примирју // Србија 1918 године и стварање југославенске државе (Историјски институт. Зборник радова) Београд, 1989. Књ. 7. С. 298–301.

3. Стенографски дневници на XVII Обикновено Народно Събрание. София, 1914–1930; Дипломатически документи по участието на България в Европейската война. София, 1921. Т. 2 (далее – ДД).

4. Обвинителен акт против бившите министри от кабинета на д-р В. Радославов през 1913–1918 години. София, 1921; Доклад от парламентарната изпитателна комисија за анкетиране на бившия кабинет Ал. Малинов-Костурков. София, 1923.

5. См. подробнее: Шкундин Г. Д. Динамика болгарских военно-политических целей в ходе первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 5–42.

6. О попытках дипломатического зондажа, предпринятых Антантой в этом направлении в 1916–1917 гг., см.: Дамянов С. Указ. соч. С. 481–491; Илчев И. България и Антанта през Първата световна война. София, 1990. С. 210–237; Шкундин Г. Д. Болгарское фиаско П. Н. Милюкова в 1917 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 197–209.

7. 1918 la români. Desavîrsirea unitatii national-statale a poporului român. Documente externe. Вис., 1983. V. 2. N 309, 324, 325, 332, 333, 334, 335, 336; Илчев И. Указ. соч. С. 251.

8. 1918 la români... N 455. P. 1310.

9. Подробное изложение доклада см.: Дамянов С. Указ. соч. С. 494–498.

10. Илчев И. Указ. соч. С. 256.

11. Петков Д. Виновниците за погрома на България през септември 1918. София, 1927. С. 150.

12. Катарџиев И. Антантата и македонското прашање во текот на 1918 година // Гласник на институтот за национална историја. Скопје, 1964. № 2. С. 76.

13. R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. Correspondence. 1906–1941. London-Zagreb, 1976. V. I. P. 20.

14. Никольсон Г. Как делался мир в 1919 году. М., 1945. С. 39, 41, 55.

15. Lowe C. J., Dockrill M. L. The Mirage of Power. London, 1922. P. 336.

16. I documenti diplomatici Italiani. Roma, 1983. Ser. 5.V.IX. № 318, 373, 559.

17. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. САМ. Оп. 467. Д. 775. Л. 15; Д. 776. Л. 13; Avramovski Z. Ratni ciljevi Bugarske i Centralne sile 1914–1918. Beograd, 1985. S. 191; См. также гл. V моногра-

фии: Cuida F. La Bulgaria dalla guerra di liberazione sino al Trattato di Neuilly (1877–1919). Roma, 1984.

18. АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 283. Л. 188; Ф. 140. Отдел печати и осведомления. Оп. 477. Д. 399. Л. 11; Государственный Архив Российской Федерации, КМФ-5. Оп. I. Д. 113. К. 19; Дамянов С. Указ. соч. С. 467.

19. ДД. Т. II. С. 742. № 1157.

20. См. подробнее: Уткин А. И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989. С. 162.

21. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Washington D. C., 1942. Т. I. P. 47, 50. Текст указанного меморандума стал основой знаменитых "Четырнадцати пунктов" Вильсона.

22. Пантев А., Петков П. Указ. соч. С. 86–87.

23. Građa o stvaranju Jugoslavenske drzave (1.I–20.XIII.1918). Beograd, 1964. S. 157.

24. Малинов А. Под знака на острастени и опасности политически борби. София, 1991. С. 33.

25. Стенографски дневници на XVII ОНС. III р. с. С. 1448; Доклад от парламентарната изпитателна комисия... С. 80.

26. Građa o stvaranju... S. 224.

27. Малинов А. Указ. соч. С. 64.

28. Малеев Л. Принос към истината за катастрофата на България. София, 1921. Т. I. С. 141.

29. По некоторым данным, правительство Австро-Венгрии пыталось в обход Радославова скоординировать свои действия по вопросу о мире с болгарской оппозицией, в частности, с находившимся в тюрьме Стамбульским (Стенографски дневници на XIX ОНС. III р. с. С. 184).

30. ДД. Т. II. С. 1080; Малеев Л. Указ. соч. С. 261.

31. Стефанов Хр. Българската радикална партия. 1906–1949. София, 1984. С. 153.

32. Венедиков И. Спомени за Симеон Радев // Литературна мисъл. София, 1987. № 6. С. 95.

33. ДД. Т. II. № 1156. С. 741–742.

34. Йовков И. Кобургът. София, 1978. С. 392–393.

35. Orađić P. Uticaj neuspjeha Centralnih sila na balkanskom ratistu na raspad Austro-Ugarske // Naučni skup u povodu 50-godišnjice raspada Austro-Ugarske monarhije i stvaranja Jugoslavenske države. Zagreb, 1969. S. 313.

36. Радославов В. България и световната криза. София, 1923. С. 217.

37. Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922. С. 112.

38. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. М.-Пг., 1923. С. 134.

39. См.: Тардье А. Мир. М., 1943. С. 48.

40. Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der Österreich-Ungarische Monarchie (1914–1918). Budapest, 1966. S. 683–687.

41. Цит. по: Muir N. Dimitri Stancioff. Patriot and Cosmopolitan 1864–1940. London, 1957. P. 199.

42. Доклад от парламентарната изпитателна комисия... С. 103; ДД. Т. II. С. 1072; Малинов А. Указ. соч. С. 58–61; 1918. Войнишкото въстание. Сборник от документи и спомени. София, 1968. С. 141.

43. Архив полковника Хауза. М., 1944. Т. IV. С. 46.

44. Блестящият изход настъпления на Салоникском фронте в 1918 г., без съмнение, сыграл важную роль в становлении и развитии балканской стратегии Черчилля периода второй мировой войны. См. подробнее: Гунев Г., Илчев И. Уинстън Чърчил и Балканите. София, 1989.
45. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934. Т. I–II. С. 672; Никольсон Г. Указ. соч. С. 47; Василев В. Македонският въпрос пред конференцията за мира през 1919 г. // Исторически преглед. 1988. № 7. С. 23.
46. General von Kuhl. Der Weltkrieg 1914–1918. Bd. I. Berlin, 1933. S. 271.
47. См., напр.: Rhode G. Die staaten vom Südosteuropas (Bulgarien, Serbien, Rûmânien, Montenegro, Albanien vom Berliner Kongress bis zum Ausgang des I Weltkrieges (1878–1918) // Handbuch der europâischen Geschichte. Bd. 6. Stuttgart, 1968. S. 605.
48. Кърорчев Д. Време на надежди и катастрофи (1905–1919). София, 1994. С. 57.
49. Текст соглашения о перемирии см.: Кесяков Б. Приносъ към дипломатическата история на България. 1878–1925. София, 1925. Т. I. С. 80–81.
50. См.: Encyclopaedia Britannica. V. 19. P. 896.
51. См., напр.: Enciklopedija Jugoslavije. T. 2. S. 552.
52. Казасов Д. Бурни години. 1918–1944. София, 1949. С. 20.
53. Генов П. Земята беше твоят жребий. Книга за Стамболийски. София, 1989. С. 175–176. См. также: Муравиев К. Договорът за мир в Ньой. София, 1992. С. 46–47.
54. Груев С. Корона от тръни. София, 1991. С. 80.
55. Александр Балабанов, Симеон Радев в спомените на съвременниците си. София, 1983. С. 248, 280, 298, 327, 335–336, 400–401, 449.
56. Малинов А. Указ. соч. С. 30.
57. Стамболийски Ал. Двете ми срещи с цар Фердинанд. София, 1989. С. 17–18; Петрова С. Моите спомени. София, 1991. С. 266.
58. Тодоров К. Политичка историја савремене Бугарске. Београд, 1938. С. 301.
59. Петкова Е. Указ. соч. С. 64.
60. Митев Д. Указ. соч. С. 11–12.
61. См.: Генов П. Райко Даскалов. История на един кратък, но с бури изпълнен живот. София, 1978. С. 171.
62. Христов Хр. Указ. соч. С. 89–90.
63. Там же. С. 90–91.
64. См. подробнее: Шкундин Г. Д. Динамика болгарских военно-политических целей... С. 6–11.
65. Никольсон Г. Указ. соч. С. 47.
66. Жеков Н. Политическия животъ на България и войнството. София, 1924. С. 26–27; Петков Д. Критически бележки върху брошурата на г-н Н. Жеков. София, 1924. С. 33–34; Генов П. Земята беше... С. 219.
67. Жеков Н. Указ. соч. С. 26–27.
68. Радев С. Погледи върху литературата и изкуството и лични спомени. София, 1965. С. 149–151.
69. Василев В. Указ. соч. С. 21; Христов Хр. Указ. соч. С. 54.
70. Малинов А. Указ. соч. С. 11.

71. Данев С. Очерк на дипломатическата история на балканските държави. София, 1922. С. 114.

72. Дневникът на Михаил Сарафов за сключването на мирния договор в Ньой през 1919 г. // Известия на института за българска история. София, 1951. Т. 3–4. С. 325, 327, 329, 333, 339, 345.

73. Bratianu G. I. Actiunea politica si militara a României in 1919 in lumina corespondentei diplomatice a lui Ion I. Bratianu. Buc., 1940. P 45.

74. Никольсон Г. Указ. соч. С. 119.

75. Митев Д. Указ. соч. С. 11–12; Христов Х. Указ. соч. С. 284.

ВЕЛИКАЯ ГРЕЧЕСКАЯ ИДЕЯ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Из всех балканских участниц Парижской мирной конференции 1919 г. Греция оказалась наиболее удачливой. Ее "великая идея" (мегали идея), существовавшая фактически на протяжении столетий и конкретно сформулированная в середине XIX в., была почти полностью реализована.

Годы упорной и непрекращавшейся работы ее горячих сторонников (а ими были практически все греки) на Балканах и в европейских столицах, а также выдающиеся качества премьера Э. Венизелоса, представлявшего страну на конференции, привели к триумфальному успеху. И хотя вслед за ним вскоре пришло горькое поражение в новой войне, Греция, несомненно, заняла на Балканах ведущее место в постверсальском мире.

Греция вступила в первую мировую войну последней из балканских государств. Тем не менее, активно участвуя в последних сражениях на Салоникском фронте, она возлагала большие надежды на предстоящую мирную конференцию в Париже.

Премьер-министр Греции Элефтериос Венизелос, вовлекая свою страну в мировую войну, имел лишь устные заверения своих союзников по Антанте – Великобритании и Франции – в том, что его программа территориальных приобретений будет ими поддержана. Будучи бесконечно предан делу своих покровителей на Даунинг-стрит и Кэ д'Орсэ и веря им на слово, этот последовательный и умелый защитник великой греческой идеи в ее максимальном варианте, "панэллинист из самых крайних", как его характеризовали повсюду, счел все-таки не лишним накануне мирной конференции подкрепить расплывчатые обещания друзей из Европы поддержкой из-за океана. Весной 1918 г. Э. Венизелос обратился к американскому президенту В. Вильсону с просьбой поддержать греческие территориальные требования. Каково было всеобщее изумление

(ведь до сих пор США вели себя весьма сдержанно и провозглашали отказ от тайной дипломатии), когда в ответном послании президент пообещал "сохранить ее (Греции. – О. С.) единство и поддержать ее права на любой мирной конференции"¹. Поддержка В. Вильсона имела широкий резонанс в Греции и подняла боевой дух греческой армии. Одной из решающих схваток с противником на Балканах была греческая атака возле деревни Скра, предпринятая 30 мая 1918 г. Сокрушительное поражение растерявшихся болгар за один день сделало это малоизвестное местечко популярным в Греции: авторитет греческого премьера, втянувшего свою страну в мировую войну, вырос чрезвычайно и в армию хлынул поток добровольцев. А в афинских кофейнях победу при Скра сравнивали со сражением на Марне, Сомме и с прорывом Брусилова. Вынашиваемая державами идея сепаратного мира Греции с Болгарией разбилась о твердый отказ Венизелоса обсуждать македонскую проблему. Венизелос заявил, что теперь, после столь удачных действий греков в войне, он и слышать не желает об уступке Кавалы.

Доверие союзников к Греции на последнем этапе войны было велико, и операциями союзнических сил Антанты на Струме было поручено командовать греческому генералу П. Данглису. 19 сентября 1918 г. Восточные армии и Антанты прорвали болгарский фронт в районе Ветреник – Сокол, что открыло дорогу на Софию. 29 сентября Болгария капитулировала. Нарушилось прямое сообщение между Турцией и ее европейскими союзниками, Салоникская армия Антанты как бы нависла над тылом германских войск, отступавших в Румынию. Финал был близок.

Одновременно с англо-греческой атакой, которая была предпринята на Дойране 18–19 сентября 1918 г., греческий посланник в Лондоне Д. Какламанос передал в Форин-оффис документ с перечнем территорий, на которые греческое правительство намеревалось предъявить требования на мирной конференции. Предусматривалось: возвращение Греции части Македонии; присоединение Южной Албании в границах оккупационной греческой зоны, островов Додеканеса и Восточной Фракии, находившихся под частичной оккупацией иностранных государств (что, как

было сказано, "не затронет жизненных интересов государств и не осложнит международную жизнь"); присоединение, в случае полного или частичного распада Османской империи районов с преобладанием греческого населения или автономия тех областей, где население было преимущественно греческим; возвращение малоазиатских греков домой с передачей им всего их имущества. Какламанос, по указанию Венизелоса, не упоминал об острове Кипр, дабы не задевать интересы Британии, также на него претендовавшей, и северные Эгейские острова, которые передавались Антантой Греции безусловно. Форин оффис заявил в ответ, что Греция оставляет за собой Салоники и Кавалу, но Болгария сохранит Западную и, возможно, Восточную Фракию².

Болгария по условиям перемирия обязана была эвакуировать войска с греческих и сербских территорий. Уже 30 сентября, сообщая о перемирии греческому посланнику в Париже А. Романосу, Жорж Клемансо сказал: "С сегодняшнего дня Восточная Македония в вашем распоряжении; греческие гражданские и военные чины должны немедленно там прочно утвердиться". 6 октября, когда греческие войска заняли Кавалу, Венизелос выступил с речью в Салониках, в которой намекал на значительное территориальное расширение страны. Все же он снял при публикации в печати то место из выступления нового командующего союзными силами в Македонии Франше д'Эспере, в котором, ободренный военными успехами генерал говорил о водружении греческого флага на храме Святой Софии в Константинополе (Стамбуле)³; премьер явно боялся раздражить общественное мнение за границей.

Вопрос о разделе Османской империи, по неизменному мнению Франции, должен был решаться только великими державами. Она выступала против чрезмерного увеличения Греции, которую Великобритания, манипулируя стремлениями Венизелоса, хотела использовать лишь в качестве ширмы для своих экспансионистских целей в Малой Азии, нанести удар как по территориальным претензиям своего вечного антагониста на континенте, так и по его экономическим интересам в этом регионе. Франция бдительно следила за тем, чтобы Британия не давала обещания Греции увеличить ее территорию⁴.

Итальянское правительство, само стремившееся заполучить территории в Малой Азии, разделяло французскую

точку зрения. Итало-греческие отношения были чрезвычайно напряженными. Процесс "итальянизации" Додеканеса был ускорен; еще в апреле 1918 г. Италия пыталась решить в своих интересах албанский вопрос, прося у западных союзников разрешения на оккупацию района Корчи. Венизелос протестовал, и под нажимом Британии и Франции барон Р. Авеззана, посланник в Афинах, сообщил о согласии Италии передать острова Додеканеса Греции. Выступая за независимость Албании (урезанной!), Венизелос выражал готовность заключить договор с Италией, но соглашался передать последней лишь один порт на Додеканесе – Астипалэа, настаивая при этом на передаче Додеканеса, "Северного Эпира", включая Корицу (Корчу), Греции. Независимое Албанское государство мыслилось как федерация кантонов под опекой международной комиссии; допускал он и вариант раздела Албании между соседями. Итальянский министр иностранных дел С. Соннино отверг предложения греческого премьера, и осенью 1918 г. отношения между двумя странами еще более ухудшились⁵. Судьба Албании должна была решиться на мирной конференции.

Резкая реакция со стороны Франции и Италии не охладила пыла Венизелоса. Греческая армия была в лучшем состоянии, чем когда-либо ранее. Если год назад, имея всего три дивизии на почти бездействующем Салоникском фронте, Венизелос утверждал в парламенте: "Нельзя допустить, чтобы греческие интересы, которые находятся в полной гармонии с идеалами, во имя которых ведут войну союзники, не были приняты во внимание на мирной конференции"⁶, – то теперь, располагая армией, за спиной которой были победы у Скра и на Дойране, Венизелос взбодрился еще больше. При этом огромную роль играли его связи на Западе и материальная поддержка греческой диаспоры.

Венизелос сообщил прибывшему в Афины британскому представителю при Временном правительстве лорду Грэнвиллу 8 октября 1918 г., что Греция, даже исполнив свой союзнический долг перед Сербией, готова продолжать совместную борьбу, если она получит за это справедливые компенсации во Фракии и Македонии. Это заявление имело принципиальное значение ввиду продолжавшихся военных действий против Турции и перспективы вступления союз-

ных войск в Стамбул. Великобритания, оказавшаяся в конце войны сильнее своих союзниц (Франция потерпела катастрофу в районе Эн; Италия – в сражении при Капоретто), успешно продолжала добывать истекающую кровью Турцию и помощь Греции могла быть ей полезна. Только чрезвычайная осторожность удерживала Венизелоса от притязаний на Константинополь, позволяя говорить лишь о "реализации эллинских мечтаний"; ему становилось все труднее сдерживать нарастающую шовинистическую кампанию в печати. Подобные настроения усилило предложение Франше д'Эспере отправить несколько греческих дивизий в Стамбул.

Однако в конце октября после успешных действий британских войск Турция, исчерпав все возможности сопротивления, капитулировала, а 30 октября в Мудросской бухте на о. Лемнос на борту английского военного корабля "Агамемнон" было заключено перемирие, подписанное представителем Антанты английским адмиралом Кальторпом и от имени Турции – Хюсейном Рауфом, Хикметом и Саадуллой. Это известие было встречено в Греции без энтузиазма, хотя и означало конец Османской империи. Грэнвилл сообщал в Лондон, что Д. Мелас, заместитель министра иностранных дел Греции, принявший его в отсутствие Н. Политиса, не скрывал своего отчаяния. В Греции господствовало убеждение, что если бы греки воевали чуть дольше и вошли бы в Константинополь, "они могли бы предъявить более длинный счет, имея большие гарантии его оплаты на заключительном мирном конгрессе". Венизелос немедленно отбыл в Париж и Лондон. Он боялся, как писал Грэнвилл А. Бальфуру, что "Турция может выжить"⁷. Однако Венизелос вскоре убедился, что Британский лев подписал перемирие лишь затем, чтобы жертва не сопротивлялась, когда он будет ее терзать.

14 декабря 1918 г. британский генерал Милн занял своими подразделениями Стамбул; Франше д'Эспере последовал за ним. Основные силы греческой армии оккупировали Измир (Смирну) – жемчужину Турции, греческие военные корабли бросили якорь в Босфоре⁸. В Мосул въехал генерал Кассель со штабом, подтянув войска к городу. Через несколько дней, двинувшись из Алеппо, ан-

гличане оккупировали Киликию в Анатолии, итальянские войска высадились в Адалии. Мировая война была закончена, но для греческого населения это не означало перехода к мирной жизни. "Великогреческая программа" должна была еще обогреться греческой кровью, чтобы стала ясной тщетность ее положений.

После подписания общего перемирия между Германией и государствами-победителями 11 ноября 1918 г. греческий премьер-министр Э. Венизелос, желая заручиться поддержкой великих держав, прибыл в Париж задолго до открытия конференции.

Один из участников миротворческого процесса в Париже, великий князь Александр Михайлович Романов писал в своей "Книге воспоминаний": "Залы исторического дворца французских королей в Версале были полны политических интриг и слухов. Уполномоченные 27 наций, собравшиеся в Версале, клялись именем Президента В. Вильсона, но фактически все дела вершила "большая четверка" – Франция, Англия, Италия и Япония. Глядя на знакомые лица, я понял, что перемирие уже вызвало пробуждение самых эгоистических инстинктов: основы вечного мира вырабатывались теми же государственными людьми, которые были виновниками мировой войны. Спектакль принимал зловещий характер даже для выдавших виды дипломатов"⁹.

Фигура окрыленного великодержавными идеями греческого премьера Венизелоса мелькала то в стенах дворца, то на аллеях Версальского парка.

В конце декабря 1918 г. по просьбе В. Вильсона, который начинал все пристальнее интересоваться малоазиатскими и балканскими проблемами, Венизелос составил меморандум "Греция на мирной конференции" с изложением обширных территориальных претензий. В них Венизелос включал территории Южной Албании ("Северного Эпира", как называли этот регион греки), Восточной и Западной Фракии, западной части Малой Азии, многочисленные острова в Эгейском море и многие другие земли, на которых, по их подсчетам, проживало 1 млн. 776 тыс. греков. Неворуженным глазом было видно, что требования, указанные Венизелосом в документе, чреватые большими осложнениями, так как население подавляющего числа территорий, на

которые претендовали греки, было смешанным. Например, в Южной Албании проживали 120 тыс. греков и 80 тыс. албанцев. Во Фракии, как указывал Венизелос, насчитывалось 69 тыс. болгар. В районах Малой Азии, на которые претендовала Греция, и островах Эгейского моря, расположенных вблизи Турции, проживали 1 млн. 118 тыс. греков и 1 млн. 42 тыс. турок. Венизелос предлагал турецкому правительству добровольно произвести обмен турецкого населения на 900 тыс. греков, остававшихся под турецким управлением, предоставив им дома и земли за счет эмигрантов. Лучшим решением вопроса о Стамбуле, по мнению Венизелоса, была его передача Греции, но с международной гарантией свободы плавания в проливах. Однако, считал он, если будет создана Лига Наций, Стамбул и проливы с прилегающими территориями могли бы войти в международную зону, — фактически государство со своим управлением, где греки играли бы значительную роль, но под протекторатом Лиги Наций¹⁰.

По замыслу Венизелоса, Дедеагач, Измир (Смирна) превращались в свободные города-порты, приносящие доходы и пользу всем соседним государствам.

Болгария, отрезанная от Эгейского моря, будет, тем не менее, иметь выходы в Черное море через порты Бургас и Варну и, безусловно, выиграет от интернационализации проливов в смысле безопасности плавания. Греческий премьер подчеркивал, что в случае интернационализации проливов Греция обязательно должна получить всю Западную и Восточную Фракию, иначе ситуация в стране выйдет из-под контроля.

На момент составления этого документа численность греков, населяющих Грецию, составляла 4 млн. 300 тыс. человек, всего же в мире — 8 млн. 256 тыс. греков, т. е. почти 45 % — за пределами национального государства¹¹. Документ этот был напечатан на английском и французском языках и вручен только главным действующим фигурам конференции.

Большинство греческих политиков осудили Венизелоса за согласие на интернационализацию Стамбула, возмущались, что он не потребовал открыто Кипр с 235 тыс. греческого населения*.

* Венизелос прекрасно знал, что практически все военные руководители Британии были против передачи Кипра Греции.

Греческие притязания вели не только к дальнейшему ухудшению отношений почти со всеми соседями, но осложнялись и тем, что обозначенные в качестве претензий территории на момент окончания войны не были оккупированы греческими войсками.

Указанные цифры в отношении Малой Азии не давали абсолютного преимущества грекам, но это не смущало Венизелоса, который постоянно внушал союзникам по Антанте мысль о том, что наплыв греков из других районов Малой Азии, вместе с увеличением греческого населения в Анатолии, приведет к значительному преобладанию греков и в этом регионе¹².

На встрече американских и британских экспертов накануне открытия конференции, где обсуждались греческие требования, американская делегация, которая состояла в основном из неискушенных в балканских интригах делегатов, сочла их чрезмерными. Американцы намеревались потребовать от греков уступку Болгарии Восточной Македонии с Кавалой в обмен на территориальные приобретения в Малой Азии. Стамбул и Проливы планировалось поставить под контроль США или Великобритании. При этом никто не сомневался в справедливости греческих требований на Эгейские острова.

В докладе, подготовленном экспертами для американского президента, их взгляды на принадлежность Южной Албании и Малой Азии значительно отличались от британских. Американцы, переходящие к более активной политике на Ближнем Востоке и Балканах, поддерживали большинство греческих требований, однако, считали со всех точек зрения небезопасной возможность для Греции прочно обосноваться в Малой Азии¹³. Обладание Додеканесом приблизило греков "к самым дверям" молодого турецкого государства. Болгарии же, по их мнению, необходимо было дать гарантии свободного выхода в Эгейское море через Кавалу и Салоники, а свободная интернациональная зона Проливов и Стамбула должна была включать побережье Проливов и Мраморного моря.

18 января 1919 г. — день открытия Парижской конференции — был для греков, с их точки зрения, весьма унижительным. Греки, несмотря на их политическую и военную

активность в конце войны, их преданность делу союзников, наконец, личные связи премьер-министра Венизелоса в правящих сферах Великобритании и Франции, получили всего два мандата – для премьера Э. Венизелоса и министра иностранных дел Н. Политиса. Греческая же делегация, прибывшая в Париж, состояла из 19 видных политиков и дипломатов, таких как А. Романос, Л. Коромилас, генерал С. Мазаракис, Г. Мелас и другие. Венизелос в знак протеста не явился на церемонию открытия мирной конференции, заявив ее председателю Ж. Клемансо, что в то время, как Франция склоняет Грецию к посылке ее войск на Украину* "неуместно так унижать престиж его страны в глазах всего мира"¹⁴. Однако ничего не оставалось, как в конце концов согласиться войти во вторую категорию держав, "имевших интересы частного характера".

Греческие делегаты не покинули конференцию и все как один трудились, не покладая рук, над реализацией "великогреческой программы", участвуя во всех последующих заседаниях конференции. Особенной энергией отличался, как всегда, сам Элефтериос Венизелос. Умело используя свое природное обаяние, ум, такт, исключительное политическое чутье, он делал все, чтобы греческие требования были услышаны, а политические деятели "большой четверки" оказались на стороне Греции.

Эксперт Великобритании Л. Эмери вспоминал: "Венизелос попросил разрешения присутствовать на обсуждении балканской проблемы, но ему был дан твердый ответ, что это обсуждение – только для большой четверки, а малые государства должны себя хорошо вести и ожидать, какое решение будет принято. Поэтому он вновь направил запрос, не позволят ли ему только задать вопросы, которые большая четверка обсудит между собой. На это с легкостью пошли и Венизелос, более или менее соблюдая вопросы-

* Среди первых кораблей Антанты, вошедших в Черное море в ночь с 15 на 16 ноября 1918 г., был один греческий крейсер. Участие греков в интервенции Антанты постоянно расширялось. В феврале 1919 г., во время обсуждения на Парижской конференции греческих требований, численность греческих войск на юге Украины составила 1,5 тыс., а в марте – 2 тыс. человек.

тельную форму, обрушил водопад красноречия в течение 20 минут, держа их всех в полном онемении. Когда он покинул зал, и после того как подробно была обсуждена балканская проблема, все отдали ему должное. Я наблюдал Ллойд Джорджа, абсолютно загипнотизированного непрекращающимся потоком чрезвычайно беглого французского языка с греческим акцентом, большую часть которого он вряд ли был в состоянии понимать... Боюсь, что удивительное красноречие Венизелоса сыграло свою роль в особой готовности Ллойд Джорджа принять сверхамбициозную схему аннексий в Малой Азии, которую представил Венизелос, и которая закончилась так сокрушительно для Греции"¹⁵. "Я восторгаюсь немыслимой активностью премьера, который работает по 15–16 часов в день", – писал из Парижа министр иностранных дел Греции Политис. В конце января глава греческого МИДа сообщал на родину своему помощнику Диомидису: "В принципе на нашей стороне все великие державы, за исключением Италии..."¹⁶

28 января 1919 г. был готов британский меморандум, представлявший собой комментарии ведущих экспертов Великобритании по Балканам и Ближнему Востоку, таких как сэр Артур Никольсон, лорд Кроу, по поводу греческих территориальных претензий. Требования греков подверглись тщательному анализу с этнической, экономической, стратегической и политической точек зрения. Претензии на Южную Албанию, по мысли англичан, были оправданными, за исключением района Корчи, которая должна была принадлежать Албании. Никольсон и Кроу в вопросе о Фракии усмотрели также солидные аргументы в пользу Венизелоса и Греции. Резюме гласило, что в интересах Великобритании сохранение и укрепление личного влияния Венизелоса в Греции, однако справедливо было бы считать болгарскими Адрианополь и Кирк-Килиссе и предоставить Болгарии свободный выход в Эгейское море через порты Кавалу и Дедеагач.

Греческие требования в Малой Азии англичане сочли чрезмерными. Особое беспокойство вызывало то, что греческий премьер включил некоторые территории с чисто турецким населением, и лишал Турцию выхода в Эгейское море, что могло принести большие неприятности ему же

будущем. Не возражая в принципе против передачи Эгейских островов Греции, эксперты напоминали, что Додеканесские острова в составе Италии по договору 1915 г.; Имброс и Тенедос в случае передачи их Греции должны быть нейтрализованы. Кипр большинством голосов передавать Греции не рекомендовалось.

Конфликт из-за дележа бывших территорий Османской империи между Италией и Грецией был одним из самых неприятных и непростых для британских экспертов, так как по Лондонскому договору 1915 г. вступающая в войну на стороне Антанты Италия получала значительную зону влияния в Малой Азии, что было закреплено также договором в Сен-Жан де Морьенн в апреле 1917 г. и включало уже Измир, который для греков был центральным пунктом их великогреческой программы. Этот порт был настолько важен для греков, что Венизелос, в случае его приобретения, готов был уступить Болгарии часть полученной недавно Македонии, выражал готовность обсудить судьбу Южной Албании и островов Додеканеса, а также видеть проливы и Стамбул под международным контролем и проч. Требования греков в отношении Измира и Додеканеса напрямую задевали интересы союзной Италии.

31 января в гостинице "Астория" в Париже состоялось заседание британской делегации, где специально рассматривались греческие и итальянские претензии на Балканах и Ближнем Востоке в свете британских государственных интересов. В целом было высказано мнение, что присутствие в Смирне греков "более желательно, чем итальянцев". Генеральный штаб выразил мнение, что Британия должна удерживать Кипр, а Турция – Стамбул. Адмиралтейство и министерство воздухоплавания посчитали, что Эгейские острова должны перейти к Греции, а Италия не должна получать какие-либо зоны влияния в Анатолии. В конце концов было решено, что, "обеспечивая полноценный выход к морю будущему турецкому государству в Измире и Скаланове, не может быть никаких возражений, с точки зрения британских интересов, против передачи части зоны в Измире и Айдинском вилайете Греции"¹⁷. По мнению Э. Карсона, Стамбул и проливы должны были стать интернациональным городом или мандат на него – передан США.

Генеральный штаб, Адмиралтейство и министерство воздухоплавания Британии считали, что этот город должен оставаться турецким, но под международным контролем, а передача мандата США на управление им стала бы нежелательным прецедентом для создания сильного американского флота в Средиземноморье. На совещании в "Астории" было отмечено, что британские интересы будут соблюдены, если Стамбул и Проливы будут поставлены под международный контроль и султанские власти не смогут вмешиваться. В целом Турцию следовало бы сделать чисто азиатским государством.

Наиболее напряженная работа для греческой делегации началась 3 февраля. В течение двух дней Верховный совет держав в Париже в кабинете на Кэ д'Орсэ заслушал два двухчасовых доклада греческого премьер-министра, в которых были изложены официальные притязания греков, с учетом определенных корректив, внесенных в результате предшествующих контактов и обсуждений. Венизелос, желая угодить Великобритании, начал с сообщения, что Греция и Италия находятся на пути к подписанию договора о спорных территориях.

Говоря о "Северном Эпире" (Южной Албании), он подчеркивал, что "ни раса, ни язык, ни форма черепа" не определяют национальность человека, но лишь его самосознание, что и должно учитываться при перераспределении территории. На этом же основании он претендовал на получение Грецией всех средиземноморских островов, включая Имброс, Тенедос, Кастелоризон и даже Кипр, упомянув впервые вслух этот вожделенный для греков остров. По вопросу о Стамбуле Венизелос сказал, что султан и турецкое правительство обязаны покинуть этот город, а столицей Турции должна стать Бурса, Кония или другой город¹⁸.

Свое выступление на другой день, 4 февраля, греческий премьер начал с цитирования 12-го из "Четырнадцати пунктов" В. Вильсона. Поскольку область Малой Азии, на которую претендовало греческое правительство, объяснял Венизелос, была населена в основном греками, она имела право стать автономной, а поскольку автономии, как сказано в 12 пункте, имеют право на присоединение, то, следовательно, это новое автономное образование в запад-

ной части Малой Азии также могло свободно объявить о союзе с Грецией. В Малой Азии Венизелос настаивал на передаче Греции Измира с прилегающим районом. Гарантию обладания он видел в оккупации земель. Он считал, что настало самое подходящее время извлечь капитал из его преданности делу союзников и осуществить великогреческую программу – максимум: завоевать контроль над восточным побережьем Средиземного моря и Анатолии.

Еще 2 февраля, накануне своего первого выступления, Венизелос дал распоряжение военному министру в Афинах поторопиться с набором призывников 1919 г., чтобы иметь возможность "гарантировать оккупацию земель, которые, возможно, будут нам присуждены"¹⁹. Венизелос говорил долго и чрезвычайно горячо и заслужил поздравления Ллойд Джорджа, Вильсона, Клемансо, Орландо и других. Отказав Греции в посылке дополнительных греческих сил в Западную Фракию, они тем не менее нашли способ подбодрить греков, назначив (впервые) их соотечественника генерала Л. Параскевспулоса главнокомандующим объединенными силами союзников в Македонии.

Все требования делегатов Греции были переданы так называемой Греческой комиссии, которую возглавил Ж. Камбон, известный своими прогреческими симпатиями. В состав комиссии входили эксперты из Великобритании, Франции, Италии и США. Она была одной из пяти территориальных комиссий, созданных по инициативе Великобритании и США. Эксперты должны были руководствоваться в своих решениях национальными, а не политическими соображениями. Комиссия встречалась двенадцать раз с 12 февраля по 21 марта 1919 г. Были рассмотрены подробно вопросы, касающиеся Южной Албании, Фракии, греков Малой Азии, турецкий вопрос и др.

Было выдвинуто и тщательно обсуждено несколько проектов. Ключевым моментом для греков на мирной конференции в течение всего периода был вопрос об Измире. Венизелос говорил, что заполучить на конференции этот порт важнее даже, чем приобрести Стамбул, так как последний "не является немедленной необходимостью для греков" и возмущался, когда ему предлагали в будущем передать Стамбул вместо Измира. В принципе греческий

премьер надеялся получить Стамбул позже, после того, как Греции будет передана ее доля в Малой Азии "через усиление эллинизма в этом регионе с помощью местных греков"²⁰. Своему другу генералу Параскевопулосу, слывшему завзятым курильщиком, он не раз шутиливо говорил: "Ты раскуришь свою сигару на Марице, а будешь докуривать ее в Пера Паласе". Переходя на серьезный тон, он добавлял, что "хотя мы и претендуем на Константинополь, мы ни в коем случае не возражали бы против интернационализации этого города и проливов"²¹. Большие надежды Венизелос возлагал на англичан, которые, по его предположению, в случае отказа американцев от мандата на Стамбул и проливы, передадут их Греции. Поэтому он смело мог шутить в кулуарах конференции, объявляя себя единственным в мире греком, отказавшимся от Константинополя²².

Греческий премьер опасался, что если союзники предложат передать Стамбул Греции, основным мотивом их политики станет желание переложить на греков бремя контроля над Проливами, а также иметь повод для отказа от удовлетворения других притязаний. Укрепившись же в Измире, греки могли ждать счастливого случая аннексии этого желанного города в будущем. Заполучив от французов и англичан на мирной конференции Фракию и Западную часть Малой Азии, далее следовало добиваться создания небольшого государства, включающего Стамбул и Проливы, которое будет соединено с Грецией двумя как бы "руками" – Фракией и Малой Азией. В феврале 1919 г. туркам еще раз дали понять, кто будущий хозяин Стамбула. Французский главнокомандующий въехал в этот город на белом скакуне, подаренном ему греками-фанариотами.

Чрезвычайно беспокоила Венизелоса также позиция Италии и возможность укрепления турецкой армии. В марте 1919 г. итальянцы начали высаживать войска в Адали, объясняя это тем, что греческие требования простираются на значительную часть зоны, признанной всеми сферой интересов Италии, что нарушало договор, заключенный в Сен-жан ди Морьенн. Итальянские войска оккупировали Адалью, Конию, увеличивали морские силы в Измире, основали военно-морскую базу в Додеканесе. Обеспокоенные султанские власти 30 марта предложили

английскому представителю в Стамбуле оккупировать и Малую Азию на 15 лет. Великий визирь Дамад Фарид-паша говорил, что его надежда "покоится лишь на боге и на Великобритании". Англичане, в свою очередь, опасались, что Франция, Греция и Италия, руководствуясь своими интересами, будут стремиться к дележу Малой Азии. Лорд Керзон писал 25 марта 1919 г.: "Лично я всегда думал, что правильно было бы с политической точки зрения вытеснить турок из Константинополя и ограничить их Азией... Но мысль, что Греция, Франция и Италия набросятся на Малую Азию, я признаюсь, не приходила мне в голову. Зная Восток, я не перестаю думать, что это большая колода карт, которая, когда ее возьмут в руки, сразу же рассыплется"²³. Лорд Керзон считал, что союзники должны готовиться к военным методам расчленения Турции. Трудность заключалась в том, что только Греция и Италия готовы были немедленно послать туда свои войска. Венизелос был уверен, что сил у Греции для захвата Измира и западных прибрежных районов в Малой Азии было предостаточно, в то время как Турция лежала разгромленная и истощенная. Греческая армия и флот были все еще свежими, материальные и человеческие ресурсы не были израсходованы, а многочисленное местное греческое население Малой Азии было значительным и проявляло решимость бороться за свободу и воссоединение с прародиной.

Венизелос в то же время сознавал временный характер этих преимуществ, а также понимал, что анатолийское турецкое государство, где патриотические силы все теснее сплачивались вокруг Мустафы Кемаля, бывшего султанского адъютанта, прославившегося тем, что дважды спасал положение турок в Дарданеллах в 1915 г., без сомнения, перевооружится, создаст крепкое государство на национальной основе и будет всеми силами препятствовать Греции в ее стремлении заполучить западную часть Малой Азии. Безусловно Венизелос рассчитывал на поддержку британских сил, так как по мирному договору любая турецкая атака должна была получить отпор со стороны Великобритании, Франции, Италии и США.

Ситуация в Малой Азии тем временем осложнялась. Когда итальянские войска и корабли начали продвижение к

Измиру, а на островах Додеканеса Италией были спровоцированы антигреческие демонстрации, беспокойство охватило уже не только греков, но и англичан, французов и американцев. Возник вопрос о посылке военной силы в Малую Азию. В. Вильсон заявил, однако, что США никогда не находились в состоянии войны с Турцией и американские войска посланы туда не будут. 6 мая после долгих консультаций между главами держав Антанты Ллойд Джордж в присутствии генерала Вильсона объявил Венизелосу, что ему предоставляется право послать греческие войска в Малую Азию, так как конференция твердо решила присудить Измир Греции. Руководить операцией будут сами греки; Италия и Турция должны быть заранее извещены. Высадка оккупационного греческого десанта под командованием Зафириу и под защитой союзных военных судов (британских, французских и американских) началась в Измире 15 мая 1919 г.

Броненосцы "Авероф" и "Лемнос" и вспомогательные суда в 7.30 утра стали на якорь в Измирском порту. Греческие газеты напоминали, что когда-то Измирская область называлась Ионией и была греческой, что даже и сейчас здесь есть пятьсот христианских церквей. 12 тыс. солдат, включая полк эвзонов (гвардейцев), высадилось на берег. Население поначалу притихло и даже солдаты не вышли из казарм, но выстрелы провокаторов означали начало большой резни. Было убито 300 солдат и 30 офицеров. Трупы были сброшены в море, но раненые еще долго лежали на набережной.

Оккупационные войска двинулись в глубь Анатолии. Это было началом многолетней кампании Греции в Малой Азии, закончившейся полным крахом. Подготовка к ней проводилась в глубокой тайне и чрезвычайно быстро. Необходимые корабли реквизировались под предлогом необходимости вывоза греков из России; турецкое правительство в Стамбуле было предупреждено в последний момент²⁴. Несмотря на сомнения своего окружения в целесообразности захвата греками Измира²⁵, Ллойд Джордж, загипнотизированный красноречием Венизелоса и своими собственными антитурецкими предрассудками, заверил своего греческого коллегу в том, что "вся необходимая

помощь им будет оказана²⁶. За день до высадки греческих войск в Измире союзники по Антанте попросили турецкое правительство дать указание о сдаче фортов, контролировавших залив Измира. Венизелос призывал греков проявить сдержанность и мудрость, показать, что они могут управлять новыми территориями не хуже турок. Сообщение о высадке греков в Измире вызвало такой взрыв возмущения в Турции, что уже почти с самого начала они стали ощущать бешеное сопротивление турок.

Вскоре союзники потеряли контроль над событиями; день ото дня греки расширяли оккупацию Измира и прилегающих земель, сопровождавшуюся беспорядками, резней, уничтожением взятых в плен турок и другими безобразиями, типичными многочисленными греческими "бандами" и даже военными. К концу июня греки находились в 10 км севернее Айвали. Венизелос с горечью говорил, что "с первого же дня оккупации Смирны он почувствовал, что менталитет военных разрушит нас морально". Греческий премьер-министр призывал своих соотечественников осознать, что происходящие события – не авантюра отдельных лиц, а дело, которое должно объединить всю нацию. Венизелос уже летом 1919 г. начал сомневаться в правильности своего решения и понял, что греков могут выбить из Измира. Это осознавали и многие другие греческие политические деятели. Так, глава греческой администрации в Малой Азии А. Стергиадис в разговоре с известным американским филэллином Хортоном сказал в декабре 1919 г., что если оккупация перерастет в греко-турецкую войну и Греция должна будет держать огромную армию в Малой Азии годами, "Малая Азия превратится в могилу для Греции, а Смирна для греков станет вторыми Сиракузами"²⁷. Однако военщина полностью игнорировала его призывы.

Волна возмущения, вызванная событиями, сопровождавшими высадку греков на побережье Малой Азии, достигла до Парижа и Лондона и дала козыри в руки тех, кто был против греческого присутствия в этом регионе. Р. Ванситтарт, британский эксперт, считал, что греки "показали себя такими же варварами, как и турки". Он призывал "положить конец продолжавшейся греческой

наглости и преднамеренному неуважению к нам со стороны Венизелоса. "Как жаль, заключал он, что Венизелоса ослепила страсть к захватам новых земель именно в тот момент, когда появилась возможность остановить Италию"²⁸.

16 июля, узнав о новых территориальных захватах греков и сопровождавших их жестокостях, возмущенные союзники пригласили Венизелоса для объяснений. Премьер Греции спокойно отвечал, что он не собирается расширять оккупационную зону, а действия греков объясняются лишь беспокойством за безопасность Измира (Смирны) и территорий с чисто греческим населением, так как турки были в 40 км от него. Союзники единодушно согласились с предложением А. Бальфура о необходимости провести нейтральную зону, которая бы отделила греков от итальянцев и обе стороны – от турок. Венизелос подчеркивал, что ситуация могла бы улучшиться, если бы греки могли договориться с итальянцами. Министр иностранных дел Италии Т. Титтони полностью был с ним согласен, считая излишним вмешательство США и Англии. Ж. Клемансо посчитал эту встречу плодотворной, учитывая прекрасные связи Титтони в Болгарии, что могло к тому же в дальнейшем облегчить переговоры с болгарями. В секретном договоре "Т. Титтони-Э. Венизелоса" были уточнены зоны интересов обоих государств, предусматривалась передача Греции большинства островов Додеканеса в обмен на признание итальянских претензий на часть Албании и Южной Анатолии. Венизелос пошел на это соглашение, отлично понимая, что его репутация с отъездом из Парижа Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона может пострадать. Он тут же воспользовался своим решением договориться с Италией и запросил руководителей Парижской конференции о согласии на расширение зоны греческой оккупации. А. Бальфур, игравший теперь решающую роль на конференции, не дал своего согласия, но и не отказал Венизелосу в его просьбе, чем греки не замедлили воспользоваться.

29 июля 1919 г. секретный договор и конвенция "Титтони-Венизелос" были подписаны. Итальянцы обещали поддерживать греческие требования на Измир, Восточную и Западную Фракии, Южную Албанию. Греки должны были под-

твердить мандат Италии в Албании и суверенитет во Влёре (Валоне). В случае удовлетворения своих претензий в Южной Албании и Фракии греки соглашались уменьшить свои притязания в Малой Азии, а Италия – передать Греции острова Додеканеса, за исключением Родоса, которому предоставлялась местная автономия.

Итальянский премьер Ф. Нитти в Риме сопровождал разговоры о подписании следующими комплиментами в адрес Венизелоса: "В целом Греция должна стать сильной и независимой, и этого она может достичь под руководством Венизелоса, который играет для нее ту же роль, какую играл Кавур для Италии". В беседе с посланником Симопулосом он добавлял также: "Я лично так восхищен Венизелосом, что мог бы достичь соглашения с ним даже только из чувства этого восхищения"²⁹.

В августе-сентябре положение греков в Измире становилось все более непрочным. В городе царил полная анархия. Новый греческий командующий генерал Нидер и его помощник генерал Т. Пангалос постоянно обращались к державам, и особенно к Британии, с просьбой о разрешении оккупировать дополнительные территории, чтобы подавить нерегулярные части турок, действующие на границе греческой зоны. 9 сентября командующий союзными войсками в Малой Азии генерал Милн дал разрешение на контратаку, но при условии, что греки вернуться затем на прежние позиции. 23 октября, накануне принятия Верховным Советом держав окончательного решения по вопросу о мирном урегулировании греко-турецких территориальных споров, Венизелос приказал оккупировать северный и восточный сектора разграничительной "линии Милна", одобренной Италией и Грецией, где греки вскоре столкнулись с яростным сопротивлением турецких войск. Итальянцы, возмущенные действиями греков, поспешили на помощь Турции. Тем не менее атака 65-тысячного греческого войска была успешной и улучшила военные позиции Греции в Малой Азии. В конце ноября союзники сделали очередную попытку на конференции урегулировать греко-турецкие противоречия.

Но не только Италия, а уже и Франция изменила свое отношение к грекам. Не ускользнуло от взгляда Венизело-

са, что и в Париже, и в Стамбуле французы, осознав свои политические и экономические интересы в Турции, Армении и других нефтеносных районах (французский капитал там составлял 2,5 млрд. франков, превышая все другие вместе взятые), стремились как бы угодить туркам. Он с беспокойством думал о возможной отставке Клемансо в начале 20-х годов. Премьер Греции остро чувствовал, что греческие интересы были вторичными для союзников по сравнению с важностью общего послевоенного урегулирования с Турцией, с их стремлением умиротворить кемалистов с тем, чтобы было удобнее их использовать в будущем. Сказывалась также боязнь чрезмерного сближения кемалистов с Москвой. Только секретный договор Антанты с Кемалем мог помешать его дружбе с Москвой и создать Кавказскую конфедерацию, оказав содействие грузинским меньшевикам и армянским дашнакам.

В октябре Венизелос отправился в Лондон, желая лично побеседовать со своим покровителем Ллойд Джорджем, влиятельными греками, живущими в Великобритании, с руководителями британской политики – лордом Керзоном, заступавшим на должность секретаря Форин оффис, генералом Вильсоном, Хардингом и другими. Однако беседы не принесли ожидаемого облегчения. Британские дипломаты, за исключением разве что лорда Кроу, не разделяли филэллинских симпатий Ллойд Джорджа. Весь генеральный штаб – Монтегю, Маллет, Тойнби – и многие другие, узнав о жестокостях греков при оккупации турецких территорий, не пытались скрывать свои антигреческие настроения.

Венизелос, как записывал в своем дневнике генерал Вильсон, красноречиво убеждал слушателей в необходимости сокрушить кемалистское движение, которое набирало силу, убрать Турцию из Стамбула и установить международный контроль над Проливами, пока Россия не пришла в себя и не начала также выдвигать своих претензий на них. Он готов был передать союзникам все 12 греческих дивизий. Генерал Вильсон убеждал Венизелоса, что он погубит себя и страну, пытаясь захватить Смирну. Он записывал в своем дневнике, что "Венизелос понимает, что он в безвыходном положении и теперь пытается продать его 12 дивизий". "Старик – конченный человек", – заключал он, глядя

так же, как и большинство британских руководителей военных ведомств, на события в Малой Азии без оптимизма³⁰. Тем более, что в результате высадки греков, сопровождавшейся яростной перестрелкой между греками и местным населением, которая привела к большим жертвам со стороны турок, доверие к Греции пошатнулось даже среди самого греческого населения Малой Азии и вызвало возрождение протурецких настроений. Однако Ллойд Джордж, несмотря на его авторитет "дьявольски умного премьера", по-видимому, все-таки плохо понимал геополитические реалии того предприятия, на которое он благословил греков в свое время, и все же был настроен бодро.

Задержка с подписанием мирного договора Греции с Турцией создавала серьезные трудности для греков. Младотурки во главе с Мустафой Кемалем не только постепенно становились хозяевами положения в стране, но вели пропаганду среди мусульман во всем мире. Через четыре-пять месяцев, по прогнозам Венизелоса и военных, они могли уже иметь перевооруженную и боеспособную армию. Неурегулированность вопросов о Южной Албании, Фракии, Стамбуле создавала предпосылки того, что и другие балканские державы тоже могли прийти в движение, если станут воспринимать присутствие греков в Турции как временное. Газета "New Statesman" писала 15 мая 1920 г.: "Греция сделала в Европе и, может быть, в Азии гораздо большие приобретения, чем она сможет осилить. Произошло ли это потому, что Верховный Совет вступил на опасный путь благодаря настойчивости Венизелоса или из вражды к Болгарии, или, быть может, еще по каким-нибудь более сложным соображениям, которые некоторыми французами, а еще более итальянцами, приписываются Ллойд Джорджу. Практически это не делает большой разницы – по какой причине, но очевидно, что Греция наживает себе непримиримых врагов в лице Болгарии, Турции и даже Италии".

Осложняло ситуацию и то, что президент Вильсон оказался в оппозиции к требованиям Венизелоса и панэллинистов в отношении Южной Албании и Фракии, считая, что передача первой приведет к разделу Албании, созданной

лишь в 1913 г., а второй – отрезало бы Болгарию от Эгейского моря, чего американцы не хотели допустить³¹.

Кроме растущего внешнего сопротивления, особенно со стороны Италии, правительство Венизелоса стало испытывать и внутреннее противодействие. Увлечшись международными проблемами, играя значительную роль в международной политике, живя длительно за границей, Венизелос стал терять былой авторитет у себя дома. Газеты всех направлений все чаще подчеркивали, что он утратил связь с истинными чувствами своего народа. Росло недовольство греков, испытывавших все большие тяготы из-за военных налогов, от почти десятилетней мобилизации армии, начиная с Балканских войн, людских потерь, начавшейся дезорганизации хозяйственной жизни. И, если оккупация Измира приветствовалась почти всем населением Греции, то теперь отношение изменилось и все большее число греков стало выступать против политики Венизелоса. Рабочие, студенты, интеллигенция выражали недовольство участием в интервенции против Советской России и превращением Салоник в 1918–1920 гг. в одну из баз вторжения, раздавались требования прекращения "военной авантюры Венизелоса" в Малой Азии, свободы слова и собраний, политической амнистии, возобновления сношений с Советской Россией. Недовольством народа воспользовались политические противники Венизелоса.

23 ноября был раскрыт заговор сторонников греческого короля Константина против Венизелоса, и через три дня после подписания мирного договора с Болгарией 27 ноября 1919 г. греческий премьер счел необходимым вернуться в Афины. Интуиция не подвела его. Несмотря на то, что он привез из Парижа в основном пока обещания, в парламенте все еще многочисленные его сторонники устроили ему овацию. На время авторитет Венизелоса в стране был восстановлен благодаря его присутствию, многочисленным выступлениям в печати и с трибуны.

21 ноября 1920 г. состоялось закрытие Парижской мирной конференции и стало ясно, что дипломатические и военные маневры греков, хотя и совершавшиеся весьма искусно, почти не дали результатов. В исторической литературе ответственность за такой финал греки возложили

единодушно на Италию и даже на США, которые в конце миротворческого процесса изменили своим первоначальным обещаниям грекам.

Договор Греции с Турцией так и не был подписан и ситуация становилась все более серьезной для греков. В феврале 1920 г. Кемаль объявил о независимости Анкары от поверженного просоюзнического правительства в Стамбуле. Он заявлял, что турки не потерпят иностранной оккупации Анатолии, которая, по их мнению, была центром национальной жизни турецкого народа³². Взяв власть в Анатолии, Кемаль направил своего адъютанта в Реввоенсовет Кавказского фронта с письмом в Москву, в котором просил прислать оружие и другую помощь и предлагал объединить усилия в борьбе против Антанты. Через несколько месяцев, как только письмо было получено, Совнарком оказал Кемалю значительную материальную и военную помощь.

Не только Россия, но и Италия помогали кемалистам. Французы, чьи интересы не затрагивали и пяди анатолийской земли, заняли нейтральную позицию, все чаще выражая сомнения в необходимости греческой оккупации турецких земель и о ее справедливости.

В марте 1920 г. англичане вторично оккупировали Стамбул, когда там собрался меджлис, многие члены которого успели скрыться, переодевшись в крестьянскую одежду, в лодках переплыли Босфор и оказались в Анатолии, в Анкаре, у Кемалю. Тогда было образовано Великое национальное собрание и его правительство (второе). Английские офицеры были взяты в качестве заложников.

Возможности Великобритании к этому моменту в одиночку навязать туркам невыгодные условия были невелики. Только под жерлами орудий английских броненосцев султанское правительство согласилось подписать мирный договор, оформивший раздел этого государства. 10 августа 1920 г. в г. Севре близ Парижа был подписан наконец мирный договор с Турцией, воплотивший взгляды Великобритании и чрезвычайно выгодный для Греции. Однако поставившее под условиями договора подпись правительство султана Мехмеда VI, оставшееся без войска и без денег, никого, кроме самого себя, в Турции уже не пред-

ставляло. Договор, являвшийся самым кабальным из всех договоров Версальской системы, никогда не был ратифицирован и остался лишь на бумаге.

Сторонники Венизелоса заявляли с гордостью, что он создал Грецию двух континентов и пяти морей. Однако царившая в Греции эйфория очень скоро сменилась глубоким замешательством. Многие задавались вопросом: переживет ли создание своего творца? Греция с населением в 5,5 млн. человек держала под ружьем свыше 200 тысяч из них. Война становилась все менее популярной в народе. Этим воспользовались монархисты, вынудив Венизелоса удалиться в "добровольное изгнание" в Европу. Продолжавшаяся война была крайне неудачной для Греции. Бывшие союзники оставили ее без помощи, а получившие поддержку от Советской России кемалистские силы полностью разгромили греческие войска. Сражение в августе 1921 г. на реке Сакарии, в 300 км от Анкары, было началом конца этой безнадежной авантюры. 11 октября 1922 г. в г. Муданья было подписано перемирие между Турцией, с одной стороны, и Англией, Францией, Италией с другой. Через два дня к нему присоединилась также Греция. Греческие войска полностью очистили Малую Азию. Севрский договор был похоронен, а с ним и последняя надежда греческих националистов осуществить их грандиозные планы.

50 тыс. убитыми, 70 тыс. ранеными, 1,5 млн. коренного греческого населения Малой Азии навсегда лишилось крова и привычного места проживания – такой итог.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Mitsakos A. S. France in Greece during World War I. New York, 1982. P. 58.
2. Petsalis-Diomidis N. Greece at the Paris Peace Conference 1919. Thessakinki, 1978. P. 63, 64.
3. Ibid. P. 66, 67.
4. Mitsakos A. S. Op. cit. P. 177.
5. Petsalis-Diomidis N. Op. cit. P. 62, 63.
6. Петроградские ведомости. 1917. 16 авг.; Petsalis-Diomidis N. Op. cit. P. 67.
7. Petsalis-Diomidis N. Op. cit.

8. Palmer A. *The Gardeners of Salonica*. L., 1965. P. 166, 171; Woodhouse S. M. *A Short Story of Modern Greece*. New York, Washington, 1968. P. 203.
9. Вел. Кн. А. М. Романов. *Книга воспоминаний*. М., 1991. С. 250.
10. Petsalis-Diomidis N. *Op. cit.* P. 123–124; Campbell J., Sheppard P. *Modern Greece*. L., 1968. P. 122–123.
11. Petsalis-Diomidis N. *Op. cit.* P. 123–125.
12. Clogg R. A. *Short History of Modern Greece*. Cambridge. 1986. P. 112.
13. Petsalis-Diomidis N. *Op. cit.* P. 122–123.
14. *Ibid.* P. 119.
15. Amery L. S. *War and Peace. 1914–1929*. L., 1953. Vol. 2. P. 130.
16. Petsalis-Diomidis N. *Op. cit.* P. 135.
17. *Ibid.* P. 129.
18. *Ibid.* P. 136–137.
19. Cosmetatos S. *The Tragedy of Greece*. L., New York, 1928. P. 530.
20. Petsalis-Diomidis N. *Op. cit.* P. 136, 188; Jelavich B. and Ch. *The Establishment of the Balkan National States. 1804–1902*. Washington, 1977. Vol. VIII. P. 311.
21. Petsalis-Diomidis N. *Op. cit.* P. 187.
22. Nicolson H. *Peacemaking 1919*. Ed. 3-d. L., 1964. P. 322.
23. Petsalis-Diomidis N. *Op. cit.* P. 198–199.
24. Jelavich B. and Ch. *Op. cit.* P. 311–312.
25. Hankey M. *Supreme Control at the Paris Peace Conference*. L., 1963. P. 163.
26. Amery L. S. *Op. cit.* P. 234.
27. Petsalis-Diomidis N. *Op. cit.* P. 225, 340.
28. *Ibid.* P. 235, 244.
29. *Ibid.* P. 256.
30. Callwell C. E. *Field-Marshal Sir Henry Wilson: His Life and Diaries*. L., 1927. V. 2. P. 213.
31. Woodhouse S. M. *Op. cit.* P. 204.
32. Petsalis-Diomidis N. *Op. cit.* P. 339.

**БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОРИЕНТАЦИЮ
ЧЕШСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ КОЛОНИЙ В РОССИИ
В 1915 – 1917 гг. МАСАРИК ИЛИ ДЮРИХ?**

Настоящая статья является итогом изучения обнаруженного автором в Государственном историческом музее неизвестного ранее исследователям комплекса оригинальных материалов. Это целостный блок документов, составляющих личное наследие Ярослава Папоушека (1890–1945), видного чешского историка, участника движения чехов и словаков в России в годы первой мировой войны. Он – воспитанник Пражского университета, а затем Австрийского исторического института, откуда и был призван на войну. В плен сдался на галицийском фронте осенью 1914 г. и находился затем в сибирских лагерях для военнопленных в Таре и Тюмени Тобольской губернии. Летом 1916 г. Я. Папоушек вступил добровольцем в чехословацкий полк российской армии и сразу был переведен в так называемый корпус сотрудников при правлении Союза чешско-словацких обществ в России. В 1917–1918 гг. он был личным секретарем Т. Г. Масарика в России с постоянным пребыванием в Петрограде, а также секретарем филиала Чехословацкого национального совета в Москве вплоть до вооруженного конфликта чехословацких легионеров с большевиками. Летом 1918 г. Я. Папоушек был арестован и до декабря 1918 г. находился в Бутырской тюрьме. Его письма из Бутырок также сохранились¹. Обнаруженные материалы были изъяты, видимо, в связи с арестом Папоушека, и после его отъезда в самом конце 1918 г. в Прагу (как и материалы его спутницы, ставшей тогда его женой, – русской славистки Н. Ф. Мельниковой-Кедровой-Ривнач) остались в России. Только недавно они стали доступны исследователям, и автору довелось оказать научную помощь в их идентификации, переводе и архивной обработке в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ)².

Изученные материалы, охватывающие период первой мировой войны (включая личные дневниковые записи Папоушека), позволяют по-новому (как бы "изнутри") взглянуть на ключевые проблемы борьбы чехов и словаков в России за общее дело создания независимого чехословацкого государства. Это касается положения военнопленных, расстановки общественно-политических сил внутри колонии "русских" чехов и словаков, отношения к национальному движению этих народов русской общественности и официальных кругов, роли Союза чехословацких обществ в России и особенно борьбы за влияние промасариковского течения против его недавно приглашенного сюда по инициативе МИД России конкурента, бывшего депутата-агрария в австрийском рейхсрате Й. Дюриха. В этом отношении исключительную информативную ценность имеет обширная конфиденциальная (а отчасти и зашифрованная) переписка за 1915–1917 гг. редактора петроградского издания "Чехословак" и идеолога движения чехов и словаков в России Б. Павлу с Я. Папоушеком. Они оба, приближенные в разное время к Масарику, принадлежали к петроградскому течению и при помощи Корпуса сотрудников при правлении Союза чехословацких обществ в России (куда входил и сам Папоушек) оказали существенное влияние на ориентацию как движения военнопленных, так и всего национального движения чехов и словаков, оказавшихся в России.

Весьма показательным для характеристики Папоушека является сохранившееся среди его материалов письмо-рекомендация от Б. Павлу М. Штефанику, как представителю заграничного Национального совета, прибывшему в Россию. Оно датируется октябрём 1916 г. и написано на словацком языке (в отличие от большинства чешских писем Павлу к Папоушеку). В нем Павлу, в частности, писал Штефанику: "Дорогой Милан, рекомендую Тебе друга Папоушека, который доставит Тебе это письмо. Он обо всем отлично информирован и может ознакомить Тебя с ситуацией. Ты можешь ему полностью доверять. Это историк самой лучшей школы. Милюков желает с Тобой говорить. У него для Тебя письмо от Масарика..."³.

Начало регулярной переписки Б. Павлу с Я. Папоуше-

ком относится ко второй половине 1915 г. Самое раннее письмо датировано 28 октября 1915 г. Практически каждое из них написано на бланке газеты "Чехословак", с указанием точного адреса – Петроград, Бассейная, 6. В начальный период войны значительное место в переписке занимали вопросы организации и трудоустройства военнопленных чехов и словаков, их настроений и чаяний. Со всей очевидностью уже в 1915 г. вставал и словацкий вопрос. Об этом в письме от 28 октября Павлу писал: "Из-за недостатка времени я ограничиваюсь лишь сбором сообщений о Словакии. Однако, чтобы писать об этом статьи, нужно время, которого мне не хватает..."⁴

Возглавляемый Павлу печатный орган в идейном плане придерживался не общеславянской ориентации в вопросе о будущей организации национальной жизни (довольно широко распространенной в России и среди "русских" чехов и словаков), а сугубо национальной: "Я не собираюсь сладкими речами привлечь наших людей в объятия славянские, пусть они учатся видеть и обратную сторону медали. Наше славянство должно привыкать ко всему. В русской печати сейчас о чешском вопросе молчание, но я не усматриваю в этом какой-либо специальной тенденции... По правде говоря, не знаю, кто бы мог о нас писать – Ястребов, Погодин, вот и все. Среди журналистов знатоков нет..."⁵. Несмотря на критическое отношение к информированности общественности в чешском вопросе, Павлу все же считал, что нельзя говорить об античешских настроениях в русской прессе.

В письме от 30 декабря 1915 г. Папоушеку содержалась своеобразная директива Павлу по организации движения военнопленных (здесь сохранились пометы Папоушека): "Необходимо всюду подготовить точные списки надежных славян, только чехов и словаков, в крайнем случае югославян и выслать их нам (т. е. в Петроград. – Е. Ф.). Нужно также направить список ненадежных лиц, австрофилов или лже-славян... Существуют планы по созданию чешского завода (инженеры, рабочие) на военные нужды... Но об этом сообщайте только нашим людям..."⁶

Основной же блок переписки относится к осени 1916 г., когда Папоушек уже активно включился в работу правле-

ния Союза чехословацких обществ в России и Корпуса по делам военнопленных. Наибольшую информативную ценность имеют несколько писем (около двух десятков) с осени 1916 до конца марта 1917 г. Это было время усиленной борьбы за ориентацию как чехов, так и словаков в России. Причем, главным в этой борьбе либерального течения, к которому принадлежали и Павлу, и Папоушек, была магистральная установка на присоединение всей "русской" колонии чехов и словаков (самой многочисленной за границей) к программе парижского Чехословацкого национального совета во главе с Т. Г. Масариком, признание его полномочий и образование филиала Совета в России⁷. Неимоверные усилия со стороны Масарика, Штефаника и их окружения были направлены на то, чтобы во что бы то ни стало лишить всяких полномочий формируемый по воле МИД России в 1916 г. процаристский чешско-словацкий Народный совет во главе с пожилым консерватором Дюрихом. Вопреки взглядам прежней историографии подчеркнем, что Дюрих не был случайным человеком в России: еще в 900-е годы он известен как деятель всеславянского движения, активно участвовавший в работе Общества славянской культуры⁸.

Именно этот сюжет – борьба за выбор линии: Масарик или Дюрих – наиболее ярко и глубоко раскрывается в переписке Павлу с Папоушеком. Во многих отношениях этот источник превосходит по своей значимости и содержательности использованные ранее в работах А. Попова, А. Клеванского, К. Пихлика, Л. Голотика⁹ материалы официального происхождения. Письма Павлу, как и другие документы из наследия Папоушека, существенно дополняют историю борьбы за признание "русской" колонией чехов и словаков масариковской, прозападной, программы независимого чехословацкого государства. Решающую роль в крахе Народного совета Дюриха, как оказалось, сыграли, при мощной поддержке Штефаника, именно представители так называемой петроградской оппозиции (Павлу, Папоушек, Клецанда и др.). Эти деятели способствовали проведению в жизнь директив Масарика и его парижского Совета. В этой связи выглядит неубедительной превалирующая в современной литературе концепция о спонтанности присоеди-

нения "русских" колоний чехов и словаков, и прежде всего масс военнопленных, к программе Масарика, добивавшегося создания независимого государства при поддержке западных держав Антанты.

В существующей литературе в оценке численности чехов и словаков в России наблюдаются значительные расхождения. Видимо, в большей мере можно доверять данным чеха по происхождению, генерала на российской службе Червинки, который активно участвовал в формировании чехословацких воинских частей российской армии. Он определял численность чешских эмигрантов и колонистов в России сотней тысяч человек. Еще больше (некоторые авторы называют даже цифру более 200 тыс.) в России было военнопленных чехов и словаков (из них более 30 тыс. словаков), в массовом порядке переходивших в русский плен. Колониями был создан свой центр – Союз чехословацких обществ в России, оформившийся к 1915 г. Местом пребывания этой организации был сначала Петроград, а с весны 1916 г. – Киев.

Восприятие программы Масарика чешской и словацкой колониями в России происходило в ходе борьбы и являлось результатом колоссальных усилий пропагандистской кампании, проводившейся Корпусом по делам военнопленных при правлении Союза и так называемым петроградским течением по всей России среди "русских" чехов и словаков (термин "русские" вошел в обиход обеих колоний. – Е. Ф.). Материалы изученного фонда проливают также свет на отношение общественности и официальной России к ряду вопросов освободительной борьбы, да и на общую атмосферу того времени.

Большая часть доверительной переписки Павлу и Папоушека (видимо, та, которая вручалась адресату через надежных посредников) написана открытым текстом, хотя содержала нелицеприятную критику как своих, так и русских деятелей того времени. Но группа писем, отправлявшихся обычной почтой, содержит шифровку, хотя в большинстве случаев нетрудно догадаться, о ком из деятелей идет речь в том или ином случае. Зашифрованы, например, письма от 12, 26 октября и 1 ноября 1916 г. и др.

В конце октября 1916 г. Павлу сообщал новости из

жизни петроградского землячества чехов и словаков: "Вчера у меня была лекция в Обществе славянской взаимности о чешско-словацких идеалах свободы и независимости. Большинство решительно за нашу программу. Дискуссия завершится через 14 дней на следующем заседании..." Упоминание о позиции петроградского течения в связи с формированием Народного совета Дюриха содержалось в письме от 28 ноября 1916 г. Павлу перечислял в нем фамилии оппозиционеров в отношении правления Союза (Чермак, Клецанда, Рейман, Швиговский), которые созвали специальное совещание по выработке совместных действий против Дюриха. В тот же день состоялось совещание в российском МИДе с участием окружения Дюриха и представителей правления Союза, на которое "петроградцы" не были даже приглашены. В следующем письме (от 29 ноября) излагались принципы формирования Народного совета Дюриха, сведения о которых каким-то образом удалось раздобыть петроградским оппозиционерам: "Дюриховский Совет будет состоять из 6 членов, назначаемых Дюрихом (Цркал, Штепанек, Коничек, Крал, вероятно, и Квачала и др.), из 6 членов, назначаемых правлением Союза (Вондрак, Тучек, видимо и Шнепп, Гурбан и др.). Компетенции пока еще не определены. На совещании раздавались угрозы "дальней дороги на Восток" тем, кто не подчинится. Хорошенькие перспективы..."¹⁰. К этому письму была приложена резолюция петроградской оппозиции от 28 ноября 1916 г. Она гласила: "Представители оппозиции пришли к заключению, что они не могут принять проект, о котором шла речь на совещании в МИДе. Нашей моральной и политической обязанностью является заявить, что Совет в таком составе не будет пользоваться всеобщим доверием и не способствовал бы престижу братской России в глазах нашей общественности. Ныне, когда австрийские власти стремятся всячески ослабить веру земляков на родине в отношении нашего освободительного движения в России и за границей вообще, тем более важно, чтобы члены этого Совета пользовались общественной поддержкой"¹¹. В письме от 3 декабря 1916 г. сообщалось о том, что "Петроградское общество чехов и словаков постановило на своем заседании не входить в Совет при Дю-

рихе, раз выбор членов этого Совета не будет соответствовать принципу общественного доверия”¹². Далее Павлу дал четкую оценку формируемого Совета Дюриха: “Наши шаги направлены против принципа организации Совета, ибо Совет в нынешнем своем виде должен стать лишь совещательным органом при МИДе, а внешне, формально, казался бы выразителем воли нации, чему вовсе не соответствует. Мы разделяем мнение тех, кто трактует наше дело не как внутреннее дело России, а усматривает в нем вопрос славянский и международный. Дюрих же решает его как вопрос внутренний. Более того, половина членов Совета будут назначаться, и любого из них правительство (России. – Е. Ф.) имеет право устранить...”¹³.

Важность момента вынудила Павлу в тот же день спешно направить Папоушеку второе письмо, в котором он продолжал развивать свои взгляды относительно перипетий подготовки Совета Дюриха. Последний задумывался как сугубо альтернативный западному во главе с Масариком центру, чтобы не допустить подчинения Западу колоний в России, а также предотвратить их наметившийся отход от русофильской ориентации. В задачи “петроградцев”, как следует из этих писем, входило намерение оперативно повлиять на военнопленных – склонить их на свою сторону и заручиться их поддержкой (о чем свидетельствуют и другие документы из архива Папоушека). Павлу писал: “Разве это не комедия, добиваться направления в Совет Дюриха нескольких статистов из рядов оппозиции? К чему эта жертва, которая бы нам предоставила ряд преимуществ, но народу лишь бы навредила. Дюрих проявлял себя до сих пор как человек без воли. И ему мы должны дать карт-бланш? Мне пишет “пастырь” (Штефаник. – Е. Ф.). Идти против “юноши” (Дюриха. – Е. Ф.). Или – или. Если произойдет разрыв, то нужно стараться, насколько это возможно, обойтись без лишнего шума. Этот Совет создается на основе предписания свыше, и с общественностью он ничего общего не имеет. В таком случае пусть скажут прямо, что им нужно особое присутствие. Маскироваться общественным мнением чехов, которые добиваются независимости! Да с помощью такой неудачной фигуры, как депутат Дюрих”¹⁴.

Заметный перелом в борьбе за ориентацию колоний чехов и словаков (по сути дела в направлении Масарик или Дюрих) наступил к Новому году, о чем говорит письмо от 3 января 1917 г. Павлу начинал его на оптимистичной ноте: "Мы можем с большими надеждами встречать Новый год, раз союзники в лице Вильсона преподнесли такой новогодний подарок. Впервые спустя 300 лет чешский и чешско-словацкий вопрос становится вопросом международным! Способны мы это оценить?" И переходил далее к главной проблеме, волновавшей его и промасариковское течение в целом, – каким образом отстранить от дел Дюриха: "Я не спал ночами, ломал голову, что придумать с Дюрихом. Свинство зашло слишком далеко. И наконец под Новый год мы начали прямое наступление"¹⁵. В том же письме большое место было уделено отношению различных течений в движении чехов и словаков к формируемому в России (в качестве противовеса западному во главе с Масариком) Совету Дюриха: "Нам удалось пока помешать созданию Совета; по мнению наших русских друзей, это было бы позором для чешского дела. Но мы натолкнулись на сопротивление "Будинского" (зашифрованное имя референта МИДа по чешским делам М. Приклонского. – Е. Ф.)".

В письме от 6 января 1917 г. Павлу писал об успехе оппозиции – ей удалось добиться аудиенции у заместителя министра иностранных дел. "Три дня назад от нашего имени депутация Чермак-Клецанда была у зам. министра иностранных дел Половцева, чтобы доложить ему о ситуации, чтобы не думали, что это что-то вроде иностранной интриги. Но что из этого получится, нельзя предполагать"¹⁶. Из того же письма следовало, что над масариковской оппозицией в Петрограде нависла угроза расправы: "Обстановка немного прояснилась. Однако завтра это может закончиться нашей высылкой на восток. Будинский (Приклонский. – Е. Ф.) добивается того, чтобы лишить меня возможности издавать газету в Петрограде. Зам. министра Нератов вчера заявил нам, что в политическом отношении он будет иметь дело только с Национальным советом Масарика и его замом, и что здешний совет будет заниматься лишь гражданскими делами... Но обстановка ме-

няется каждый день. Или мы выиграем, или же с нами что-то случится, но отступить нельзя..."¹⁷

Видимо, именно нависшая угроза расправы побудила Павлу принять дополнительные меры предосторожности и перейти на новую систему шифровки. Она была сообщена Папоушеку в письме от 11 января 1916 г., переданном ему через Благую: "Вондрак – "Вацек", Тучек – "Малы", Дюрих – "Дурас", Масарик – "Маген", МИД – "деревня", Приклонский – "Будинский", правительство – "комитет", Москва – "Саратов", Киев – "Екатеринослав", Петроград – "Гомель", Австрия – "Прохозка", Италия – "Елена Николаевна", Франция – "Мадам", Германия – "Ярослав Прейс Павлу – "Дробны"¹⁸.

Несмотря на все маневры петроградской оппозиции и Милана Штефаника, находившегося в январе–марте 1917 г. в России, царское правительство в конце января 1917 г. все же утвердило (в противовес Национальному совету в Париже) создание Народного совета в России с Дюрихом во главе. Борьба промасариковского течения с Дюрихом приобретала все больший накал. 7 февраля 1917 г. представителем парижского Совета Штефаником было созвано экстренное заседание делегатов всей колонии "русских" чехов и словаков, на котором он предложил и добился исключения Дюриха из состава Чехословацкого национального совета. Об этом решении срочно телеграфировали Бенешу и в тот же день доложили министру иностранных дел Покровскому. Папоушеком и Корпусом сотрудников было экстренно подготовлено и отгектографировано обращение, разосланное во все лагеря военнопленных, от 14 февраля 1917 г. В нем подчеркивалось, что информация о создании Совета Дюриха преждевременна и далее разъяснялась обстановка в Союзе чехословацких обществ. Большое место в обращении занимала характеристика фигуры М. Штефаника. Задачи освободительной борьбы определялись следующим образом: "Единственным и первостепенным пунктом нашей программы является освобождение чешско-словацкого народа. Эту борьбу возглавляет Чешско-словацкий Национальный совет во главе с проф. Масариком. И нельзя ее разделять на запад и восток. Для упрочения чешского элемента в России должен быть

создан рабочий комитет, подчиненный Национальному совету, который бы состоял из способных, честных и пользующихся общественным доверием представителей. И его неотложной задачей является организация чешско-словацкого войска и упорядочение положения военнопленных”¹⁹. В письме от 15 февраля 1917 г. Павлу писал: “В понедельник министр иностранных дел пригласил представителей чехословацкой общественности (Вондрака, Клецанду, Йиндржишека, Кошика, Крала) и сообщил им, что правительство приняло решение пока оставить Совет с Дюрихом во главе в силе. Спешу посоветоваться со Штефаником. В любом случае нужно выступить против Совета и против Дюриха”²⁰.

Среди материалов Папоушека находятся машинописные тексты трех важных телеграмм, относящихся непосредственно к судьбам Совета Дюриха. Приведем их целиком ввиду важности. Телеграмма Масарика правлению Союза от января 1917 г.: “Зам. пред. Национального совета (т. е. Дюрих. – Е. Ф.) не может одновременно являться членом другого Совета, а только членом филиала заграничного (парижского. – Е. Ф.) нац. Совета по делам России. Сожалею, что меня не информировали. Опасно, что правительство назначает членов. Антирусские элементы используют это против нас. И Дюрих не имеет права назначать членов. Они должны быть независимыми, избранными от организаций. Информируйте. Масарик.”

Телеграмма Бенеша правлению Союза (получена 6.02.1917 г.): “В связи с нынешней обстановкой сообщаю, что мы полностью солидарны со Штефаником. Время прекратить это. Речь идет о нашей чести, и все, что было достигнуто, ставится под угрозу. никоим образом не одобряем оппортунистические решения. Возвращаюсь из Лондона, где было принято решение. Просьба поддерживать Штефаника. Бенеш”²¹.

Телеграмма Масарика и Бенеша Штефанику от 18.02.1917 г.: “Мы долго взвешивали этот вопрос, но мы полностью солидарны с исключением Дюриха из состава Национального совета. Мы приняли такое же решение, когда получили последние сообщения”²².

Как видим, петроградское течение находилось в до-

вольно тесном контакте с Масариком и Бенешем и руководствовалось их инструкциями.

В феврале 1917 г. Папоушек получил от Павлу очередное письмо с подробной информацией и инструкциями (точная дата его не указана). Павлу писал: "Клецанда заявил Покровскому, что мы сообщим от имени наших обществ свою точку зрения. Мы заявим, что: 1) одобряем намерение правительства предоставить нам самим решить внутренние вопросы на съезде; 2) Дюриха мы отвергаем, ибо он утратил доверие и был исключен из Национального совета; 3) мы приветствуем обещание правительства признать Национальный совет (Масарика. – Е. Ф.), с которым мы солидарны; 4) мы требуем, чтобы представителем национального элемента считали не только Союз (чехословацких обществ. – Е. Ф.), но и самую существенную ветвь – военнопленных...

Вы, военнопленные, сочините что-нибудь в том же духе. Особенно нужно подчеркнуть солидарность с Национальным советом и несолидарность с Дюрихом, соответственно с правлением Союза. Не опасайтесь этого, нужно выступать, если не хотим все испортить. Идеально чистым наше дело не будет и нужно спасти хотя бы честь.

Не отчаиваться и действовать! Но решительно и смело, хотя на нас все будут плевать"²³.

В следующем письме от 24 февраля Павлу сообщал: "Штефаник отправился в ставку продвигать армейский вопрос. А наше политическое положение поймешь из того, что нам даже не разрешили опубликовать известие об исключении Дюриха из Национального совета. Их доводы (т. е. чиновников МИД. – Е. Ф.): помилуйте, мы его назначаем председателем Совета, а Вы его исключаете из Нац. совета. Что о нас подумают ваши люди? Но можно сказать, что Покровский склонен к разумному и честному решению. Что ждать от съезда? Уже теперь готовится всевозможный террор. Люди Дюриха (Крал и Конишек) пытаются разбить единство петроградской организации и организуют новое общество, угрожая, что кто не пойдет с ними – тот австрияк. Можешь себе представить, как это действует на наших запуганных людей.

Для нас остается линия: добиваться признания Нацио-

нального совета в России, требовать открытия специального филиала здесь, ибо это единственный авторитет для нас и единственная форма, как привлечь к более активному и сознательному участию массы военнопленных. Пока последние не будут иметь возможности влиять на чешско-словацкие дела в России, мы не выберемся из мелочного лавочничества, в каком пребываем ныне"²⁴.

В дальнейшем решающую роль в борьбе за промасариковскую ориентацию "русских" чехов и словаков сыграла Февральская революция. 5 марта 1917 г. Павлу писал: "Правительственный переворот произошел неожиданно. Штефаник должен уехать, но поспешил направить прошение о создании филиала Национального совета. Сообщаю Вам состав деятелей еще до официального решения. Президиум – Масарик, Штефаник. Его зам. – Чермак, секретари – Клецанда и Маркович. Комиссия при президиуме: Вельц – председатель петроградского общества, Вавржик – член московского комитета, Орсаг – председатель Варшавской беседы, Гирса – член киевского комитета, Шпачек – член Чешского национального совета; военная комиссия: Чечек, Блага, Чеговский, Вл. Дакснер (Дружина, вербовщики, словаки); комиссия военнопленных: Халупа, Макса, Фишер, Янчек. Информационно-пропагандистская: Кудела, Грегор, Гурбан, Павлу. Национальный совет начнет действовать, не ожидая официального разрешения... В лагеря напишите, что дела пойдут быстрее, но даже грядущий режим не изменит Россию, поэтому пусть там ждут другие порядки, но не чудеса... Новая эра нам сулит уже свободу Чехии. В лагеря сообщить: накопленные деньги направить на военные нужды и дела военнопленных для филиала Национального совета".

Более развернутый отклик о революции в России по горячим следам содержался в письме от Павлу от 5 марта 1917 г.: "Переворотом руководили великолепно. Теперь – за новые дела. Милюков вчера заявил Штефанику: "С Дюрихом вообще не будем разговаривать. Мы заинтересованы в сильной позиции Национального совета здесь и за границей. Сделаю для Вас все возможное". Штефаник подал ему прошение об открытии филиала Нац. совета. Зрелость русской общественности значительно большая, чем наша.

Мы работали в свинской среде, но и в собственном свинстве. Но бог с ними. Да здравствует новая эпоха!"²⁵

Во второй половине марта Павлу дополнительно сообщал, что Дюрих уже отставлен, а деятельность его Народного совета приостановлена. Тогда же в лагерь Корпусом сотрудников при правлении Союза было направлено очередное Обращение к военнопленным чехам и словакам, гектографический оттиск которого также хранится среди материалов Папоушека в архиве ГИМ. Очевидно, что документ разрабатывался непосредственно с его помощью, и что в нем реализовывались полученные от Павлу указы. Обращение начиналось с разъяснения так называемого "дела Дюриха" и вопроса об отношении к Совету Дюриха различных течений чешско-словацкого землячества. Особый упор в документе делался на необходимость подчинения единому политическому руководству, "таковым мы считаем Чешско-словацкий национальный Совет в Париже с проф. Масариком во главе"²⁶. В обращении содержался также анализ двойственной политики по отношению к обоим Советам – Масарика и Дюриха – со стороны правления Союза чешско-словацких обществ в России. И в завершение были четко сформулированы требования Корпуса сотрудников-военнопленных, направленные на нейтрализацию влияния Дюриха:

1) Мы признаем, говорилось в документе, Чехословацкий национальный совет в Париже во главе с Масариком своим единственным правомочным политическим лидером, за которым готовы следовать и словом, и делом. И поскольку Дюрих был исключен из этого Совета, мы не можем признавать его и доверять ему; мы не можем также признавать созданную им сепаратистскую организацию;

2) Требуем, чтобы все общества в России находились в организационной связи с Советом Масарика...;

3) Требуем, чтобы военнопленные (как добровольцы, так и на работах или лагерях) получили возможность влиять на решение всех наших дел посредством делегатов, избираемых согласно численности и значения;

4) Политика должна иметь прогрессивную направленность;

5) Важнейшим пунктом в нашей программе является

создание Чешского войска, в которое вступили уже все члены Корпуса военнопленных при правлении Союза чехо- словацких обществ.

Если Вы одобряете нашу программу, сообщите об этом по адресу: Киев, Рытарская ул. 29, кв. 8. Халупа. Киев, 17.iii.1917 г."²⁷

Чтобы заручиться поддержкой провинции, в места пребывания военнопленных чехов и словаков несколько ранее из центра был направлен текст телеграммы следующего содержания: "Телеграфируйте срочно Милюкову заявление в пользу Масарика против Дюриха. Присылайте обещанный акт. Шебеста, Папоушек, Халупа"²⁸ Сохранился также черновик одной телеграммы (на русском языке) из лагеря в Тюмени, который повторял заданный центром текст: "Господину министру иностранных дел Милюкову. Петроград: от имени военнопленных чехов и словаков имеем честь сообщить, что подали жалобу на бывшего депутата Дюриха и правление Союза [по] поводу их деятельности, идущей вразрез интересам славянства, особенно Чехии, и направленной против единства освободительной борьбы всех зарубежных чехов и словаков (после чьей-то правки окончательный вариант: чехо-словаков — Е. Ф.) и тем самым против демократических принципов политики нашего, всеми и всем чешским народом признаваемого, вождя проф. Масарика. Надеемся, что правительство свободной России поддержит единство всех чехо-словаков России с Чешско-словацким национальным советом во главе с защитником права и свободы Масариком. Шейд, Студенка, Страка, Бауэр, Кулфанек, Кур, Запрашил"²⁹ Однако в приписке к письму на чешском языке за подписью Страки в Корпус по делам военнопленных при Союзе выражалось сомнение в необходимости отправки в центр телеграмм подобного рода. Авторы письма из Тюменского лагеря считали, что "с жалобой на Дюриха, по нашему скромному мнению, стоило подождать, пока самим не удастся убрать сор из чешской избы"³⁰. Иными словами, военнопленные чехи и словаки осмысленно и критически (отнюдь не слепо) подходили к направляемой в их адрес информации и инструкциям из центра и открыто высказывали свое мнение. В процитированном выше письме под-

черкивалась огромная ответственность, которая лежит на всех деятелях землячества перед потомками и историей.

Переписку Павлу с Папоушкой завершает обширное письмо на нескольких страницах от 25 марта 1917 г. Автор его сообщал Папоушке о попытке председателя Союза чехословацких обществ В. Вондрака в новых условиях взять на себя бразды правления всем движением чехов и словаков в России в противовес Масарику, отстаивавшему главенство Чехословацкого совета в Париже и линию на единство всех чехов и словаков, независимо от их места нахождения. Существенной поддержкой петроградскому течению на заключительном этапе борьбы с правлением Союза и Дюрихом за влияние на чехов и словаков в России стала весьма категоричная телеграмма Масарика, посланная уже после революции, 24 марта 1917 г., которую имел в своем распоряжении Папоушек: "Вондраку в Петроград. Никакого оппортунизма и превышения Ваших полномочий. Политические шаги, касающиеся всех землячеств и народа, принимать только в согласии со мной. Союз (обществ. – Е. Ф.) – лишь для России. Прежде всего святое единство. Сотрудничество с петроградским меньшинством. Протестую решительно против официальной поддержки, оказываемой Дюриху. Договоритесь со Штефаником. Настало время, наконец, работать как следует и лояльно по отношению ко всем. Прошу регулярно информировать. Привет. Масарик"³¹.

Как показывает анализ источников, на начальном этапе освободительной борьбы чехов и словаков в годы первой мировой войны в России в них чаще употреблялся термин "чешский", хотя зачастую, или, как правило, в него вкладывался "чешско-словацкий" смысл. Лишь во второй половине 1916 г. наблюдается более обдуманый подход к национальной терминологии, что, на мой взгляд, отражало новый этап борьбы за единство различных ветвей чешского и словацкого движения в России. Эту борьбу возглавили именно представители "петроградского течения" во главе с Б. Павлу, который тогда считал себя также представителем словацкого движения.

В документах того времени и переписке деятелей русского землячества чехов и словаков (из Союза чехословацких обществ в России) со 2-й пол. 1916 г. часто встречается термин "чешско-словацкий" или "чешско словацкий" без дефиса, и лишь изредка по инерции используется термин "чешский", но уже как синоним "чехословацкий". Причем, представители "русских" чехов и словаков предпочитали употреблять слово "чешско-словацкий", а не "чехо-словацкий".

Материалы Союза обществ и Корпуса сотрудников по делам военнопленных при правлении Союза (т. е. из круга тех, кто непосредственно знал атмосферу на местах и вел среди военнопленных пропаганду) говорят о том, что словацкое самосознание не было таким неразвитым, как это утверждала часть легионерских деятелей в России (и особенно в ЧСР после их возвращения на родину). Например, один из них в заметке "Словаки" (середина 1916 г.) писал, что из сотен словаков, которых он близко знал, "лишь незначительная часть с гордостью считала словацкий язык своим. Дома у них говорят по-словацки, молятся по-словацки, но сами они, мол, не славяне, а венгры! Таковы уже словаки в плену – и нужно открыто признать эту горькую правду... Лишь изредка приходят письма от наших доверенных в лагерях, в которых бы говорилось о сознательных словаках, желающих предоставить себя в распоряжение нашей акции по освобождению чехословацкого народа"³².

Несколько по-другому дело выглядит, судя по свидетельству чуткого к словацкому национальному движению чешского деятеля Я. Папоушека, который хорошо представлял себе ситуацию, имея опыт совместного пребывания со словаками в лагерях для военнопленных в Тюмени и Таре. В своем письме-рекомендации из Тюменского лагеря Тобольской губернии в 1916 г. активистам военнопленным при правлении Союза чехословацких обществ он особо подчеркивал, что "для работы со словаками необходимо направить специально подготовленных агитаторов или словаков, или же говорящих по-словацки и знающих словацкую среду чехов, иначе агитация среди словаков провалится полностью (подчеркнуто Папоушеком. – Е. Ф.)"³³. Здесь акцент, как видим, другой, свидетельствующий именно в пользу развитого словацкого, а не чехословацкого (форми-

рование которого еще предстояло) национального самосознания. Папоушек настаивал в своем послании: "Считаю необходимым для борьбы за нашу независимость: 1) От правления Союза направить во все области как можно большее число доверенных, которые бы детально объясняли задачи всего движения и сосредоточились бы исключительно на наборе в армию. 2) Главный упор при агитации нужно делать на деревни, а не на лагеря, в которых наших людей меньше, и они, в большинстве своем, пленные, запуганные и деморализованные. 3) Нельзя использовать форму, испробованную при наборе в сербское войско. Солдатские массы живут месяцами в деревнях без известий. Если агитацию будут вести русские офицеры в управлениях, и без всяких объяснений ставить вопрос о вступлении в армию, то массы, по моему мнению, из-за недостаточной информированности будут отказываться от вступления, подобно тому, как было с хорватами и словенцами. 4) В большинстве своем русские органы на местах недостаточно осведомлены о чешском вопросе и чешской акции, и этот факт очевидно может навредить нашему делу. Необходимо принять меры по информированию местных органов власти. 5) Нужно организовать один или несколько сборных пунктов для записавшихся добровольцами в армию и сразу их туда направлять..."³⁴.

Уже находясь в составе Корпуса сотрудников при правлении Союза, в письме (начало 1917 г.) активистам-доверенным в лагерях Я. Папоушек настоятельно рекомендовал: "Нужно писать всегда "чехов и словаков" или "чехослов. (-аков)", "чешскослов.(-ацкий)". Игнорирование слова "словак" вызывает крайнее недовольство"³⁵.

В легионерской литературе 20-х годов и чехословакистской историографии (в частности, можно указать работы участника движения Ивана Марковича) делалась попытка отрицать, что одной из причин, приведших к миссии Штефаника (а несколько ранее – Й. Дюриха) в России был словацкий сепаратизм и необходимость в связи с этим урегулировать взаимные отношения среди "русских" чехов и словаков. Факт, однако, что именно урегулирование словацкого вопроса, наряду с военным и другими вопросами, входило в задачи русской миссии как представителя Чехо-

словацкого национального совета М. Штефаника, так и представителя американской Словацкой лиги Г. Кошика в ходе их турне по России в годы первой мировой войны. В одной из своих поздних исторических работ Папоушек среди назревших в 1916 г. в русском землячестве чехов и словаков проблем называл "трудности со словаками-сепаратистами во главе с проф. Квачалой"³⁶.

Так что заявление Г. Кошика в одном из интервью 1916 г. в России, что чехи и словаки уже имеют сознание единого народа, было скорее стремлением выдать желаемое за действительное³⁷. Приходишь к выводу, что не всем деятелям освободительного движения чехов и словаков в России пришлось по душе цитированный выше призыв Я. Папоушека всегда учитывать в повседневной работе словацкий национальный компонент. Очевидно, что именно эти слова Папоушека перефразировал позже с негативным подтекстом последовательный центрист И. Маркович. Он писал (уже в условиях ЧСР) о реалиях национальной борьбы чехов и словаков в России следующее: "Принципиальные сторонники "национального своеобразия" словацкого народа обращали внимание на то, чтобы всегда оттенять чехов и словаков, чешский и словацкий народ, чтобы "Словакию" писать с заглавной буквы, а перед этим ставить дефис. Некоторые деятели пытались отношения чехов и словаков свести к слову "координация", как например, это было в заявлении "Чехословацкого общества" в Москве "К словакам в России" от 24 марта 1916 г., а также в уставе этого общества, да и в политической резолюции съезда чехословацких обществ в России, состоявшегося в Киеве, от 3 мая 1916 г."³⁸

Дополнительного исследования требует позиция делегата от американской Словацкой лиги в России Г. Кошика, поскольку чешские деятели в России трактовали его миссию, исходя из своих соображений. О неоднозначности позиции Г. Кошика упоминал в своих работах тот же И. Маркович: "Пропагандисты русско-словацкой ориентации стремились упрочить свои позиции также в "Словацкой лиге" и склонить на свою сторону Кошика. Когда им этого сделать не удалось, они очернили последнего перед "Словацкой лигой" в Америке; Лига направила ему послание, в

котором упрекала Кошика в том, что он находится под влиянием односторонних чешских взглядов, якобы тяготеющих чрезмерно к Западу и недооценивающих значение и вес России”³⁹.

После долгих и нервных, как отмечают современники, переговоров М. Штефаника как с Дюрихом, так и с правлением Союза чехословацких обществ в России, под нажимом Штефаника (при действенной помощи Павлу, Папоушека и петроградского течения в целом) произошла привязка словацкого вопроса к отчетливо чехословакистской линии парижского Чехословацкого национального совета. Это нашло отражение в известном документе того периода – в так называемом “Киевском пакте” (август 1916 г.), провозглашавшем единство чехословацкого народа. В нем подчеркивалось: “Чехи и словаки отдают себе отчет в том, что они тесно связаны между собой как своими жизненными интересами, так и культурой, и особенно кровными узами, и они намерены стать единым политически неделимым и свободным народом под защитой и протекцией Антанты. Этот народ питает абсолютное доверие к России”⁴⁰. Пакт, под которым наряду со Штефаником свои подписи поставили также Дюрих и Кошик, имел большое значение для укрепления единства освободительного движения чехов и словаков, хотя впоследствии, впрочем, он не признавался МИД России.

Следующим шагом М. Штефаника в деле “урегулирования” директивными методами словацкой обособленности было сведение на нет усилий словацкой общественности по подготовке во второй половине 1916 г. съезда словаков в России. Ведь еще на московском совещании словаков 16 августа 1916 г. было принято решение о создании подготавливающей комиссии, в задачи которой входило: подготовить съезд словаков в России; выработать программу и резолюции съезда, на основе которых развивалась бы в дальнейшем деятельность словаков; подготовить проект устава будущей организации словаков в России; договориться с правлением Союза о перспективах сотрудничества; поддерживать контакты как со Штефаником, так и с делегатами Словацкой лиги⁴¹.

Вместо того, чтобы приступить к осуществлению на

меченных конкретных шагов, комиссия (в нее входили представители словацкой интеллигенции в России Я. Янчек – председатель, И. Маркович – секретарь, И. Дакснер мл., Ю. Грушко и Г. Павлини) обратилась к организациям и деятелям словацкого землячества с запросом, поддерживают ли те идею созыва и намерены ли они принять в нем участие. Этот запрос был направлен также в правление Союза и представителю парижского Чехословацкого национального совета в России М. Штефанику. Таким образом был допущен тактический просчет. Штефаник сразу же в своем послании (конец сентября 1916 г.) заявил, что в данный момент съезд мог бы стать или политической демонстрацией, или проявлением словацкой обособленности, и высказался со всей решимостью против созыва съезда словаков в России: "Мне не совсем понятно, чего Вы добиваетесь. У меня не вызывают симпатий любые торжественные собрания. Просьба, будьте осторожны"⁴². По-военному категоричная позиция майора французской армии М. Штефаника сделала свое дело, съезд так и не состоялся, а вместе с тем исчезли какие-либо планы создания в России самостоятельной словацкой организации. Подобная же участь постигла и словацкого профессора Квачалу (и словацко-русское, или русско-словацкое общество памяти Людовита Штура в целом)⁴³, подвергнутого ранее в своей записке сомнению саму идею объединения чехов и словаков в едином государстве. В ходе встречи с ним Штефаник также был настроен весьма решительно. По свидетельству современников, Штефаника не видели еще "настолько разъяренным и возбужденным, как после выяснения их с профессором Квачалой взглядов на первой и последней их встрече в Петрограде"⁴⁴.

Кроме того, следует подчеркнуть, что на дуалистической концепции ("независимая Словакия и независимые Чешские земли объединяются в единый государственный организм") будущего государственного устройства (сформулированной в октябре 1916 г. находившимися в России представителями словацкой интеллигенции В. Гурбаном, Й. Грегором и др. под названием "Наша цель")⁴⁵ с приездом Штефаника упор уже не делался.

Кампания в России "Масарик или Дюрих" завершилась

победой промасариковского течения, добившегося в итоге единства освободительного движения чехов и словаков в России с заграничным.

Реалии освободительной борьбы в 1916–1917 гг. приводили к тому, что движение чехов и словаков приобретало подчеркнута национальный характер и выходило за расплывчатые рамки концептуальных формулировок всеславянского единства, славянского единения и создания так называемого всеславянского союза. Эти установки имели своих сторонников в России того времени (включая ряд представителей землячества чехов и словаков). В целом же идея "всеславянского единства", направленная на реализацию права австрийских и венгерских славян на национальное самоопределение и создание независимых государств с ориентацией на Россию (подчеркивание мое. – Е. Ф.) тогда воспринималась неоднозначно. Источники свидетельствуют, что далеко не все разделяли тогда программу "всеславянского единства"⁴⁶. В частности, об этом говорит письмо слависта О. Панасюка из Ростова-на-Дону в Москву коллеге Н. Ф. Мельниковой-Кедровой-Ривнач, относящееся к началу 1917 г. Он писал: "Хорошо, что у Вас действует просветительско-славянофильствующее общество. Конечно, москвичам, как и славянам, живущим в России, не прежде всего жгучим является вопрос о славянизации нашего самосознания. Идет подделка под то, чем болели наши большие умы старого изжитого и прожитого времени (подчеркивание мое. – Е. Ф.). Прочтите "Три мира азийско-европейского материка" Ламанского, посмотрите чем люди жили, какими глубокими познаниями обладали и какие широкие горизонты перед ними открывались.. Веселовский напоминает грядущее будущее, что его надстроить по своему замыслу или же под диктовку соседей (немцев или англичан). Чехи хотят самостоятельности..."⁴⁷

Деятелей чешского и словацкого национального движения в России весьма волновал вопрос о степени подготовленности этой страны к демократическим преобразованиям. Например, один из словацких деятелей в России В. Гурбан считал: "И официальная Россия не является достаточно славянской... Россия должна еще преодолеть многое из того, что мы уже, невзирая на нашу отсталость, и

я это подчеркиваю, давно прошли. Независимо от того, что происходит в настоящее время, русские внутренние порядки были бы для нас невыносимыми”⁴⁸. Не случайно отсюда последующее восторженное восприятие Февральской революции чехами и словаками в России.

Программа и линия Масарика среди “русских” чехов и словаков была реализована при активном участии М. Штефаника и его соратников Б. Павлу, Я. Папоушека (бывших учеников Масарика в Праге) и других видных представителей петроградского течения, исповедовавших идею чешско-словацкого единства. В борьбе за влияние нередко использовались командные методы воздействия при разрешении персональных и идейных конфликтов, подобно рассмотренной эпопее “Масарик или Дюрих” в России⁴⁹. Политическая схватка порой приобретала сугубо личностный характер (о чем свидетельствует и проанализированная переписка Павлу с Папоушеком), что тормозило решение таких неотложных вопросов, как освобождение военнопленных чехов и словаков в России, ускоренное формирование чешско-словацких воинских частей, и других во всем их многообразии.

Стоит особо подчеркнуть, что основная задача – признание роли чешской и словацкой колонии в России в общенациональном движении чехов и словаков за независимость и достижение единства этих колоний с линией заграничного движения Сопrotивления благодаря петроградскому течению во главе с Б. Павлу и другими – при мощной поддержке М. Штефаника – была решена еще до приезда в Россию Т. Г. Масарика⁵⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом: Фирсов Е. Ф. Чешский историк Ярослав Папоушек в России и его неизвестные письма из Бутырской тюрьмы (В печати).

2. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 151. (Н. Ф. Мельникова-Кедрова-Ривнач). Материалы этого фонда обнаружены автором летом 1992 г. Они легли в основу научного доклада “Борьба за ориентацию чешского и словацкого национального движения в России в 1915–1917 гг. и словацкое национальное самосознание (в свете новых архивных открытий)”, сделанного автором на XI Международном съезде славистов в Братиславе в сентябре 1993 г. См.:

3. ОПИ ГИМ. Ф. 151.

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же.

7. См. тезисы доклада Е. Ф. Фирсова на XI MCC: XI Medzinárodný zjazd slavistov. Br., Veda. 1993. S. 600–601.

8. См.: Журнал заседаний Общества славянской культуры 17 мая 1909 г. // Известия общества славянской культуры. М., 1912. Т. I. Кн. I. С. 143–144. В своей речи на заседании Общества славянской культуры И. Дюрих подчеркнул, в частности: "У нас одна мысль – в любви к нашим братьям, ко всей России и ко всей Славии. Наш идеал – любовь славян друг к другу, любовь каждого славянина к его народности, к его отечеству и великому славянству... Мы, чехи, горды тем, что из маленьких дровосеков выросли в крепкий народ. Мы видим, что имеем опору только в славизме. Просьба к собравшимся: чтобы и вы взрастили любовь к славизму, любовь к взаимности всех славянских народов".

9. См.: Попов А. Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия // Красный архив. 1929. Т. 2 (33); Holotik L. Štefánikovská legenda a vznik CSR. Br., 1958; Pichlík K. Zahraníční odboj 1914/1918 bez legend. Pr., 1968; Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965; Из работ, опубликованных русской эмиграцией, упомянем яркое исследование: Лазаревский Вл. Россия и Чехословацкое возрождение. Очерк чешско-русских отношений 1914–1918 гг. Град Китеж, 1927.

В 1994 г. вышел в свет сборник статей "Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории". Чешскому аспекту в нем посвящена статья М. Д. Савваитовой "Чешский вопрос в официальных кругах России в годы первой мировой войны" (С. 113–126). Автор утверждает, что ею использован "блок до сих пор комплексно не изученных материалов, дающих право по-новому взглянуть на эволюцию чешского вопроса в период первой мировой войны" (С. 114). Однако даже беглый взгляд на раздел и его источниковую базу, а также его сравнение с гл. 1-й и 2-й основного исследования А. Х. Клеванского (см.: С. 10–83) не позволяет согласиться с утверждением Савваитовой, претендующей во что бы то ни стало на "новизну" источникового блока. Этот блок источников из Архива внешней политики Российской империи (в основном это материалы Особого политического отдела МИД) весьма удачно полностью был использован как в книге А. Х. Клеванского, так и в других исследованиях. К сожалению, об А. Х. Клеванском, например, даже не упоминается в статье. И в концептуальном и в источниковом плане М. Д. Савваитова не смогла выйти за рамки своих предшественников, к которым у нее при этом наблюдается слишком селективный подход (хотя, разумеется, с позиций нынешнего дня в их работах можно найти упущения и идеологические натяжки). Использование лишь известного до сих пор круга источников и полное, причем безосновательное, исключение словацких сюжетов и работ, не позволило придать статье Савваитовой дискуссионный характер, к чему, в какой-то мере, обязывало бы общее название сборника статей.

10. ОПИ ГИМ. Ф. 151.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. Письмо из Тюменского лагеря военнопленных от 16.III. 1917 г.
29. Там же.
30. Там же. Письмо из Тюменского лагеря военнопленных от 15.III.1916 г.
31. Там же.
32. Dým a Josef. Cestou k svobodě. Úvahy a besidky uperejnéné v Rusku 1915–1917. Pr., 1920. S. 70–71.
33. ОПИ ГИМ. Ф. 151.
34. Там же.
35. Там же.
36. Paroušek Jaroslav. Jlí Klecanda. Vojovník za věc národa. Pr., 1928. S. 60; Подробнее см.: Фирсов Е. Ф. Словацко-русское общество памяти Л. Штура в годы первой мировой войны в России (в свете архивных находок в фонде Л. М. Савелова) (В печати).
37. См.: Markovič I. Slováci v zahraničnej revolúcii // Cyklus přednášek. Čs. revoluce. Pr., 1924. S. 601.
38. Ibid. S. 602.
39. Ibid. S. 616–617.
40. Cechoslovák. 1916.9.IX. Gosiorovský M. Z histórie česko-slovenských vzťahov. Br., 1978. S. 53–54.
41. Markovič I. Op. cit. S. 631.
42. Ibid. S. 633.
43. См. подробнее: Фирсов Е. Ф. Словацко-русское общество памяти Л. Штура в годы первой мировой войны в России (В печати).
44. Markovič I. Op. cit. S. 614.
45. См. Gosiorovský M. Op. cit. S. 15–16; Slovenské hlasy. 1917. 30.V.
46. См. подробнее: Фирсов Е. Ф. Юлиус Зейер. Из рукописного наследия Н. Ф. Мельниковой-Кедровой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1994. № 1. С. 90.
47. ОПИ ГИМ. Ф. 151.
48. См.: Markovič I. Op. cit. S. 618–619.
49. См. об этом также доклад Е. Ф. Фирсова (на международной конференции в Либлице близ Праги в сентябре 1994 г. на тему "Первая мировая война, современная демократия и Т. Г. Масарик") Voj Čechů a Slováků v

Rusku o Masarykův program v letech 1916–1917 // První světová válka, moderní demokracie a T. G. Masaryk. Pr., 1995. S. 103–114.

О роли М. Штефаника в деле Дюриха см. также: Фирсов Е. Ф. Словакия и М. Р. Штефаник в архивных фондах России (В печати).

50. См. об этом в русскоязычной историографии, например, книги Вл. Лазаревского и А. Х. Клеванского.

ii. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

С. А. Скляр
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЫ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Капитуляция Австро-Венгрии и Германии в ноябре 1918 г. знаменовала окончание первой мировой войны, но это не привело к прекращению боевых действий на востоке Европы, где военное протиборство двух крупнейших империалистических блоков резко стимулировало национальные и социальные процессы. На месте некогда могущественных империй образовывались новые национальные государства, стремившиеся добиться признания со стороны победителей и одновременно выдвигавшие многочисленные территориальные претензии друг к другу, для подкрепления которых они готовы были прибегнуть к военной силе. Международная обстановка в этом регионе осложнялась революциями в России, Германии и Венгрии и всплеском в них в свою очередь сложных национально-территориальных проблем, нередко тесно переплетавшихся с подобными проблемами в новых государственных образованиях.

Роль арбитра в разрешении территориальных, национальных, а отчасти и социальных, вопросов взяли на себя ведущие страны Антанты. Их задача состояла в том, чтобы, решая проблемы устройства Центральной и Восточной Европы, учитывать и свои собственные интересы, нередко вступающие в противоречие с интересами союзников по коалиции. Нельзя было сбрасывать со счетов и определе-

ные моральные обязательства перед поверженным союзником – Российской империей, а также перед национальными движениями, оказавшими Антанте поддержку в ходе первой мировой войны. Однако виды на будущее в послевоенной Европе у самостоятельных польского и украинского государств были явно неравнозначными.

До первой мировой войны значительные территории, населенные поляками и украинцами, входили в состав одной из ведущих стран Антанты – Российской империи и поэтому долгое время рассматривались Антантой как часть российского государства; они не имели поэтому перспектив на отделение. Но если польский вопрос стоял в Европе с XVIII в. и успел привлечь благосклонное внимание европейской общественности и политиков, в том числе и в странах Согласия, то украинский воспринимался Антантой не иначе как искусственный, как германо-австрийская провокация против России.

Политика Антанты в отношении польской и украинской государственности исходила прежде всего из учета официальной позиции России. 16(29) марта 1917 г. Временное правительство заявило о своей готовности содействовать созданию польского государства на землях, населенных в большинстве поляками на условиях заключения ими с Россией "свободного военного союза"¹. В украинском вопросе правительство соглашалось только на предоставление культурно-национальной автономии. Соответственно ведущие политики Антанты, начиная с 1918 г., активно декларировали необходимость образования самостоятельного польского государства в его этнических границах. 5 января 1918 г. с заявлением о желательности создания независимой Польши как важнейшего условия для стабилизации в Восточной Европе выступил британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж. Неделями позже в своей программе "Четырнадцать пунктов" о том же сказал президент США В. Вильсон. 2 июня 1918 г. эта позиция была подтверждена в совместной декларации глав правительств Великобритании, Франции и Италии.

Иным было отношение к перспективе конституирования украинского государства.

Негативному восприятию украинского движения во

многим способствовала позиция царской России, не признававшей, в отличие от Австро-Венгрии и Германии, самобытности украинцев вне рамок русского народа, а также относительная слабость этого движения по сравнению с польским.

До первой мировой войны украинское национальное движение наибольший размах получило на украинских территориях, входивших в состав Австро-Венгрии. Оно зародилось здесь в первой половине XIX в. на фоне польско-украинского противостояния и впервые заявило о себе как о влиятельной политической силе в ходе революции 1848 г. В Австро-Венгрии, в отличие от Российской империи, оно не преследовалось, а служило опорой Габсбургам в качестве противовеса угрожавшим целостности монархии польскому национальному и пророссийскому московфильскому политическим течениям в Галиции.

На территории Российской империи украинское национальное движение стало серьезным фактором политической жизни только в ходе первой мировой войны. Вплоть до Октябрьской революции 1917 г. его лидеры не выдвигали на первый план задачи создания полностью независимого украинского государства, добиваясь лишь автономии Украины в составе России. Образовавшаяся 4(17) марта 1917 г. в Киеве Украинская Центральная Рада провозгласила себя временным представительным органом будущего украинского государства, и на протяжении всего 1917 г. пыталась добиться признания сначала от Временного правительства, а потом и от большевиков государственной автономии Украины в составе федеративной России. Однако грубый нажим большевистского правительства России, добивавшегося в ноябре-декабре 1917 г. в обмен на признание прав Украины на самоопределение и автономию ее советизации, вынудил Центральную Раду 22 января (4 февраля) 1918 г. издать четвертый универсал, которым провозглашалась полная государственная независимость образовавшейся в ноябре 1917 г. на территории Надднепрянской Украины* Украинской Народной Республики (УНР).

* Надднепрянская Украина (Великая Украина) – политико-географический термин, объединительное название украинских территорий, входивших до 1917 г. в состав Российской империи.

Успеху этого шага в немалой степени способствовала полная неопределенность в России, где на фоне гражданской войны одно за другим появлялись новые государства, а большевики грозили мировой революцией. Кроме того, в условиях революционной смуты в Германии и Венгрии воссозданное осенью 1918 г. независимое Польское государство сумело взять под свой контроль большинство этнических польских территорий. Трудность, правда, заключалась в том, что во главе польского правительства фактически встали лидеры, долгое время ориентировавшиеся на поражение Антанты в первой мировой войне. Однако начальнику государства Ю. Пилсудскому и первым правительствам Е. Морачевского и И. Падеревского удалось договориться с проантантовским Польским национальным комитетом в Париже по ключевым вопросам возрождения Польши, что, хотя и не ликвидировало, но значительно уменьшило недоверие Антанты к польскому государству.

В этом плане Украина значительно уступала. Мало того, что украинцев политики Антанты не воспринимали как отдельную нацию, а сам украинский вопрос считали искусственно раздутым, УНР еще и не контролировала большую часть своей территории, в том числе и столицу. Кроме того недоверие Антанты вызывало само украинское правительство – Директория, пришедшее 13 ноября 1918 г. на смену свергнутому гетманскому режиму. Ее руководители В. Винниченко и С. Петлюра считались социалистами, степень социального радикализма которых, в отличие от Ю. Пилсудского, отошедшего от социалистического движения, далеко не была ясна. Плохую службу Украине сослужила и ее прежняя прогерманская ориентация. Украинцам не удалось организовать в составе армии Антанты отдельный легион наподобие польского. Хотя со стороны отдельных галицийских украинцев в апреле 1918 г. определенные шаги в этом направлении и предпринимались, широкой поддержки они не получили².

Наиболее наглядно неравноценность позиций украинского и польского государств в послевоенной Европе проявилась не только в вопросе признания их Антантой, но также в вопросе определения их границ, прежде всего на спорном польско-украинском участке. Польша и Украина

одновременно претендовали на обладание заселенными преимущественно украинским населением, но с многочисленными польскими анклавами, территориями, некогда входившими в состав Речи Посполитой. Это были прежде всего восточные районы Холмщины и Подляшья, Восточная Галиция и Западная Волынь.

При этом украинская сторона обосновывала свою позицию аргументами этнического порядка, указывая на абсолютное или относительное преобладание украинского элемента в составе населения спорных территорий. В противовес этому польские политики выдвигали аргументы исторического, экономического, геополитического и военного порядка, а также указывали на возможность скорой полонизации этих земель, так как в ряде поветов польский элемент численно почти не уступал украинскому.

Одновременно Польша претендовала на значительную часть территории побежденной Германской империи, что усиливало заинтересованность Франции. Именно Франция стала наиболее последовательно покровительствовать польскому государству в вопросах его становления и послевоенного обустройства, в том числе и территориального. Французский МИД и военное министерство в конце 1918 г. разработали концепцию создания сильной Польши, которая могла бы заменить Россию в качестве восточного противовеса Германии и в то же время служить санитарным кордоном с большевистской Россией³. Одним из подтверждений существования этой концепции служит направленная в Совмин и военное министерство Франции докладная записка от 22 ноября 1918 г. начальника французской военной миссии в Польше генерала Аршинара, в которой излагались мотивы определения границ будущего польского государства. Французская военная миссия исходила из исторических, этнических и экономических предпосылок создания сильного польского государства как союзника Франции. Она рекомендовала включить в состав Польши Холмщину, Восточную Галицию, Западную Волынь и часть Подолии с Проскуровым и Каменцом-Подольским, проведя восточную границу по реке Горынь. Остальная часть украинских территорий, ранее входивших в Речь

Посполитую, в том числе восточные районы Волыни и Подолии, а также вся Киевщина должны были остаться в России⁴. Тем самым Франция в вопросе польско-украинского разграничения заняла резко пропольскую позицию, что означало не только раздел Украины между Польшей и Россией, но и максимальные территориальные уступки Польше за счет западноукраинских земель, а также украинской территории, которая входила в состав Российской империи, и где поляков было сравнительно мало.

В ситуации, когда Франция предпочла пропольскую ориентацию, Украине оставалось только полагаться на возможность заручиться поддержкой извечной геополитической соперницы Франции – Великобритании, а также США, тем более, что президент США В. Вильсон в январе 1918 г. выступил с программой послевоенного устройства мира, в которой рекомендовал при проведении границ новых государств руководствоваться этническими принципами. Однако по сравнению с французской английская и американская мотивации в вопросе определения польско-украинской границы оказались не столь значимы. К тому же, основная ставка всех этих стран делалась на белогвардейское движение внутри России, частью которой они и считали Надднепрянскую Украину.

Так что к концу 1918 г. позиции Польши в международной политике по вопросу определения польско-украинской границы выглядели явно предпочтительнее украинских. Однако это преимущество не было закреплено юридически, что оставляло определенные шансы украинской стороне.

Что касается галицийских земель, то и здесь распад Австро-Венгрии привел не только к провозглашению польского независимого государства, но и государства украинцев, населявших империю Габсбургов. 10 октября 1918 г. украинские парламентарии в Вене, в ответ на провозглашение 7 октября Регентским Советом плана создания независимого польского государства и на решение польских депутатов австрийского парламента от 9 октября 1918 г. о включении в состав новой Польши Галиции, постановили созвать Украинскую национальную раду – парламент украинцев Австро-Венгрии. 19 октября Украинская националь-

ная рада провозгласила создание в украинских областях Австро-Венгрии украинского государства, так называемой Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) со столицей во Львове.

В состав Западно-украинского государства, согласно заявлению его президента Е. Петрушевича, вошли "Восточная Галиция с пограничной линией по Сану и включением Лемковщины, северо-западная Буковина с городами Черновцы, Сторожинец и Серет, а также украинская полоса юго-восточной Венгрии"⁵. Тем самым два образовавшихся на развалинах Австро-Венгрии государства официально заявили претензии на одни и те же территории.

В начале ноября во Львове, где большинство населения составляли поляки, вспыхнуло антиукраинское восстание, в результате которого правительство ЗУНР и западноукраинские отряды вынуждены были оставить город. В то же время польские военные подразделения генерала В. Ивашкевича оккупировали Восточную Холмщину и Подляшье, стошедшие по Брестскому миру к УНР. Так начались вооруженные столкновения по спорным пограничным вопросам между Польшей и УНР. С 3 января 1919 г., после объединения ЗУНР и УНР, польско-украинский конфликт из трехстороннего стал двусторонним.

Государства Антанты практически с самого начала польско-украинского вооруженного конфликта стали прилагать усилия к его прекращению, добиваясь, чтобы спорный пограничный вопрос был представлен на рассмотрение мирной конференции, подготовка к проведению которой шла полным ходом в Париже. Однако предложения комиссий Антанты наталкивались на стремление польской и украинской сторон провести демаркационную линию так, чтобы оставить под своим контролем как можно большую часть спорной территории. Такая позиция польской и украинской сторон объяснялась тем, что каждая из них надеялась, что в будущем эта линия может послужить основанием для утверждения ее мирной конференцией как постоянной польско-украинской границы.

Значительную сложность для умиротворения воюющих сторон представляло отсутствие единства как в польском, так и в украинском руководстве в желании идти на компро-

миссы. Польский историк А. Деруга, рассмотрев программы польских политических группировок в 1918–1920 гг., выделил 4 группы программ проведения польской границы на востоке⁶.

Бельведерский лагерь – сторонники Пилсудского и правительства Морачевского-Василевского – выдвигал программу так называемой федерализации. Она предусматривала создание федерации Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. При этом к Польше отходили Холмщина, Львов и Волынь, а польско-украинская граница должна была проходить по линии рек Стырь и Случь.

Сходной с федералистской концепцией была программа польских социалистов, нацеленная на мирное решение польско-украинского территориального вопроса при включении Львова и Холмщины в состав Польши; на остальной же части Восточной Галиции и на Волыни она предусматривала предоставление полякам национально-культурной автономии в составе Украины.

Резко противоположную позицию по вопросу польско-украинской границы занимали эндеки. Они исходили из того, что Польша на востоке будет граничить непосредственно с Россией, Украина же не сохранит своей государственности. Их программу, декларировавшую включение в состав Польши Холмщины, всей Галиции, Волыни и части Подолии с границами по рекам Збруч, Смотрич, Случь и Горынь поддержала наиболее популярная среди галицийских поляков партия ПСЛ-“Пяст”.

Наиболее крайние взгляды в вопросе продвижения польских границ на восток высказывали так называемые консерваторы из числа владельцев крупной земельной собственности в Белоруссии, Украине и Литве. В своих программах они выступали за воссоединение польского государства в границах 1772 г. с присоединением не только Западной Украины, но и части Надднепрянской.

Большой противоречивостью в определении польско-украинской границы отличались и планы различных украинских группировок. В частности, на начало 1919 г. среди них можно выделить два лагеря. К первому относились сторонники компромисса: путем уступок польской стороне некоторых территорий в Холмщине, Подляшье, Восточной Га-

лиции и на Волыни они стремились прекратить польско-украинский вооруженный конфликт, с тем чтобы все силы бросить против большевиков, дабы отстоять большую часть Украины. Таких позиций придерживался ряд видных деятелей Надднепрянщины во главе с С. Петлюрой, а также некоторые лидеры западных украинцев.

Второй лагерь составляли противники каких-либо территориальных уступок Польше. К ним можно отнести члена Директории В. Винниченко, который к середине 1919 г. утратил веру в жизнеспособность украинского государства, воевавшего на три фронта – против поляков, Деникина и большевиков. Он призывал во имя будущего национального возрождения согласиться с временной утратой украинского государства: "Воевать до последнего как с поляками, так и с большевиками... а если еще можно воевать и с Деникиным, воевать специально, чтоб в бою со всеми врагами как национальными, так и социальными честно погибнуть"⁷. Против каких-либо территориальных уступок в Восточной Галиции выступало базирующееся вокруг лидера ЗУНР Е. Петрушевича абсолютное большинство галицийских политических деятелей и значительная часть надднепрянских, считавших отход от этнографических границ предательством украинской национальной идеи.

Нежелание обеих сторон пойти на компромисс в решении территориальных споров постоянно срывало все планы посреднических миссий Антанты по урегулированию польско-украинского вооруженного конфликта и разрешению его исключительно дипломатическими средствами. Позиции сторон и степень их готовности идти на взаимные уступки постоянно менялись в зависимости от ситуации на фронтах. Кроме того, на посредническую деятельность Антанты сильное влияние оказывала пропольская ориентация французских представителей, стремившихся добиться от украинцев наибольших уступок.

В середине января 1919 г., когда украинцы контролировали почти всю Восточную Галицию, за исключением Львова и ж. д. Перемышль – Львов, посредническую миссию предприняли англичане, военные представители которых находились в Восточной Галиции с середины декабря 1918 г. Глава английской неофициальной миссии в Польше

полковник Г. Вейд в ответ на требование украинцев о проведении демаркационной линии по Сану предложил компромиссный рубеж вдоль Верхнего Буга и от него по кратчайшему пути к Днепру, оставляя у Польши Львов. При этом он предложил оккупировать войсками Антанты Бориславский нефтяной бассейн, что встретило отпор польской стороны, представленной делегацией Комиссии по управлению Галицией во главе с эндеком А. Скарбеком. Несмотря на рекомендации Генштаба согласиться на этот план ввиду критического положения действующей армии Польши, польская делегация потребовала демаркационную линию по р. Стырь – Буск – восточная граница перемышльского повета – Рогатин – Гнилая Липа – Ломница, т. е. перехода под польский контроль Западной Волыни и 2/3 Восточной Галиции⁸. Тем самым переговоры были сорваны. Военные действия продолжились.

В конце января в Польшу для урегулирования польско-украинского конфликта прибыла миссия под руководством французского генерала Ж. Бартелеми. 22 февраля 1919 г. во время украинского наступления на Львов она потребовала прекращения боевых действий и заключения перемирия для установления демаркационной линии в Восточной Галиции. Весь февраль миссия проводила консультации с польской и украинской сторонами. Польский Генштаб предлагал установить демаркационную линию Буг – Ходоров – Свица, но был готов согласиться и на условия, предложенные миссией Вейда. Однако такая позиция не устраивала украинскую сторону, добивавшуюся линии по Сану, а также Комиссию по управлению Галицией. Генерал Бартелеми в качестве компромисса предложил линию по Бугу до Каменки-Струмиловой – далее 20 км восточнее Львова до Стрыйской железной дороги. Она также была отвергнута украинцами⁹. После прекращения по требованию миссии боевых действий 25 февраля во Львове начался новый раунд польско-украинских переговоров по определению разграничительной линии с участием представителей Антанты. В начале их украинская делегация предложила линию по реке Сан, а польская – по реке Збруч. В результате польская сторона согласилась в качестве уступки провести такую демаркационную линию: Гора Попадья – Калиш – Галич –

Рогатин – Перемышляны – Берестечко¹⁰, которая не устраивала, однако, украинскую сторону. Генерал Бартелеми предложил свою линию, чтобы польская сторона получила до решения мирной конференции территории западнее линии Каменка-Струмилова – Львов – Дрогобыч. Этот рубеж проходил значительно восточнее украинских позиций и потому был отклонен украинцами. Польский же Генштаб согласился с предложением Бартелеми. 28 февраля в Ходорове переговоры миссии Антанты и украинской стороны были продолжены. В результате генерал Бартелеми получил согласие С. Петлюры на указанную линию, однако, окончательное решение было за делегацией ЗУНР во Львове, которой тогда как раз сообщили о подготовке к переброске 80-тысячного польского корпуса генерала Ю. Галлера из Франции в Польшу на Восточный фронт. Галичане отвергли предложенные условия и боевые действия возобновились. Миссия же Антанты, переехав из Львова в Познань, занялась поиском возможных вариантов военного давления войск Антанты на украинцев с целью заставить их принять "линию Бартелеми". В качестве антиукраинских санкций, как следует из документов миссии, рассматривалась посылка армии Галлера, румынских и итальянских войск на польско-украинский фронт¹¹. Однако Верховный совет открывшейся 18 января 1919 г. в Париже мирной конференции, состоявший из руководителей пяти сильнейших государств Антанты и министров иностранных дел этих стран, ограничился посылкой армии Галлера.

В то же время 19 марта "совет десяти", исходя из предложений британского министра иностранных дел А. Д. Бальфура, поручил специальной комиссии по польским делам во главе с Ж. Камбоном (комиссия Камбона), определявшей польско-немецкую границу, заняться разработкой "остальных границ Польши"¹², кроме Восточной Галиции, где пока еще шли военные действия.

Отказ украинской стороны от проведения демаркационной линии по-разному оценивалось историками, многие из которых были непосредственными участниками тех событий. Так, видный украинский дипломат М. Лозинский считал его правильным ходом, поскольку принятие плана Бартелеми еще не означало закрытия польско-украинского

фронта и передачи решения вопроса о спорных территориях на усмотрение мирной конференции в Париже. По его мнению, польские войска, используя передышку, нарушили бы перемирие, а сам факт принятия этого плана произвел бы негативное впечатление на успешно действовавшие в то время украинские войска. Кроме того, закрытие польско-украинского фронта не могло привести к победе украинских войск в борьбе с обладавшей несоизмеримо большим военным потенциалом Советской Россией, завершившейся для Украины фактической утратой независимости¹³.

С другой стороны, главком Украинской галицкой армии генерал-поручик М. Омелянович-Павленко, сыгравший не последнюю роль в отклонении плана Бартелеми, впоследствии стал разделять точку зрения С. Петлюры, который в своем письме указывал, что принятие этого плана, хотя и ущемляло интересы галичан передачей значительной части украинских этнических территорий, в то же время означало фактическое признание Антантой Украины и позволяло последней рассчитывать на ее поддержку в борьбе с большевиками¹⁴.

В настоящее время сложно оценивать последствия отказа украинцев от "линии Бартелеми" для судьбы их страны. С одной стороны, из-за этого Украина не смогла тогда сохранить свою государственность, и отказ от территориальных уступок в пользу Польши не привел к закреплению демаркационной линии в качестве государственной границы. С другой же – трудно судить, как бы сложилась судьба УНР, если бы она получила поддержку Антанты и Польши в борьбе против Советской России. Тем более, что тогда в Москве украинская проблема еще не была окончательно решена – то ли до конца поддерживать большевистское правительство Х. Раковского на Украине, то ли попытаться заключить с ней мир, как с Финляндией и балтийскими государствами, чтобы сосредоточиться на гражданской войне внутри России. Так что, на наш взгляд, невозможно оценить отказ от "линии Бартелеми" даже как в целом положительное или отрицательное событие для украинской стороны. В то же время польская сторона только выиграла, так как с переброской армии Галлера и ряда новых подразделений она получила на польско-украинском фронте подавляющее преимущество.

Ситуация стала меняться в пользу поляков с середины марта. 22 марта украинцы по требованию Верховного со-

вета мирной конференции от 19 марта приостановили военные действия. 27 марта в Хырове при посредничестве американского генерала Ф. Кермана прошли польско-украинские переговоры, на которых украинская сторона согласилась только на прекращение боевых действий, отвергнув условие поляков в трехдневный срок заключить перемирие на основе плана комиссии Бартелеми. Украинцы предложили передать вопрос о перемирии и демаркационной линии на рассмотрение мирной конференции¹⁵, что не устраивало поляков, не веривших в длительность паузы в боях и стремившихся закрепить свои первые боевые успехи в Восточной Галиции. Военные действия возобновились.

Между тем дипломатическое соперничество польской и украинской сторон по вопросу о границах разворачивалось и на мирной конференции в Париже. О неравных условиях польской и украинской сторон на конференции свидетельствует хотя бы тот факт, что интересы польского государства представлял основанный еще в августе 1917 г. Польский национальный комитет (ПНК) со штаб-квартирой в столице Франции. ПНК в ходе первой мировой войны добился признания со стороны стран Антанты, имел высокий авторитет и широкие политические связи. Украинская же делегация, как следует из донесения ее главы Г. Сидоренко Директории от 7 марта 1919 г., первоначально даже не была допущена французскими властями в страну. Только после обращения в посольства стран Антанты в Риме Сидоренко и его секретарь смогли прибыть в Париж. Остальные же члены украинской делегации получили разрешение на въезд позже¹⁶.

ПНК на мирной конференции старательно доказывал необходимость присоединения Восточной Галиции к Польше, выступая против признания независимости украинского государства, которое, по мнению главы ПНК Р. Дмовского, изложенному им 29 января перед "советом десяти", может быть только "организованной анархией"¹⁷. Обвинения украинского национального движения в неспособности управлять самостоятельным государством наряду со ссылкой на историческое право Польши как преемницы Речи Посполитой служили основными аргументами в поль-

зу присоединения Восточной Галиции к Польше в ноте польской делегации к Камбону от 28 февраля¹⁸.

3 марта 1919 г. польская делегация предложила свой вариант восточной границы Польши. На польско-украинском участке она должна была проходить восточнее Мозыря – западнее Овруча и Звягеля – восточнее Заславля и Староконстантинова до реки Ушицы у Зенкова и по ее течению до Днестра, определяя границу Польши с Румынией¹⁹. Т. е. Холмщина и Подлясье, вся Восточная Галиция и Западная Волынь, а также западные районы Подолии должны были отойти к Польше, что полностью соответствовало планам эндеков.

Украинская делегация свои территориальные претензии в Восточной Галиции изложила в ноте к председателю мирной конференции от 25 февраля. В ней в качестве границы украинских земель определены река Сан и Лемковщина²⁰. При этом, правда, границы Лемковщины не были указаны, что позволяет судить о том, что украинская делегация в Париже не имела детальных разработок польско-украинской границы.

В апреле польские военные и политики, убедившись в военном преимуществе на галицком фронте, пришли к мнению, что заключать перемирие с украинцами для Польши невыгодно, так как возможно достичь полной победы, не деля Галицию на украинскую и польскую зоны. Премьер-министр И. Падеревский, находившийся в апреле в Париже, писал в личный секретариат в Варшаве, что заняв всю Восточную Галицию, Польша поставит мирную конференцию перед фактом, а, по его мнению, "конференция очень считается со свершившимися фактами"²¹.

20 апреля 1919 г. польские войска начали успешное широкомасштабное наступление в Восточной Галиции, и теперь уже украинская сторона готова была пойти на любые условия перемирия, вплоть до отказа от требования провести демаркационную линию по реке Сан.

В Париже комиссия Камбона 22 апреля представила проект восточной границы Польши, в котором не был определен только участок в Восточной Галиции, так как решение этого вопроса было отложено Верховным советом мирной конференции до прекращения здесь боевых дей-

ствий. Кроме того, по настоянию британской делегации, восточная граница Польши не была обозначена и южнее Холма, так как она должна была быть продолжением галицийской. В то же время комиссия установила польско-украинскую границу севернее Холма, проведя ее здесь по Бугу²². Однако мирная конференция не утвердила сразу этот проект, что, по-видимому, связано с отсутствием четких представлений у руководства Антанты относительно будущей судьбы восточноевропейского региона.

Успех начинавшегося наступления А. И. Деникина и заявление А. В. Колчака Парижской конференции в ноте от 4 июня о том, что окончательное утверждение границ между Польшей и Россией не может состояться ранее созыва в России Учредительного собрания, ставили под вопрос правомочность передачи Антантой (по проекту комиссии Камбона) ряда территорий с этнически неоднородным населением, включая Холмщину и Подлясье, Польше.

Неопределенность геополитической ситуации затрудняла работу комиссии Камбона, в частности, в установлении восточной границы Польши в Галиции. Поэтому комиссия по польским делам 25 апреля обратилась к Верховному совету мирной конференции с просьбой представить ей дополнительные указания о принципах проведения границы, исходя из сложной этнической и политической ситуации.

Прежде всего необходимо было определить статус Восточной Галиции, так как не была ясна ее дальнейшая судьба – "... то ли она будет независимым государством, то ли автономным под мандатом Лиги Наций, то ли поделена между Украиной и Польшей". Кроме того, комиссию интересовал вопрос, должна ли Польша граничить с Румынией, что предусматривалось в плане создания санитарного кордона против большевизма. При этом комиссия указывала, что если принимать во внимание прежде всего этнический принцип, то восточная граница Польши должна была бы проходить западнее Львова²³.

Для заключения перемирия между УНР и Польшей и проведения демаркационной линии мирная конференция образовала специальную комиссию под руководством бри-

танского генерала Л. Бота. Эта комиссия к 12 мая подготовила проект перемирия, указав, что определение разграничительного рубежа не означает окончательного решения вопроса о статусе Восточной Галиции.

Демаркационная линия, предложенная комиссией генерала Бота, была более благоприятна для украинцев, чем линия Бартелеми: в этом варианте под их контроль переходил Бориславский нефтяной бассейн. Украинская делегация данный проект приняла, хотя и попыталась в заявлении делегатов от Восточной Галиции перенести демаркационную линию за пределы Галиции на севере — вдоль Припяти и Днепровско-Бугского канала до Бреста, а также отодвинуть линию Бота несколько западнее в ее южной части. Этот вариант был отвергнут комиссией Бота, с чем украинская сторона вынуждена была примириться²⁴. Однако польской стороне, подготовившей новое крупномасштабное наступление, перемирие, и тем более раздел, хотя бы и не окончательный, восточно-галицийских территорий был невыгоден. Поэтому глава польской делегации Р. Дмовский отказался подписывать условия перемирия, сославшись на то, что вопрос проведения демаркационной линии необходимо согласовать с правительством Польши. В это время, 14 мая, польские войска, усиленные корпусом генерала Галлера, перешли в наступление, 17 и 21 мая вопрос польско-украинского разграничения вынужден был разбирать "совет четырех" в лице руководителей Великобритании, США, Франции и Италии, причем тогда уже определились в польско-украинском споре не только Англия и Франция, но и Италия.

Как следует из парижского донесения заместителя министра иностранных дел Польши А. Скушиньского от 14 мая, французская и итальянская позиции как бы подталкивали Польшу поставить мирную конференцию перед свершившимся фактом польской оккупации Восточной Галиции. В этот день Р. Дмовский сообщал Падеревскому, что польская делегация испытывает давление в вопросе заключения польско-украинского перемирия "в полной мере" только со стороны Англии²⁵. Участвовавший в работе конференции президент США В. Вильсон, как отмечает в своих мемуарах Д. Ллойд Джордж, "прибыл в Европу горячим

сторонником Польши”²⁶. На заседании “совета четырех” 21 мая важным аргументом в прениях лидеров четырех держав стала опасность падения правительства Падеревского и возможность установления в результате этого в Польше анархии и большевистского строя. Поэтому было решено ограничиться телеграммой Пилсудскому с требованием заключить перемирие на условиях комиссии генерала Бота²⁷. Достаточно мягкая реакция мирной конференции на польское наступление не привела к его прекращению, боевые действия продолжались. 23 мая польский сейм, пытаясь склонить мирную конференцию к включению Восточной Галиции в состав Польши, принял закон об автономном статусе Восточной Галиции в рамках польского государства. Лишь к концу мая, когда мирная конференция пригрозила в случае продолжения наступления приостановить помощь Польше, и даже французский представитель в Варшаве Э. Пралон сообщил, что Франция поддержит позицию других стран в этом вопросе, в польском руководстве начались колебания – продолжать ли наступление²⁸. Однако они длились недолго, так как успехи Красной Армии и неудачи Директории в войне на три фронта поставили перед Верховным советом и Советом министров иностранных дел во второй декаде июня вопрос о необходимости не допустить вторжения Красной Армии на территорию Галиции. При этом как единственный вариант рассматривалась ее временная оккупация польскими войсками с предоставлением русинам (галицким украинцам) прав самоуправления.

25 июня Совет министров иностранных дел четырех ведущих государств Антанты принял резолюцию, уполномочивающую польское правительство временно оккупировать Восточную Галицию до реки Збруч, т. е. старой границы между Россией и Австро-Венгрией. Окончательная судьба Восточной Галиции должна была решиться путем плебисцита, дату проведения которого великим державам предстояло определить позднее.

Принятие этой резолюции практически сняло все препятствия перед польским командованием в польско-украинской войне за Восточную Галицию, и к 12 июля последние украинские отряды были отброшены за реку Збруч. Наде-

ление Польши мандатом на временное управление Восточной Галицией сняло возникшие между Польшей и мирной конференцией разногласия по поводу восточной границы польского государства в Галиции. Предложенные 17 июля комиссией по польским делам два варианта границы Восточной Галиции были отвергнуты поляками, так как их признание без мандата на управление ставило бы вопрос о выводе польских войск за границы Восточной Галиции. Первый из этих вариантов предусматривал границу западнее Львова и Бориславского нефтяного бассейна, однако, не достигая реки Сан и Лемковщины, как того добивались украинцы. По второму – Львов и нефтяной бассейн оказывались в составе Польши. С получением мандата на временное управление Восточной Галицией Польша фактически должна была решать вопрос не границы в Восточной Галиции, а добиваться окончательной передачи последней под польское управление.

Резолюция от 25 июня не только развязывала Антанте руки в определении участка восточной границы Польши в Галиции: благодаря ей была ослаблена угроза того, что решения мирной конференции по этому вопросу будут отвергнуты поляками. Она одновременно оставляла возможности и для широкого маневра на случай возрождения Российской империи, так как тогда Антанта могла бы потребовать от Польши освободить Восточную Галицию, чем формально выполнила бы союзнический долг перед Россией, передав Польше только этнически польские территории.

В свою очередь решение передать Восточную Галицию под временное польское управление показало, что мирная конференция очень мало считается с украинским государством, которое к тому же еще не было официально признано Антантой. Оно знаменовало, что если вопрос польско-украинского разграничения в Восточной Галиции и будет решаться, то скорее с точки зрения границы Польши и России, в лучшем случае Польши и украинской Галиции, так как Надднепрянская Украина однозначно воспринималась как часть России, имеющая право лишь на федерацию, а не как границы между Польшей и единым украинским государством.

30 июня комиссия Камбона поручила подкомиссии во

главе с генералом А. Ле Роном, ранее определявшей восточную границу Польши, разработку проекта статуса Восточной Галиции, а также определение ее границ. 18 августа проект был готов, 20-го его утвердила комиссия Камбона и передала на рассмотрение Верховного совета мирной конференции.

Проект предусматривал предоставление Польше мандата на временное управление Восточной Галицией и определял порядок ее администрирования, наделяя украинское население правами на автономию. Западная граница Восточной Галиции, т. е. непосредственно граница польского государства, проходила значительно восточнее границы австро-венгерского судебного округа Восточная Галиция, несколько восточнее реки Сан. Тем самым к непосредственно польской территории были отнесены земли с компактно проживающим украинским населением. В частности, поветы Чесанив, где из 66 гмин, согласно австро-венгерским данным на 1910 г., в 38 преобладало украинскоязычное население, а в 28 – польскоязычное. А также поветы Перемышль (из 123 гмин – 92 и 31 соответственно), Добромиль (из 94 гмин – 63 и 27), Санок (из 131 гмины – 79 и 52), Лиско (из 154 гмин – 137 и 16). При этом в составе Восточной Галиции был оставлен Львов с поветом, в котором из 133 гмин в 64 преобладало польскоязычное население, а в 62 – украинскоязычное²⁹. Т. е. подкомиссия генерала Ле Рона, определяя восточную границу Польши, не стала ее проводить строго по этнической польско-украинской границе, а постаралась компенсировать польской стороне отошедшие к Восточной Галиции островки польского населения, численность которого помимо Львова и Львовского повета (здесь более 50 %) превышала 40 % христианского населения в поветах Тернополь, Скалат и Терембовля³⁰. В качестве компенсации была передана не только Лемковщина, врезающаяся клином в этническую польскую территорию, но и значительная часть земель с преобладанием украинского населения восточнее реки Сан.

Несмотря на то, что проект по Восточной Галиции был предоставлен Верховному совету мирной конференции 20 августа, решение по нему было принято только 20 нояб-

ря. Причинами затяжки послужили разногласия между ведущими странами Антанты по отдельным вопросам, в частности о проведении в будущем плебисцита по судьбе Восточной Галиции. Польша, опираясь на поддержку Франции и Италии, настаивала на окончательном присоединении Восточной Галиции, что наталкивалось на противодействие США и Англии. Кроме того, ситуацию вокруг этого региона осложнило успешное наступление Деникина. Чтобы окончательно решить вопрос о Восточной Галиции также необходим был официальный отказ Австрии от претензий на эти территории. 17 октября 1919 г. Австрия ратифицировала Сен-Жерменский мирный договор, и согласно его статьям 91 и 27 отказалась "в пользу главных союзных и объединившихся держав" от всех своих прав и правооснований на Восточную Галицию³¹.

20–21 ноября на заседании руководителей делегаций ведущих стран Антанты проект комиссии Камбона был рассмотрен и одобрен. Дискуссия разгорелась по вопросу о длительности предоставляемого Польше мандата на управление Восточной Галицией. Британский представитель сначала настаивал на 10-летнем сроке мандата, но затем согласился на 25 лет. Польская делегация отказалась подписывать условия временного предоставления мандата на управление Восточной Галицией на 25 лет, настаивая на окончательном присоединении этого региона к Польше в качестве автономного образования.

Несмотря на отказ поляков признать резолюцию о временном наделении Польши мандатом на управление Восточной Галицией, мирная конференция продолжала рассмотрение вопросов восточной границы Польши и 8 декабря приняла декларацию, согласно которой Польша получала право ввести свою администрацию на территории бывшей Российской империи западнее линии, разработанной комиссией Камбона в двух проектах восточной границы Польского государства (от 22 апреля – севернее Холма и от 20 августа – южнее Холма), вплоть до бывшей российско-австро-венгерской границы, т. е. до Восточной Галиции³². Таким образом, мирная конференция фактически признала эту линию в качестве временной административной границы польского государства, отложив окончательное

решение вопроса о восточной границе Польши на будущее.

Не была определена восточная границы Польши и на участке в Восточной Галиции, как не был окончательно решен и вопрос о ее статусе.

Официальное признание мирной конференцией особого статуса Восточной Галиции, не предусматривавшего ее вхождения в состав польского государства, и отказ Польши, практически утвердившей там свою власть, смириться с таким положением завели решение вопроса об этой части Галиции в тупик. Чтобы выйти из этого тупика, либо страны Антанты должны были оказать давление на Польшу и заставить ее подчиниться решениям мирной конференции, либо Польша должна была добиться их пересмотра.

Первый вариант не мог быть использован, так как применение каких-либо санкций к польскому государству было бы отвергнуто Францией и Италией, а кроме того, этот шаг мог ослабить антибольшевистский блок, в чем не были заинтересованы ни США, ни Великобритания. Вторым вариантом в декабре 1919 г. был также маловероятен, так как уступка Польше богатой нефтью Восточной Галиции нарушила бы сложившееся в Европе равновесие в борьбе Франции и Великобритании за сферы влияния. Поэтому во время визита в Лондон президент Франции Ж. Клемансо договорился с британским премьером Д. Ллойд Джорджем о том, что вопрос о Восточной Галиции будет вновь рассмотрен великими державами через несколько месяцев.

Таким образом, мирная конференция в Париже не смогла окончательно определить польско-украинскую границу, хотя в ходе ее работы был разработан комиссией Камбона временный вариант, предусматривавший компенсацию за невключение в состав Польши ряда районов с преобладанием польского населения, отделенных от основной польской этнической территории украинскими землями. Такое решение вопроса польско-украинской границы не устраивало ни правящие польские круги, добивавшиеся присоединения Восточной Галиции к Польше, ни значительную часть украинских политиков, стремившихся значительную часть украинских политиков, стремившихся утвердить за Восточной Галицией независимый статус.

Неопределенность в вопросе польско-украинской

граници фактично делала его предметом торга как великих держав, так и собственно украинской и польской сторон. Кроме того, к концу 1919 г. в результате поражения белых армий, а также ликвидации УНР резко возросло влияние Советской России, что открывало новые перспективы в определении польско-украинской границы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. I. С. 35–36.
2. Левицкий К. Великий зрив (До історії української державності від березня до листопада 1918 р. на підставі споминів та документів). Львів, 1931. С. 52–54.
3. Osica J. O kształt Odrodzonej. Walka o granicę. Warszawa, 1978. S. 13.
4. Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) ф. 1703. Оп. I. Д. 183.
5. Вісник науки, літератури і життя. Відень, 1918. Ч. 42. С. 554.
6. Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). W-wa, 1969. S. 11–46.
7. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). ф. 5889. Оп. I. Д. 26.
8. Sprawy Polskie na Konferencji pokojowej w Paryżu w 1919. Dokumenty i materiały. W-wa, 1965. T. I. S. 223, 227–230.
9. Ibid. T. I. S. 230–238.
10. Лозинський М. Галичина в рр. 1918–1920. Українська революція. Розвідки і матеріали. Відень, 1922. Кн. 5. С. 70–76.
11. Sprawy Polskie... W-wa, 1967. T. II. S. 253–261.
12. Ibid. T. II. S. 272–273.
13. Лозинський М. Указ. соч. С. 84.
14. Ген. Омелянович-Павленко Старший. Українсько-польська війна 1918–1919. Прага, 1929. С. 48–49.
15. Лозинський М. Указ. соч. С. 85–87; Sprawy Polskie... T. II. S. 276.
16. ГАРФ. ф. 5889. Оп. I. Д. 10.
17. Sprawy Polskie... T. I. S. 54–55.
18. Ibid. S. 72–77.
19. Ibid. S. 105–107.
20. Ibid. S. 250–251; ГАРФ. ф. 5889. Оп. I. Д. 10.
21. Sprawy Polskie... T. II. S. 296.
22. Ibid. S. 157–163.
23. Ibid. T. I. S. 163–164.
24. Лозинський М. Указ. соч. С. 126–132.
25. Sprawy Polskie... T. II. S. 311.
26. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных переговорах. М., 1957. Т. I. С. 271.
27. Sprawy Polskie... T. II. S. 315–324.
28. Ibid. S. 328–336.

29. Podręcznik^o statystyki Galicyi (Pod red. dr. T. Pilata). Lwów, 1913.
T. IX. Cz. I. S. 24–25.
30. Wakar W. Rozwój terytoryainy narodowości Polskiej. Kielce, 1918.
Cz. I. S. 105–107.
31. Сен-Жерменский мирный договор. М., 1925. С. 15–18, 33–34.
32. Sprawy Polskie... T. I. S. 254–257.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ 1919–1920 гг.

Польско-советская война возникла в период, когда во взорванном первой мировой войной укладе Восточной Европы стали формироваться новые международные и социально-политические реалии. Россия в 1917 г. оказалась в состоянии распада старой системы власти и социального переворота. Польша в связи с этим вышла из орбиты российской государственности.

Первостепенным для Центральной и Восточной Европы фактором явилось также и военное поражение австро-германского блока, позволившее, в частности, Польше восстановить суверенитет и над землями, в свое время присвоенными Австро-Венгрией и Германией, а в целом обеспечившее приоритет западных держав-победительниц в формировании послевоенной международной системы, которая по месту подписания договора держав Антанты с Германией получила наименование Версальской. Польша интегрировалась в эту систему, вступив в союзные отношения с победителями, подписав с ними особый, так называемый Малый Версальский договор и став соучредительницей Лиги Наций.

Однако Россия осталась вне Версальской системы. Творцы последней не признавали революционного правительства, овладевшего властью в центре, и всеми средствами, включая военные, поддерживали в гражданской войне российские силы буржуазной реставрации. Польшу, вступившую в военный конфликт с Советской Россией на почве геополитических противоречий, они также подталкивали к союзу с белым движением.

По этой причине в отечественной историографии польско-советская война долго рассматривалась как одна из стадий гражданской войны и интервенции западных держав и именовалась составной частью "третьего похода Антанты", в котором Польша, будто бы вовсе лишенная

собственных интересов и самостоятельной воли, действовала строго по указке западных союзников. Это привело к зауженной, согласно схеме "трех походов Антанты", датировке войны с Польшей лишь 1920 г. За произвольной хронологией последовала столь же произвольная акцентировка в определении характера войны: на задний план отступила геополитическая природа конфликта, зато утрировались его обоюдные классово-идеологические цели.

В свою очередь в историографии и политической публицистике межвоенной Польши ее конфликту с Советской Россией также нередко придавался сугубо идеологический смысл акции в защиту европейской цивилизации и христианских ценностей против натиска большевистской "мировой революции". Правда, в литературе мемуарного жанра и некоторых аналитических работах находил отражение и тот факт, что решающей причиной, побудившей Польшу к войне, явилось неприятие большинством польского общества этнического принципа установления восточной границы, стремление вместе с возрождением государственности реставрировать права на непольские земли, входившие в состав Речи Посполитой до ее разделов в XVIII в.

Однако такие претензии не получили международного признания. Этнический принцип восстановления польского государства ("из всех земель, населенных в большинстве польским народом") был предложен не только в воззвании Временного правительства России от 29 марта 1917 г.¹, но и в широко известных "Четырнадцать пунктов" американского президента В. Вильсона (январь 1918 г.). "Должно быть образовано независимое польское государство, которое должно включать территории, занятые бесспорно польским населением", — гласил 13-й пункт этого документа².

Этот принцип был юридически закреплен подписанным 28 июня 1919 г. Малым Версальским договором, преамбула которого включала формулу из воззвания российского Временного правительства о суверенитете Польши над землями, "заселенными преимущественно поляками", а само это воззвание называлось в качестве одной из основ договора союзных держав с Польшей³.

В декабре 1919 г. (к тому времени польские войска методом "совершившихся фактов" овладели бóльшей частью Белоруссии, землями Виленщины и части Волынской губернии) Высший совет Антанты выступил с декларацией, в которой конкретно обозначил признаваемые им бесспорно польскими, т. е. обладавшими польским этническим большинством, территории. В центральной своей части они ограничивались течением реки Западный Буг⁴. В следующем году эта линия, предложенная британским правительством для межгосударственного размежевания Советской России и Польши, получила имя министра иностранных дел Великобритании Д. Керзона. Но только после второй мировой войны она с небольшими изменениями была принята в качестве восточной границы Польши.

Большевики, оказавшись в ноябре 1917 г. у государственного руля, не оспаривали провозглашенный Временным правительством принцип государственной самостоятельности Польши в этнических пределах. Другое дело, что им в этой стране хотелось видеть у власти своих единомышленников. Поэтому в тот короткий период, когда с прекращением австро-германской оккупации в Польше назревала острая внутренняя борьба за власть и за новый социальный облик возрождавшейся государственности (что проявилось, в частности, в образовании социально ориентированного Народного правительства в Люблине), Москва приготовилась оказать поддержку революционным радикалам в Польше.

Однако польским сторонникам социальной революции большевистского образца не удалось проявить себя в качестве силы, способной реально претендовать на власть. Польское общество, несмотря на обилие очагов социальной напряженности, все-таки отдало предпочтение предложенной Ю. Пилсудским идее общественного согласия, что позволило эффективно оградить формирующуюся государственность от возможного внешнего вмешательства. Энергичные самоутверждающие акции государственной власти в Польше помогли революционному правительству в России быстро и без иллюзий оценить ситуацию, не оставляющую шансов для прорыва польских коммунистов к власти, и уже в конце ноября 1918 г. адекватно откорректировать

линию в польском вопросе: чтобы в обстановке разгоравшейся гражданской войны в России не допустить образования внешнего фронта, оно предложило действующему польскому правительству взаимное признание и установление межгосударственных отношений. Свидетельством произведенной Москвой переориентации может служить докладная записка польских коммунистов в России от 24 декабря 1918 г., в которой они сетовали на то, что "победа польской контрреволюции создает опасность Белоруссии, Литве и Советской республике... Между тем в противовес этой угрозе ничего серьезного со стороны Советской России не предпринимается", а революционные проекты, разработанные польскими коммунистами, отменены высшими советскими инстанциями⁵.

В письме от 8 февраля 1919 г. нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин настоятельно просил А. А. Иоффе, направленного в Вильно для согласования внешнеполитической деятельности Литовской и Белорусской советских республик с Советской Россией, "принять все меры для удержания польской дивизии* и каких-либо польских повстанцев от вторжения в несомненно польские области, которыми являются губернии Царства Польского... Такое вторжение несомненно даст польским милитаристам возможность толкнуть польское правительство на войну против нас. Если такого вторжения не будет, в таком случае, по-видимому, этой войны удастся избежать"⁷.

Однако польско-советский фронт все-таки образовался, причем не на польской этнической территории, а на землях Литвы, Белоруссии и Украины. Как только с окончанием мировой войны их стали оставлять немецкие оккупанты, туда устремились польские и советские войска. Война возникла как продолжение исторического спора между Россией и Польшей ("Уже давно между собою враждуют эти племена; не раз клонилась под грозою то их, то наша сто-

* Западная стрелковая дивизия Красной Армии была частично укомплектована этническими поляками. В январе 1919 г. руководящие инстанции польских коммунистов в России стали добиваться переформирования ее в Польскую армейскую группу под командованием Польского реввоенсовета⁶.

рона”, – писал А. С. Пушкин) от средневековой экспансии на восток, приводившей польских рыцарей к Киеву и в московский Кремль, до разделов Польши и присоединения в конце XVIII в. части ее земель к Российскому государству.

Геостратегические цели политиков возрождавшейся Польши, задумавших изменить соотношение сил в свою пользу путем рассечения России “по национальным швам” и образования из отделившихся национальных окраин федерации под своим руководством (американский исследователь польской политики назвал это “романтическим” планом⁸), столкнулись со стремлением большевистского правительства по возможности сохранить за собой территориальное наследие исторической России, для чего оно еще в январе 1918 г. провозгласило переструктурирование государства также в форме федерации национальных республик.

В дальнейшем Москва не сумела найти общего языка с национальными движениями, смогла опереться только на местных сторонников социальной революции и путем углубления общественного и территориального раскола, нередко с применением военной силы создать потенциальных партнеров – национально-государственные образования советского типа.

Но и польский федерализм на нашел себе добровольных сторонников среди коренного населения Украины, Белоруссии, Литвы, что не остановило Пилсудского перед реализацией намеченных геополитических целей силой оружия.

В течение 1919 г. польские войска без крупных сражений неуклонно продвигались на восток, так что к концу года фронт проходил с севера на юг по Западной Двине от Двинска (Даугавпилса) до Полоцка, по Березине восточнее Бобруйска, по реке Птичь и восточной окраине Волынской губернии, через Подолию до Днестра.

Идеологический камуфляж антибольшевизма имел для Пилсудского ситуационное значение. Он демонстрировал антибольшевизм (в сентябре 1919 г. в разгар “второго похода Антанты” глава польского правительства И. Падеревский даже выступил перед западными державами с предложением направить 500-тысячную польскую армию на

Москву), когда надо было заручиться материальной и финансовой помощью Запада для продолжения военных действий. Вместе с тем в период наибольших успехов Добровольческой армии А. И. Деникина осенью 1919 г. он по согласованию с Москвой (ставшему единственным половинчатым результатом неофициальных секретных переговоров между личным представителем Ю. Пилсудского И. Бёрнером и Ю. Мархлевским, который от имени советского правительства предлагал тогда окончательное прекращение военных действий и политическое урегулирование отношений) временно приостановил наступление против Красной Армии, чтобы позволить ее частям сосредоточиться на деникинском фронте.

В то время большевистский режим с его декларативным лозунгом права наций на самоопределение вплоть до отделения и готовностью из-за военной слабости признать произведенные Польшей захваты на территории Украины, Белоруссии и Литвы был для Ю. Пилсудского предпочтительнее белого движения, не отступавшего от принципа единой и неделимой России. Он был враждебен сильной России с любым строем и говорил в ноябре 1919 г. в своем близком окружении: "Большевикам и Деникину я могу сказать только одно: мы – могучая сила, а вы – трупы... Давитесь друг другом, бейте друг друга... Если где-либо и когда-либо вас не бьют, то не потому что вы не хотите, а потому что я не хочу. Пренебрегаю вами, презираю вас. Вы погрязли в руках евреев и немецких юнкеров". И далее – по поводу переговоров с Ю. Мархлевским: "О каких-либо отношениях или дипломатических переговорах речи быть не может... Я не вел с ними переговоров, а говорил им неприятные вещи... Я заставил их понять, что должны стоять перед нами покорными и просящими"⁹.

Вскоре Ю. Пилсудский прервал эти секретные переговоры, после чего Москва еще по меньшей мере дважды – 22 декабря 1919 г. и 28 января 1920 г. – вносила официальные предложения о мирных переговорах на чрезвычайно выгодных для Польши условиях признания за ней уже захваченных земель – Виленщины, большей части Белоруссии, включая Минск, части Волыни и Подолии. Однако территориальное приращение в таком объеме, по мнению

Ю. Пилсудского, еще не изменило бы общего геостратегического баланса в регионе. Ключ к решению он видел в исключении из орбиты московского влияния всей важной с экономической и стратегической точек зрения Украины. В секретном информационно-политическом документе от 1 марта 1920 г., подготовленном по указанию Пилсудского для командного состава Волинского фронта, говорилось: "Глава государства и польское правительство стоят на позиции безусловного ослабления России... (подчеркнуто в документе. – И. М.). В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину. Ведущей идеей создания самостоятельной Украины является создание барьера между Польшей и Россией (подчеркнуто в документе. – И. М.) и переход Украины под польское влияние и обеспечение таким путем экспансии Польши как экономической – для создания себе рынка сбыта, так и политической"¹⁰.

Военно-политическая поддержка группировки С. В. Петлюры, которая к тому времени потерпела поражение от Добровольческой армии, затем от большевиков (сам С. В. Петлюра с частью своих войск оказался в Польше, а его правительство – на оккупированной поляками украинской территории) стала поводом для вторжения польской армии в Центральную Украину, начатого 25 апреля 1920 г.

Начало украинской операции принесло Ю. Пилсудскому эффектный, но кратковременный успех. Уступавшие польским силам вторжения по численности и боеспособности части Красной Армии поспешно отходили, оставив к 7 мая Киев. Но при этом отсутствие крупных сражений не позволило полякам разбить главные силы противника на Украине. Не оправдались их расчеты на восстановление петлюровской администрации. Быстрые успехи обернулись столь же стремительными поражениями. Вскоре польские войска были отброшены на исходные позиции на украинском фронте и под ударами советского Западного фронта отступили из Белоруссии к своим этническим рубежам.

К этому времени в московских "верхах" в связи с не-

эффективностью прежних попыток политического урегулирования с Польшей стали склоняться к мысли покончить с конфликтом, сокрушив противника изнутри. В Москве тогда не до конца представляли решающую роль геополитических замыслов Ю. Пилсудского в возобновлении войны и продолжали считать ее, с одной стороны, инспирацией Запада, с другой – импровизированным выплеском внутренних трудностей Польши. В связи с последним большевистские лидеры полагали, что напряженная обстановка войны поможет углубить в Польше внутренний кризис и вызвать крушение буржуазной власти. Пока это еще не было готовое решение, а пропагандистская формула, призванная мобилизовать собственную страну и армию на еще одно военное усилие. Так, Л. Д. Троцкий в своем выступлении в Гомеле 10 мая 1920 г. (на третий день после захвата поляками Киева и накануне первой за многие месяцы неудач попытки Западного фронта перейти в наступление, чтобы, наконец, оторваться от линии Березины, на которую части фронта были отброшены в результате прежних поражений), взвинчивая плохо подготовленные к наступлению части энтузиазмом первооткрывателей и борцов за социальное благоденствие в глобальном масштабе, призывал вести войну до полного разгрома армии Пилсудского и советизации Польши, которая станет мостом между Советской Россией и Европой^{11*}. Кстати, в последнее время часто цитируют военный приказ, отданный накануне июльского наступления, принесшего Западному фронту первый после более чем полугодовых неудач стратегический успех по отвоеванию занятых поляками земель. "На штыках принесем счастье и мир трудящемуся человечеству, – говорилось в этом приказе, – пробил час наступления... На Варшаву, Минск, Вильну – марш!"¹². Эти слова приводятся как аксиоматическое доказательство большевистского экспансионизма. И мало кто замечает, что политическая лексика противоположной стороны ничем не отличалась от словесных крайностей большевиков. В феврале 1920 г. на

* Позже в автобиографии, написанной в эмиграции, он утверждал, что не хотел этой войны, потому что "слишком ясно понимал, как трудно будет ее вести после трех лет гражданской войны"¹².

вопрос французского журналиста о планах Польши в отношении Украины, Белоруссии и Литвы Ю. Пилсудский отвечал: "На штыках несем этим несчастным странам свободу"¹⁴.

Практически до середины июля 1920 г. вопрос о вторжении в Польшу в советском руководстве не стоял. Г. В. Чичерин в докладной записке В. И. Ленину от 19 июня 1920 г. по поводу возможного обсуждения мирных условий полагал, что обязательно надо добиваться очищения поляками занятой ими украинской территории при определенных уступках им на белорусском фронте. Ставить предварительным условием признание границы по польской этнической линии, которую в декабре 1919 г. предложила Антанта, он считал тогда слишком "суровым". "Для поляков... это было бы слишком большой жертвой, и еще вопрос достаточно ли они побиты для этого", – говорилось в записке¹⁵.

В свою очередь И. В. Сталин во второй половине июня осаживал не в меру горячих охотников революционного похода за рубеж и называл неуместным бахвальством и самодовольством призывы к "маршу на Варшаву", что, по его словам, совершенно не соответствовало политике советского правительства¹⁶.

Между тем военные неудачи вызвали внутренний кризис в Польше, падение престижа Ю. Пилсудского, отставку кабинета. Новое правительство готово было прекратить войну и на конференции держав Антанты в Спа (Бельгия) обратилось за посредничеством. Эту роль взяло на себя британское правительство. Оно предложило замирение на тягостных для Варшавы и неожиданно благоприятных с точки зрения России условиях границы по польской этнической линии.

Британская нота была направлена в Москву 11 июля. И "здесь, – как определил в дальнейшем В. И. Ленин, – начался крупный переворот в истории польской войны, который на деле оказался поворотом мира к войне". Позже он объяснял, что ситуация с посреднической инициативой Англии была воспринята как признак отсутствия единства, слабости и распада группировки противников советской власти¹⁷. Непомерно зависив оценку собственных сил, большевистские лидеры решились отклонить выгодные и

почетные британские условия и вместе с задачей полного военного поражения противника осуществить азартный замысел "советизации" Польши.

Следует заметить, что часть советской правительственной элиты – Л. Д. Троцкий, Г. В. Чичерин – высказывалась за принятие английского предложения. Последний при обсуждении прямо говорил, что "советизация Польши москальскими штыками была бы авантюрой" и предупреждал об опасности "зарваться"¹⁸. В записке В. И. Ленину от 14 июля он подчеркивал: "До сих пор мы не старались форсировать историю, а отвоевывали позицию за позицией. Если зарвемся, нам грозят серьезные опасности как в отношении недостатка военного снаряжения, так и в отношении обострения разрухи"¹⁹.

Тем не менее верх одержала точка зрения Л. Б. Каменева, который считал, что "принятие английских предложений означало бы неизбежность новой войны с Польшей не позже весны следующего года. Гарантией против этого может быть только советизация Польши... армии должны двигаться во что бы то ни стало вперед"²⁰.

Как явствует из известных теперь тезисов ЦК РКП(б) от 16 июля²¹, подготовленных В. И. Лениным, последний разделил мнение Л. Б. Каменева.

Трагические в своей ошибочности последствия принятого в тот день решения как для исхода войны, так в долгосрочной перспективе советско-польских отношений, хорошо известны. Армии советского Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского, в середине августа подойдя к Варшаве, не нашли в себе сил для штурма и генерального сражения. По оценке военных специалистов, участников этого похода, стратегическое изнурение фронта наступило еще на линии Западного Буга²². От Вислы же началось стремительное и беспорядочное отступление, отбросившее части Западного фронта на исходные позиции, в глубь Белоруссии.

Справедливости ради надо сказать, что свою лепту в подталкивание Москвы к роковому решению внесла, как это ни парадоксально на первый взгляд, и британская дипломатия. Дело в том, что в ноте с предложением о посредничестве, направленной в Москву, было допущено

существенное отступление от территориальных условий, выработанных при участии польского представителя в Спа. А именно, будущая демаркационная линия через Восточную Галицию в ноте описывалась так, будто Львов заранее было признано оставить на советской стороне²³. Соглашение в Спа, предполагавшее определить границей линию прекращения огня, этого не предreshало. Формулировка же ноты выглядела как прямое поощрение Красной Армии к занятию Восточной Галиции. В Москве на это сразу обратили внимание и сделали практические выводы. Л. Б. Каменев, в частности, подчеркивал в упомянутой записке от 13 июля: "Что особенно важно, – ввиду неожиданного упоминания Керзона о Восточной Галиции со Львовом, наши войска должны обязательно вступить в Галицию и занять Львов... На занятие Галиции, которую Керзон авансом объявил русской, надо обратить особое внимание"²⁴.

Представляется, что именно в этом лежит разгадка и той несогласованности действий Западного и Юго-Западного фронтов в июле-августе 1920 г., которую позже Л. Д. Троцкий и его сторонники старались приписать сепаратизму и местничеству И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного, развернувших будто бы по собственной инициативе, из зависти к первоначальным успехам М. Н. Тухачевского на варшавском направлении, наступление на Львов²⁵. На самом деле после британской ноты, как можно судить из приведенного выше замечания Л. Б. Каменева, львовское направление, открывавшее путь к овладению Восточной Галицией, из вспомогательного превратилось в равноценное главному направлению – варшавскому. Во всяком случае сам Л. Д. Троцкий еще в директиве от 20 августа 1920 г., предписывая I Конной "самое срочное выполнение приказов... по перемене направления действий армии из Львовского района на северо-запад", вместе с тем подразумевал выполнение задачи взятия Львова, ибо специально напоминал о необходимости мер против разорения города²⁶.

Во время наступления Красной Армии Польша пережила критические дни не только в военном но и во внутриполитическом и морально-психологическом отношениях, балансируя на грани кризиса власти. Ю. Пилсудский, за-

служенно признанный как государственный деятель, сумевший найти оптимальную формулу общенационального единства при восстановлении государственности, теперь, втянув неокрепшую страну в войну ради сомнительных геополитических целей, сильно поколебал доверие к себе. Он, по свидетельству видного парламентского деятеля М. Ратая, под влиянием неудач погрузился в глубокую депрессию, не появлялся в действующей армии, и по стране поползли слухи, будто в результате тайного сговора с большевиками он сдает им страну, пакует чемоданы, собирает золото и деньги, чтобы бежать в Швейцарию²⁷.

На этот раз правительство и специально образованный из представителей парламентских фракций Совет обороны государства взяли на себя миссию общенационального единения. Немалая заслуга в консолидации принадлежала премьеру В. Витосу. Этот крестьянский самородок с незаурядным даром политика, став у государственного руля, сумел провести доверенный ему корабль без внутренних потрясений, когда внешние силы готовы были расколоть и раздавить его. Кстати, и своеобразный "рабоче-крестьянский" акцент в правительстве – премьер – крестьянин В. Витос, вице-премьер – лидер социалистов И. Дашиньский – имел целью в ответственный для нации момент как бы приблизить государственную власть к массовым трудовым слоям, за которыми в конечном счете было последнее слово, а также лишить манипулировавшего социальными лозунгами противника аргумента и пафоса борьбы против "панской" Польши.

Но консолидация давалась трудной ценой. Романтическая приподнятость наблюдалась только в интеллигентских кругах и среди учащейся молодежи. Невозможно было ожидать спонтанного энтузиазма и самопожертвования от бившихся в нужде городских "низов" или крестьян, чье отсутствие в хозяйстве грозило неминуемым упадком и разорением.

Власти приняли самые крутые меры против массового дезертирства, уклонения от мобилизации. Наряду с горячими патриотическими призывами правительства были введены чрезвычайные военные суды, выносились смертные приговоры, против отступавших частей ставились

заградотряды с пулеметами. Только так удалось остановить разложение армии и обеспечить ее боеспособность. Главным проявлением патриотизма, очевидно, были не столько эйфорическая взвинченность учащейся молодежи и бравурные эскапады соратников Ю. Пилсудского, для многих из которых война уже стала образом жизни, а то, что рядовые граждане из трудовых "низов", к тому времени уже выше меры хлебнувшие военного лиха, приняли этот жестокий порядок и пошли на новые испытания, своей самоотверженностью оградив страну от национального поражения.

Гражданская война в России, как и любое противостояние такого рода, была отмечена особым ожесточением сторон и многочисленными отступлениями от военных обычаев. Поэтому когда наиболее боеспособные части Красной Армии стали переводиться с внутренних фронтов на польский военный театр, само их появление оказывало на противника немалый психологический эффект.

Ю. Пилсудский сетовал, что свежие польские части на Украине еще до соприкосновения с противником обращались в бегство при одном упоминании о приближении конницы С. М. Буденного²⁸.

Однако на территории Польши Красная Армия имела установку в целях "советизации" расположить к себе местное население и не отступать от общепринятых обычаев войны²⁹. И если в ходе военных операций случались факты жестокости по отношению к противнику, то это были наказуемые проявления стихии и недисциплинированности, шедшие вразрез с официальной линией правительства и военного командования.

Кстати, нелишне отметить, что параллельно с упомянутыми выше попытками Ю. Мархлевского наладить политические переговоры о прекращении войны осенью 1919 г. официальные делегации Обществ Красного Креста обеих стран обсудили ряд соглашений по гуманитарным вопросам, в том числе декларацию о законах и обычаях войны, соглашение о возвращении на родину инвалидов войны и

обмене военнопленных. Но подготовленные ими документы остались неподписанными, так как Ю. Пилсудский, надеясь продолжать войну, прервал эти переговоры³⁰.

Путь наступления польской армии был отмечен варварскими бомбардировками, обстрелами и поджогами незащищенных городов и даже медицинских объектов с опознавательными знаками (Борисов, Полоцк), мстительным разрушением памятников культуры (собор Святого Владимира в Киеве), сопровождавшимися убийствами, еврейскими погромами (Вильно, Пинск), массовой жестокостью и разнузданным своекорыстием по отношению к противнику, и к гражданскому населению оккупированных земель. Есть немало польских свидетельств, характеризующих настроения вседозволенности и произвола, хотя официально польские власти с апломбом утверждали, что их армия действует исключительно в рамках права. Между тем в дневниковой записи одного из ближайших сотрудников Ю. Пилсудского, в те дни – вице-директора его гражданской канцелярии, К. Свитальского, сделанной 22 июня 1920 г., можно прочесть: "Препятствием к деморализации большевистской армии путем дезертирства из нее и перехода на нашу сторону является ожесточенное и беспощадное уничтожение нашими солдатами пленных"³¹.

Ю. Пилсудский в доверительной переписке периода наступления на Киев сокрушался, что армия свои воинские успехи сопровождает безудержными грабежами, которые компрометируют ее в глазах местного населения. Но и сам он с высоты положения Главнокомандующего и Главы Польского государства не отличался щепетильностью по отношению к союзному правительству С. В. Петлюры и, сообщая премьер-министру об "огромных железнодорожных трофеях" на Украине, предупреждал его: "О числе вагонов и локомотивов умолчите, ибо буду вопреки соглашению с Украиной сейчас все это вытягивать к нам и не хочу, чтобы точно знали, сколько и чего я там взял". Чтобы поправить шаткое экономическое положение Польши, он спланировал валютно-товарные операции на Украине, которые окончательно дезорганизовали бы местную денежную систему, а также намеревался в нарушение договора разместить польскую оккупационную армию, полагая, что

"она сможет содержать себя за счет этого края, не ложась тяжким грузом на нашу страну, ну и всегда будет обеспечивать возможность использования Польшей богатств Украины"³².

Весьма красноречивые подробности ситуации на оккупированных с 1919 г. землях Белоруссии засвидетельствовал граф М. Коссаковский, высший служащий польской гражданской администрации и партнер Ю. Мархлевского по переговорам 1919 г. "Если ... в присутствии генерала Листовского (командующий оперативной группой в Полесье, позже Волынским фронтом. – И. М.) застрелили мальчика лишь за то, что якобы недобро усмехался, – читаем в дневнике М. Коссаковского, – если Вер (очевидно, офицер оперативной группы. – И. М.) стрелял людей десятками, потому что бедно одеты и похожи на большевиков, если среди беженцев, прибывших из-за линии фронта... было убито до двадцати человек... если этих людей грабили, секли плетьюми из колючей проволоки, жгли раскаленным железом, чтобы получить вымышленные признания, то не приходится удивляться нынешней кампании населения против армейских частей. ... Карательная экспедиция здесь не поможет. Надо изменить систему отношения к людям, а не убивать бедно одетых"³³. Причины всего этого вряд ли сводились только к определенной организационной слабости недавно сформированной армии. Немалый психологический эффект несомненно оказывало и подогреваемое официальной пропагандой чувство обиды и желание отомстить за историческую несправедливость разделов Польши, а также внушаемая мысль о цивилизационном превосходстве поляков, как бы оправдывавшая вседозволенность по отношению к "восточным варварам".

Конец кровопролитию положили подписанное в октябре 1920 г. перемирие и Рижский мирный договор 18 марта 1921 г. Ключевой вопрос этой войны – территориальный – был решен на основании реального соотношения военных сил: польская армия оказалась сильнее действовавших против нее частей Красной Армии, и только угроза финансово-экономического краха заставила Варшаву остановить военные действия.

По условиям Рижского мира советскому правитель-

ству пришлось признать за Польшей не только Восточную Галицию, которая после развала Австро-Венгрии силой оружия, вопреки воле ее украинского населения, была присоединена к Польше, но также и Западную Белоруссию, часть Волыни, т. е. непольские земли, до того входившие в состав Российского государства. Недаром, добившись согласия Москвы на такую границу, польские представители на переговорах в Риге, особенно левые деятели, очень боялись, как писал в своем докладе правительству глава советской делегации Иоффе, "чтобы мы не провозгласили польский мир миром насилия, а не согласия"³⁴.

В заключение нелишне обратить внимание на то, что влиятельные силы на Западе и прежде всего британские политики, оценивая ситуацию с точки зрения геополитического равновесия Европы, отрицательно относились к территориальным претензиям Польши за ее этническими пределами. Польский посланник в Великобритании еще в марте 1920 г. сообщал в Варшаву, "что условия мира с большевиками, выдвинутые Польшей, английское правительство считает безумием, а в случае их принятия Советами — угрозой войны в будущем... Главная проблема — опасение, что Россия, как только вернется в нормальное русло, будет стремиться возвратить себе окраины и ради этой цели сблизится с Германией. Англия в таком случае боялась бы быть втянутой в новую европейскую заваруху"³⁵. Таким образом многоопытные британские дипломаты за два десятилетия вперед обрисовали контуры трагедии 1939 г., усмотрев предпосылки для нее в зыбком территориальном компромиссе, которым завершилась война между Польшей и Советской Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. I. С. 35.
2. Documents and Statements Relating to Peace Proposals and War Aims. New York, 1919. P. 120.
3. Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Warszawa, 1965. T. I. S. 237.
4. Ibid. S. 255–257.
5. Польско-советская война 1919–1920. Ранее не опубликованные до-

- кументы и материалы. М., 1994. Ч. I. С. 21.
6. Михутина И. В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994. С. 55.
 7. Архив внешней политики РФ (АВП). Ф. 04. Оп. 32. Д. 10. П. 204. Л. 1.
 8. Fisher H. H. America and the new Poland. New York, 1928. P. 755.
 9. Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 r. Materiały archiwalne dokumenty. W-wa, 1986. S. 231.
 10. Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku. Wybór dokumentów. Londyn, 1999. S. 159–160.
 11. Троцкий Л. Д. Советская Россия и буржуазная Польша. М., 1929. С. 14.
 12. Trotsky L. D. My life. New York, 1930. P. 389.
 13. Цит. по: Суслов П. Политическое обеспечение советско-польской кампании. М.-Л., 1930. С. 72.
 14. Piłsudski J. Pisma zbiorowe. W-wa, 1937. T. V. S. 147.
 15. Польско-советская война... Ч. I. С. 122.
 16. Сталин И. В. Собрание сочинений. М., 1947. Т. 4. С. 333.
 17. "Я прошу записывать меньше: это не должно попасть в печать". Выступления В. И. Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. Исторический архив. 1992. № 1. С. 14, 17, 18.
 18. АВП. Ф. 04. Оп. 32. Д. 22. П. 204. Л. 6.
 19. Там же. Д. 25. П. 205. Л. 28.
 20. Там же. Д. 22. П. 204. Л. 24.
 21. Польско-советская война... Ч. I. С. 142–143.
 22. Сергеев Е. Н. От Двины к Висле. Смоленск, 1923. С. 80; Шапошников Б. М. На Висле. К истории кампании 1920 года. М., 1924. С. 202–203.
 23. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. III. С. 54–55.
 24. АВП. Ф. 04. Оп. 32. Д. 22. П. 204. Л. 24.
 25. Trotsky L. D. Stalin. London, 1947. P. 328–332.
 26. Какурин Н. Е., Меликов В. А. Война с белополяками. 1920 г. М., 1925. С. 246–247.
 27. Rataj M. Pamiętniki. W-wa, 1965. S. 153, 162–163, 166.
 28. Piłsudski J. Rok 1920. Tuchaczewski M. Pochód za Wisłę. Łódź, 1989. S. 45; Protokoły Rady obrony państwa // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. W-wa, 1965. T. I. S. 153, 162–163, 166.
 29. Михутина И. В. Указ. соч. С. 192–193.
 30. АВП. Ф. 122. Оп. 2. Д. 17. П. 3. Л. 24; Tajne rokowania... S. 283–294.
 31. Switalski K. Diariusz 1919–1935. W-wa, 1992. S. 55.
 32. Listy J. Piłsudskiego // Niepodległość. Londyn-New York, 1962. T. V. S. 97, 103, 104, 110, 114.
 33. Tajne rokowania... S. 154.
 34. АВП. Ф. 04. Оп. 32. Д. 34. П. 205. Л. 58.
 35. Dokumenty i materiały do historii... W-wa, 1961. Т. II. S. 630.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО ВОЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В 1920 Г.

Крайне нестабильная ситуация в бывших восточных землях Речи Посполитой, сложившаяся после Февральской и Октябрьской революций в России, а также поражения Центральных держав в первой мировой войне, позволила правящим кругам возрождающегося польского государства проводить здесь силовую политику "свершившихся фактов". Ее конечной целью было максимально полное удовлетворение территориальных притязаний Польши на востоке, а также оказание военной помощи отдельным национальным правительствам, создававшимся на западных окраинах Российской империи.

Наибольшая активность наблюдалась на литовско-белорусском и украинском направлениях, им с самого начала придавалось приоритетное значение. Однако развитие событий в восточном регионе не совсем соответствовало ожиданиям польской стороны. Обращение Ю. Пилсудского к жителям бывшего Великого княжества Литовского после занятия польскими войсками в апреле 1919 г. Вильно осталось без ответа, большинство литовских политиков было против воссоздания в несколько видоизмененном виде общего государства с Польшей, твердо придерживалось курса на строительство национального, полностью самостоятельного и равноправного с другими государства. Не увенчались успехом и планы приведения к власти с польской помощью тех литовских политиков, которые соглашались на более тесное взаимодействие с Варшавой и территориальные уступки в Виленской области, этом значительном польском анклаве в регионе.

Открытый польско-украинский конфликт возник в Галиции, похоронив надежды на мирное урегулирование здесь отношений между двумя основными этническими группами, на быстрое и безболезненное включение этой

территории в состав Польши. С поражением армии Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) борьба галицийских украинцев за независимость не прекратилась, изменились только ее формы.

Более успешно развивались отношения Польши с С. Петлюрой, особенно после его поражения в боях с Красной Армией. Безвыходность ситуации толкала его на союз с Польшей, даже ценой отказа от Галиции и части Волыни в пользу последней. В заключении военного союза с Петлюрой был заинтересован и Пилсудский. В случае успеха совместного похода на Украину и восстановления там власти Петлюры появлялись условия для реализации федералистской концепции и создания буфера между Польшей и Россией. Кроме того, договор с Петлюрой подводил правовую основу под оккупацию Галиции, являлся серьезным аргументом в пользу ее окончательного включения в состав польского государства.

После драматических перипетий польско-советской войны противоборствующие стороны были вынуждены сесть за стол переговоров. Их специфика состояла в том, что ни Польша, ни Россия не считали себя побежденными, поэтому предстоял длительный переговорный процесс. Ни одной из сторон не удалось добиться основных целей войны. Героические усилия польского народа не позволили большевикам экспортировать революцию в Западную Европу, но и Польша была вынуждена согласиться с тем, что большая часть Украины останется за Россией. После неудачи литовского плана Ю. Пилсудского провал его усилий на Украине был равнозначен окончательному краху федералистской концепции безопасности Польши на востоке. Россия активно включалась в польско-украинский территориальный спор. А это означало, что рано или поздно она попытается удовлетворить притязания украинцев на вынужденно уступленные Польше земли.

Не все в Польше были согласны с таким развитием событий. С началом мирных переговоров на авансцену выходили гражданские политики, оттесняя военных на второй план. Среди польских военных, особенно выходцев из Украины, достаточно сильным было стремление продолжать войну до полного достижения стратегических целей.

Наиболее заметной фигурой среди них был В. Славек, один из ближайших соратников Пилсудского, его доверенное лицо в отношениях с Петлюрой. Именно Славек подписал 24 апреля 1920 г. военную конвенцию с правительством Украинской Народной Республики (УНР), командовал польскими этапными войсками на Украине в ходе кампании 1920 г. Вне всякого сомнения, В. Славек, будучи человеком чести, особенно болезненно переживал неудачу украинского похода.

С именем Славека связана последняя попытка сохранить польско-украинский военный союз после заключения перемирия и начала мирных переговоров. Этот эпизод практически неизвестен историкам. Краткие упоминания о нем в хранящихся в Центральном военном архиве в Рембертове документах мало что дают исследователям. В московском Центре хранения историко-документальных коллекций (бывший Особый архив), в фонде Верховного командования Войска Польского, автору настоящей статьи удалось выявить интереснейшие, прежде неизвестные специалистам материалы периода польско-советской войны 1920 г., переданные на хранение самим Славеком. В связи с приближением окончания войны между Польшей и Россией в военных кругах появилась идея создать из поляков, выходцев из Украины, доорвольческое формирование, которое взаимодействовало бы с украинскими войсками "государства Петлюры, если бы он сумел выстоять против войск Советов"¹. Возглавить это подразделение должен был В. Славек. В рапорте в адрес военного командования, составленном в начале 1921 г. на основании полученной от Славека информации, говорится, что с этим проектом Славек обратился к верховному главнокомандующему Ю. Пилсудскому в последние дни сентября 1920 г. В действительности акция началась раньше, поскольку уже 20 сентября Славек запрашивал своего подчиненного, подпоручика Илинича, "каков прирост добровольцев и как вообще продвигается дело организации отряда"³. В тот же день в письме сотруднику II отдела Генштаба Войска Польского, офицеру связи главного командования Войска Польского при командовании петлюровской армии капитану В. Черноцкому он сообщал о разговоре с Петлюрой относительно своего проекта⁴.

Создание добровольческого отряда проходило в обстановке секретности. Высшие должностные чины армии пред-

почитали делать вид, что они или же не знают о проекте Славека, или же его не одобряют. В уже упоминавшемся рапорте отмечалось, что Ю. Пилсудский отказал Славеку в своей поддержке, не согласился с предложенным ему планом и начальник Генерального штаба Т. Розвадовский⁵. В действительности же Пилсудский полностью поддержал усилия Славека и пристально следил за его действиями. 7 ноября 1920 г. Славек просил секретаря начальника государства К. Свитальского (он был в то время правой рукой Пилсудского в вопросах восточной политики Польши)⁶, передать последнему, что его работа "набирает обороты и, судя по тому, как она воспринимается местными поляками, начата в соответствующий момент"⁷.

Покровительство акции со стороны Пилсудского позволило Славеку найти устраивающее и военных, и политиков решение. По согласованию с V отделом главного командования Войска Польского он добился согласия на откомандирование офицеров-поляков, выходцев из Украины, в распоряжение командования 6-й армии с их последующим переводом в добровольческую группу. Офицеры получили право приводить с собой добровольцев из числа своих подчиненных⁸.

Стремясь увеличить приток добровольцев в свой отряд, Славек подготовил в октябре 1920 г. проект постановления Совета министров Польши следующего содержания: "Все находящиеся в Войске Польском поляки, выходцы из районов, которые в соответствии с подписанными мирными прелиминарными не будут принадлежать Речи Посполитой, могут по собственному желанию демобилизоваться из Польской Армии"⁹. В сопроводительном письме на имя начальника II отдела Генштаба Б. Медзиньского от 25 октября 1920 г. он просил вручить военному министру "вышеприведенные предложения и просить его от моего имени о принятии такого решения Советом министров... Вопрос срочный, потому что если я смогу сформировать до 2.XI хотя какой-нибудь отряд, то я с ним приму участие в боях украинцев с большевиками"¹⁰.

О полной поддержке Славека главным командованием Войска Польского свидетельствует и письмо его представителя в Варшаве ротмистра Гарлиньского от 4 ноября

1920 г. Он сообщал Славеку, что "главное командование вообще очень нам способствует и можно достать здесь очень много вещей – вооружение, амуницию, обмундирование. По этому вопросу я уже вошел в контакт с соответствующими властями". Гарлинский также писал о том, что обратился к главному командованию с просьбой направить в распоряжение Славек около 200 офицеров в соответствии с поименным списком и 800 солдат¹¹. Столь значительное число офицеров свидетельствует о том, что Славек собирался сформировать достаточно крупное подразделение.

Польское главнокомандование, стремясь обезопасить себя от обвинений в торпедировании мирных переговоров, приняло формальное решение о расформировании добровольческого отряда Славек. 3 ноября 1920 г. начальник Генштаба Т. Розвадовский издал соответствующий приказ¹². 10 ноября 1920 г. военный министр К. Соснковский запретил вербовку добровольцев в иностранные воинские подразделения, особенно в части, воюющие на территории РСФСР и УССР, как противоречащую положениям прелиминарного мира¹³. О формальном характере этих приказов свидетельствует инструкция Славек Гарлинскому от 8 ноября 1920 г.: "Вчера в командовании 6-й армии я убедился, что выделенные для меня офицеры и солдаты не приезжают из-за противодействия соответствующих полков. Прошу добиться от начальника штаба генерала Розвадовского категорического приказа, чтобы они обязательно и немедленно были откомандированы ко мне. То же и относительно снаряжения, за которым командование армии послало в Варшаву офицера с моей заявкой..." Славек также просил посетить начальника IV отдела Генштаба генерала М. Норвида и попросить его о выделении отряду необходимого обмундирования и снаряжения¹⁴. О тесном взаимодействии с командованием 6-й армии Славек писал К. Свитальскому 30 ноября 1920 г.¹⁵

Столь широкая поддержка проекта Славек по созданию польско-украинского отряда для взаимодействия с войсками Петлюры после заключения прелиминарного мира 12 октября 1920 г. свидетельствует об официальном характере его акции и существовании более широкого

плана действий польского военного командования на случай возобновления войны на Украине. Участие в подготовке акции множества высокопоставленных сотрудников II отдела Генштаба дает серьезные основания для предположения, что именно эта секретная служба была инициатором и главным реализатором всей тайной операции.

Выше упоминалось, что Славек еще в сентябре 1920 г. ознакомил со своим проектом С. Петлюру. В первый момент Петлюра не занял какой-то определенной позиции, заявив, что он должен посоветоваться с правительством и доверенными лицами в армии¹⁶. В чем причина столь сдержанной реакции атамана? Скорее всего в том, что отряд Славека был задуман как чисто польское формирование, формально включенное в состав армии М. Омеляновича-Павленко. Тем самым была бы обеспечена "украинскость" этого подразделения¹⁷. В конце сентября Петлюра выдвинул свои условия: после завершения формирования отряд будет придан как отдельная часть генералу Удовиченко или Безручко. Внутренний распорядок будет опираться на польский воинский устав, но в тактическом и хозяйственном отношении он будет подчиняться командиру украинской дивизии. Временные штаты отряда были определены в один батальон пехоты, одну артиллерийскую батарею и один кавалерийский эскадрон. Не исключалась возможность включения определенного числа поляков, выходцев из Украины, в украинские части в качестве линейных офицеров¹⁸.

Петлюра хотел придать акции Славека официальный характер. В письме Славеку от 3 ноября 1920 г. его корреспондент сообщал, что "атаман просит, чтобы его официально уведомили о существовании отряда, так как он ничего не знает и в связи с этим не может издавать каких-либо официальных приказов. Неофициально же очень рассчитывает на Вас, и до настоящего времени мы имеем неплохую поддержку. Было бы хорошо, если хотя бы маленький отряд был сейчас передан в распоряжение атамана и двинулся на фронт"¹⁹. Такая позиция Петлюры может быть объяснена его желанием, чтобы Польша придала акции официальный характер, продемонстрировала верность и приверженность своему недавнему союзнику и после подписания прелиминарного мира.

Требования Петлюры не могли быть приняты польской стороной, поскольку сейм уже ратифицировал прелиминар-

ный договор. В противном случае на нее ложилась бы вся ответственность за провоцирование новой войны на востоке. Именно поэтому Славек писал 7 ноября 1920 г. К. Свистальскому: "Момент нашего прихода на украинскую службу я не хотел бы сопровождать политическими демонстрациями и дипломатическими церемониями. По мере организации отдельных подразделений высылать их на фронт и в пути перекрашивать..."²⁰.

Таким образом оказалось, что, имея общую стратегическую цель – продолжение войны с большевиками, – польская и украинская стороны по-разному подходили к вопросу о возможной основе их сотрудничества. Польские военные не могли открыто поддерживать Петлюру после подписания и ратификации прелиминарного договора, а Петлюра был жизненно заинтересован в получении именно такой поддержки. И это прекрасно понимал Славек и его сотрудники²¹.

В качестве одного из вариантов прорабатывалась возможность повторения прецедента Л. Желиговского, т. е. инспирирования "бунта" воинского подразделения, укомплектованного выходцами из украинских районов. В письме Славеку от 3 ноября содержится весьма знаменательный пассаж: "Что касается "бунта", то не будет никаких препятствий, т. к. мы получили от коменданта (Пилсудского. – Г. М.) приказ продолжать и после подписания мира поставлять украинцам все, что мы можем дать. Нужно только обязательно, чтобы господин полковник (В. Славек. – Г. М.) поднимал больший шум в армии и требовал всего как можно больше, потому что они сами удивляются тому, что о вас не слышно, а другие "колонияльные" войска кричат и получают"²². Принималась во внимание возможность того, что отряд "может действовать как партизанский"²³.

Ни один из вариантов не был использован скорее всего потому, что в конце ноября 1920 г. началось разоружение петлюровских войск, ушедших после неудачного ноябрьского наступления на польскую территорию. Славек находился в Подволочиске все время, пока шло разоружение петлюровцев "прежде всего из-за желания сохранить хорошие отношения с украинцами"²⁴. Именно в это время он получил от командования 6-й армии предложение "взбунтоваться в Вильно". При этом ему пообещали полное оснащение всем необходимым и помощь в вербовке доброволь-

цев в Польше. На время подготовки к переброске в Виленскую область отряд Славека был переведен из Подволочиска в Кременец и временно включен в состав 8-й пехотной дивизии под командованием С. Бурхард-Букацкого²⁵.

Командование 6-й армии торопило Славека с уходом в Желиговскому, но он всячески затягивал время передислокации, надеясь, что мирные переговоры в Риге все же будут прерваны и его услуги понадобятся на Украине²⁶. Выжидательная позиция Славека подкреплялась и известиями из Варшавы. В письме Славеку от 3 декабря 1920 г. один из ближайших сподвижников Пилсудского и его личный друг А. Пристор сообщал: "Я виделся с комендантом Соснковским, Розвадовским, Сапегой (министр иностранных дел. – Г. М.), министром финансов и др. Я пришел к следующим выводам. Украинский вопрос находится в стадии ликвидации... но при определенных обстоятельствах может вновь оказаться в состоянии организации – текущий момент следует считать переходным – затем в зависимости от ситуации начнется новая акция или благоприятная (подчеркнуто в тексте. – Г. М.) ликвидация.

Состояние страны критическое: катастрофическое положение со снабжением и демобилизация – это два момента неблагоприятной трактовки вопроса... украинцев...

Мне кажется, что любой ценой ты должен сохранить отряд"²⁷.

Вопрос о пополнении отряда Славека за счет украинцев и последующей переброске к Желиговскому в качестве "украинского легиона" поднимался еще в конце декабря 1920 г.²⁸. Но до этой акции дело не дошло. Поскольку Польша взяла на себя обязательство военной защиты Центральной Литвы и отпала необходимость оказания Желиговскому скрытой помощи²⁹, в начале 1921 г. было решено расформировать отряд Славека. 5 января 1921 г., через два месяца после приказа начальника Генштаба о роспуске польско-украинского отряда последовал приказ № 137/1 по 6-й армии о расформировании группы Славека³⁰. Соответствующий приказ по отряду был подписан Славеким только 24 января 1921 г. В нем он писал: "Мы не сумели довести до конца наших намерений не по нашей вине, а из-за стечения обстоятельств, от которых мы были зависимы. Тем

не менее в повестку дня был включен замысел, который должен сыскать себе признание и понимание в умах людей, до этого ему чуждых.

Я верю, что начатая нами работа будет еще раз возобновлена и доведена до победного результата"³¹.

Заслуживает внимания вопрос о численности отряда Славека и порядке его комплектования. Предполагалось, что при благоприятных условиях отряд может вырасти до дивизии³². Наиболее активно он формировался в октябре – начале ноября 1920 г. Центральный вербовочный пункт в Варшаве возглавлял ротмистр Гарлиньский. Ему удалось добиться передачи в распоряжение Славека значительной части 5-го варшавского маршевого батальона. Кроме Гарлиньского вербовкой занимались поручик Илинич, подпоручик Неураш, ксендз Яросевич, Т. Загурский и Г. Юзевский, главный комендант Польской военной организации на Украине, вице-министр внутренних дел в правительстве С. Петлюры³³. Генерал Л. Желиговский передал Славеку отряд ротмистра Крука-Стшелецкого. Вербовка добровольцев велась и среди поляков на тех территориях, которые отходили к УССР, в частности в Каменец-Подольском, Городке, Волочиске, Проскурове, Сатанове, Терноводе и других населенных пунктах. Кроме поляков в отряде было и некоторое число украинцев.

В начале ноября группа Славека насчитывала 13 офицеров и 120 солдат³⁴, а в середине декабря уже 830 человек, на вооружении которых было 735 винтовок, 17 пулеметов и 4 орудия. Отряд состоял из двух батальонов пехоты (509 чел.), двух эскадронов (218 чел.), батареи на конной тяге (54 чел.) и штабного взвода (49 чел.)³⁵. Это было достаточно крупное и боеспособное воинское подразделение, которое могло послужить основой для развертывания в более масштабное формирование.

Анализ акции В. Славека по созданию польско-украинского добровольческого отряда свидетельствует о том, что осенью 1920 г. в окружении Ю. Пилсудского оформилась концепция продолжения военной поддержки С. Петлюры даже в случае, если Польша вынуждена будет сесть за стол мирных переговоров с РСФСР и УССР. Создание добровольческой группы В. Славека облегчило бы оказание

помощи Петлюре людьми и военным снаряжением, а также позволило бы в случае удачи его ноябрьского наступления создать буферное украинское государство на восточной границе Польши. С группой Славека связывались также надежды на ослабление влияния русских элементов на Петлюру, его армию и администрацию и его замену польским влиянием³⁶. Военная по форме акция Славека была политической по содержанию и отражала стремления Пилсудского вести собственную, независимую от сейма, политику на восточном направлении.

Неудача акции Славека объясняется рядом причин: общим тяжелым положением Польши, окончательным поражением войск Петлюры в ноябре 1920 г., перенесением центра внимания Ю. Пилсудского на Виленскую область, захват которой произошел одновременно с осуществлением проекта Славека. С постепенной стабилизацией на востоке сохранение добровольческой группы Славека становилось не только излишним, но и опасным. Из-за длительного бездействия среди волонтеров Славека резко упала воинская дисциплина, они стали заниматься незаконными реквизициями у местного населения, воровством и даже разбоем, способствуя тем самым усилению антипольских настроений среди украинского населения³⁷. Пилсудскому не удалось повторить на Украине виленский прецедент Л. Желиговского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центр хранения историко-документальных коллекций (далее ЦХИДК). Ф. 471. Оп. 1. Д. 31 / Ч. 1. Л. 208.
2. Там же.
3. Там же. Л. 73.
4. Там же.
5. Там же. Л. 208.
6. Świtalski K. *Diariusz 1918–1935. W-wa*, 1992. S. 12.
7. ЦХИДК. Ф. 471. Оп. 1. Д. 31/Ч. 1. Л. 85.
8. Там же. Л. 208.
9. Там же. Л. 74.
10. Там же.
11. Там же. Л. 82–83.
12. Там же. Л. 209.
13. Там же. Л. 210.

14. Там же. Л. 87–87 об.
15. Там же. Л. 90–90 об.
16. Там же. Л. 73.
17. Там же. Л. 166.
18. Там же. Л. 167.
19. Там же. Л. 170.
20. Там же. Л. 86.
21. Там же. Л. 77, 85–86, 174.
22. Там же. Л. 170.
23. Там же. Л. 166.
24. Там же. Л. 90.
25. Там же.
26. Там же. Л. 90 об.
27. Там же. Л. 177–177 об.
28. Там же. Л. 184–186 об.
29. Там же. Л. 208.
30. Там же. Л. 212.
31. Там же. Л. 60.
32. Там же. Л. 166.
33. Там же. Л. 97.
34. Там же. Л. 81.
35. Там же. Л. 108.
36. Там же. Л. 104.
37. Там же. Л. 137–138.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ, ГЕРМАНИЯ И НЕМЕЦКО-БОГЕМСКИЙ ВОПРОС В 1919 ГОДУ

История взаимоотношений Чехословакии и Германии в период работы Парижской мирной конференции не изучалась и в советской историографии, и вплоть до настоящего времени. Зарубежные исследователи, обращавшиеся к данной теме, основное внимание сосредоточивали на подготовке документов по установлению границ Чехословакии с Германией и Австрией и деятельности немецких сепаратистов в ЧСР, и эмигрантского правительства немецкой Богемии¹ *.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть становление отношений между Чехословакией и Германией в январе-сентябре 1919 г., т. е. в то время, когда велась подготовка Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров, и участники конференции решали проблемы, в той или иной степени затрагивавшие интересы Германии, в том числе и немецко-богемский вопрос.

Накануне Парижской мирной конференции Берлин проявлял большую настойчивость в установлении дипломатических отношений с Чехословакией. Германское правительство, надеясь прорвать дипломатическую изоляцию и создать более благоприятные условия при подписании мирного договора, рассчитывало склонить Прагу к сотрудничеству и использовать ее в качестве моста для налаживания контактов со странами Антанты и США. Ради достижения этой цели Берлин был готов, несмотря на настойчивые призывы немецко-богемских лидеров и сочувствие им в определенных кругах Германии, отказаться от вмешательства в немецкий вопрос в Чехословакии. Однако все предпринимаемые в этом направлении генеральным консулом Германии в Праге бароном Ф. фон Гебзаттелем усилия не

* Устоявшееся название "богемские немцы" (в переводе с нем. Deut-schböhmen) является не совсем точным.

увенчались успехом, чехословацкое правительство уклонялось от сотрудничества. Прага, ориентированная на Францию и опасавшаяся ее негативной реакции, избегала установления дипломатических отношений с Германией. Более того, Чехословакия разделяла планы Парижа, направленные против Германии. В частности, в декабре 1918 г. она высказалась за создание Дунайской федерации, которая Берлином была расценена как попытка разрушения германо-австрийского союза, дальнейшего подрыва позиций Германии в Центральной Европе и углубления ее международной изоляции. Стремясь не допустить этого и не теряя надежды на установление отношений с Чехословакией, статс-секретарь МИД Германии граф У. фон Брокдорф-Ранцау в январе 1919 г. назначил своим личным представителем в Праге профессора С. Зенгера, давно лично знавшего президента ЧСР Т. Г. Масарика и придерживавшегося близких с ним убеждений².

С первых дней пребывания Зенгера в Праге в центре его внимания оказался немецко-богемский вопрос. От позиции Берлина в этом вопросе во многом зависело будущее германо-чехословацких отношений.

Прага стремилась во что бы то ни стало добиться согласия Парижской мирной конференции на включение пограничных областей Чехии, Моравии и Силезии, населенных преимущественно немцами, в состав ЧСР. В ряде меморандумов по территориальным вопросам, представленных на конференции, и в пространном выступлении министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша в "совете десяти" 5 февраля чехословацкая сторона настаивала на том, что Чехия, Моравия и Австрийская Силезия "составляют в географическом и этнографическом отношении одно целое" и не могут быть разделены. Бенеш уверял, что данные австрийской официальной статистики о численности немцев в указанных областях сильно преувеличены, а наличие их в Чешских землях — это результат немецкой колонизации. Особое внимание Бенеш уделил экономической стороне вопроса. В немецко-богемских районах была сконцентрирована почти вся промышленность Чехословакии, без которой она не смогла бы существовать. Центр же страны был в основном аграрным. Обе части находились в

тесной зависимости друг от друга и составляли одно целое. Бенеш обосновывал будущую передачу пограничных областей Чехословакии и стратегическими соображениями: необходимостью естественных границ, чтобы не допустить укрепления немцев на незащищенной равнине в 60 км от Праги. Чехословацкий министр убеждал, что сами богемские немцы "прекрасно понимали свое положение" и "вполне отдавали себе отчет в том, что они должны остаться в Чехии", что инициатива отделения исходит от "кучки пангерманских агитаторов из Вены"³. Бенеш уверял, что Чехословакия является островом спокойствия в охваченной революционным пожаром Центральной Европе, что удовлетворение ее притязаний будет служить не только укреплению ЧСР, но и стабилизации обстановки в регионе⁴.

Однако, назвав Чехословакию островом спокойствия, Бенеш покривил душой. В пограничных областях обстановка оставалась тревожной. Там частыми были столкновения между немецким населением и чешскими военнослужащими. Сообщения о конфликтах в пограничье вызывали антинемецкие демонстрации в Чешских землях. Чувства мести и ненависти охватывали все более широкие слои населения⁵. С начала 1919 г. в пограничных областях начали создаваться нелегальные организации, ставившие своей целью освобождение немцев пограничья⁶. Многие богемские немцы, особенно бывшие военнослужащие австро-венгерской армии, не смирившиеся с введением войск в пограничье, уехали в Австрию и Германию и там создавали собственные военные подразделения, так называемые "судето-немецкие батальоны", "немецко-богемские" и "южноморавские легионы"⁷.

С началом Парижской мирной конференции активизировалось эмигрантское правительство немецкой Богемии во главе с Р. Лодгманом, развернувшее из Вены кампанию против присоединения немецких областей к Чехословакии и обратившееся за помощью ко многим государствам. Особые надежды немецко-богемские лидеры возлагали на Австрию и Германию. В определенной степени надежды, возлагавшиеся на Вену, оправдались. Австрийское правительство рассматривало населенные немцами пограничные области Чехии, Моравии и Силезии как свою террито-

рию. Когда чехословацкие войска в конце 1918 г. заняли эти области, оно неоднократно выражало Праге протест, требуя решить вопрос об их принадлежности путем проведения плебисцита или арбитража⁸.

Однако немецко-богемские лидеры понимали, что опора на маленькую и слабую Австрийскую республику, даже правительство которой не считало ее жизнеспособной и вело переговоры с Германией об аншлюсе, была недостаточной. И они пытались заручиться поддержкой Германии.

В начале февраля 1919 г. Р. Лодгман встретился с советником германского посольства в Вене К. А. Риппенхаузенем и обсудил с ним, в каких формах Берлин мог бы оказать поддержку его правительству. Лодгман выразил пожелание, чтобы Германия "под предлогом защиты границы" сконцентрировала бы на границе с Чехословакией военные подразделения, и в том случае, если бы чехословацкие войска покинули немецко-богемские области, они по приглашению правительства немецкой Богемии были бы введены туда якобы с целью поддержания правопорядка. Однако, если германское правительство боится такой открытой акции, продолжал Лодгман, то оно могло бы согласиться на строительство вдоль границы складов с оружием, чтобы при необходимости богемские немцы могли пересечь границу и взять его⁹.

В то время как донесение Риппенхаузена о беседе с Лодгманом изучалось в Берлине и Веймаре, где 6 февраля начало работу Национальное собрание Германской республики, Зенгер настойчиво призывал из Праги ни в коем случае не поддерживать требования немецко-богемских лидеров. 6 февраля он сообщал Брокдорфу-Ранцау о беседе с Масариком, во время которой президент настаивал на исторических границах чехословацкого государства, обещав мягкое отношение к немецкому меньшинству. Масарик утверждал, что без пограничных областей, населенных немцами, чехословацкое государство нежизнеспособно и ясно дал понять, что его поддерживают авторитетные политики на Западе, которые заинтересованы в "рациональном устройстве Центральной и Юго-Восточной Европы". Зенгер предлагал Берлину не поддерживать требо-

вания об отделении пограничных областей Чехословакии, выдвинутые эмигрантским правительством немецкой Богемии, обратившимся за помощью к Германии. Зенгер советовал министерству иностранных дел призвать немцев Богемии сотрудничать с чешским большинством. По его мнению, Германия должна оказывать влияние на богемских немцев после того, как завершится мирная конференция в Париже, и пограничные области войдут в состав Чехословакии. Немцы в Чехословацкой республике будут не единственным, но самым многочисленным национальным меньшинством. Если богемские немцы, сотрудничая с чехами, смогли бы завоевать соизмеримое с их численностью политическое влияние, они стали бы потенциальной силой. Богемские немцы непременно были бы политически активны в новом государстве. Берлин смог бы использовать их, чтобы склонить к более тесным и оживленным отношениям с Германией.

Зенгер был против предложения ирредентистов перевести Немецкий университет¹⁰ из Праги – в Либерец, по его словам, "маленькое захолустье в Северной Чехии". Он считал необходимым сохранить Немецкий университет в Праге как "символ нашего культурного ведущего положения мировой державы".

Зенгер отмечал, что в развитии отношений с ЧСР немалую роль смогла бы сыграть Австрия. По его мнению, отношения с Веной следует строить таким образом, чтобы она могла служить в качестве "моста к юго-востоку и особенно к такому авторитетному чехословацкому государству"¹¹. Зенгер понимал, что такая политика требует терпения и тонкой дипломатии, но считал, что результаты будут достойны усилий.

Мнение Зенгера, очевидно, совпадало с позицией германского МИД. С началом работы Парижской мирной конференции Германия не могла позволить вовлечь себя в вооруженный конфликт с Чехословакией. Но в то же время Берлин не считал возможным безмолствовать, когда чехословацкая делегация в Париже выступила с притязаниями на районы Нижней Силезии¹². Выступая 14 февраля 1919 г. в Национальном собрании в Веймаре уже в качестве министра иностранных дел с программной речью "Герман-

ская внешняя политика”, Брокдорф-Ранцау подверг внешнюю политику ЧСР по ряду позиций критике. Он выразил протест против той дискриминации, которой подвергалась немецкая Австрия со стороны других государств-преемников. В частности, чехословацкое государство нарушало принцип самоопределения наций, а именно ему оно само обязано своим возникновением. Оно не только силой оружия подчинило своей власти немцев Богемии и Моравии, но и выдвигает такие чрезмерные территориальные требования, что возникает угроза для областей Германского рейха. Брокдорф-Ранцау считал очень опасным для совместного существования обоих государств, когда бередят еще не затянувшиеся раны, — это может привести к возмездию. Вместе с тем министр иностранных дел подчеркнул, что новая Германия будет уважать жизненные интересы соседей¹³.

Вряд ли это заявление Брокдорф-Ранцау следует рассматривать как вызов Чехословакии и попытку возбудить немецко-богемский вопрос. Германское правительство выразило протест против чрезмерных территориальных притязаний Праги, затрагивавших непосредственные интересы Германии и союзной ей Австрии. Мимолетный упрек в адрес чехословацкого правительства за то, что оно силой подчинило своей власти немцев в Богемии и Моравии, очевидно, прежде всего преследовал цель поддержать прогерманские настроения среди богемских немцев и удержать их в сфере своего влияния в будущем. Для того, чтобы достичь этой же цели в отношении Австрии, Брокдорф-Ранцау выразил протест против ее притеснения, и тем самым Берлин продемонстрировал свою солидарность с Веной. Конечно, такое заявление было не случайным. В феврале просочились сведения, что Антанта вновь активизировала свои усилия, направленные на создание Дунайской федерации.

28 февраля это подтвердил в беседе с Брокдорф-Ранцау государственный секретарь по иностранным делам Австрии О. Бауэр, прибывший с визитом в Германию. Бауэр ожидал давления на Австрию с тем, чтобы она вступила в эту федерацию. Он не скрывал, что Вена вынуждена будет пойти на переговоры. При этом однако государственный

секретарь заверил Брокдорф-Ранцау, что такие переговоры никогда не приведут к позитивному результату и не стоит придавать им большого значения. Но заверения Бауэра об обреченности переговоров о Дунайской федерации и приверженности Австрии идее аншлюса не развеяли сомнений германского министра¹⁴. Более того, у него сложилось впечатление, что Бауэр рассчитывал на возобновление экономических связей с государствами-преемниками бывшей империи Габсбургов и был сам не прочь этому содействовать, особенно, развитию экономических отношений с Чехословакией. Правда, при обсуждении немецко-богемского вопроса австрийский госсекретарь заявил, что Вена будет препятствовать присоединению немецкой Богемии к чехословацкому государству и не расположена к взаимопониманию с Прагой в этом вопросе. Однако, когда Брокдорф-Ранцау заметил, что он намерен вступить в контакт с Прагой с целью наладить хорошие взаимоотношения, Бауэр приветствовал этот шаг и попросил держать в курсе дела австрийское правительство. Государственный секретарь выразил понимание политики германского правительства и убеждение, что при объединении Австрии с Германией австро-чешские противоречия должны быть ослаблены. И в ходе дальнейшей беседы Бауэр сообщил, что в Вене возник проект нейтрализации части немецкой Богемии и части австрийской Силезии, т. е. Судетской области, в надежде, что Антанта его примет. Хотя, как отмечал Брокдорф-Ранцау, полной ясности с этим проектом не было, само упоминание о нем свидетельствовало о наличии в МИД Австрии нескольких вариантов урегулирования немецко-богемского вопроса¹⁵. Это подтверждает также запись вышеупомянутой беседы Риппенхаузена с Лодгманом в начале февраля 1919 г. Когда Лодгман понял, что Берлин вряд ли окажет ему военную помощь, достаточную для освобождения и удержания немецкой Богемии, он заявил, что для него прежде всего важно "добиться у Антанты признания немецкой Богемии полностью самостоятельным государством". Конечно, Лодгман не стремился к тому, чтобы такое государственное образование было жизнеспособным. Он считал, что, выдвигая на мирной конференции требование национального самоопределения, можно было

бы легче добиться согласия на независимое государство, чем на немедленное его включение в состав Германии. Такое самостоятельное государство Лодгман рассматривал как временное образование, с созданием которого, как он заявил Риппенхаузену, "будет облегчено последующее присоединение к Германии"¹⁶.

Следует отметить, что во время беседы с Риппенхаузеном, как сообщает американский историк Ф. Кэмпбелл, ссылаясь на архивные документы, Лодгман высказался против открытой поддержки правительства немецкой Богемии Национальным собранием Германии¹⁷. В условиях, когда это правительство не могло получить эффективную военную помощь, оно, очевидно, предпочитало внешне оставаться в одиночестве, опираясь на моральное влияние своего призыва к национальному самоопределению на правящие круги держав Антанты, но особенно США.

Немецко-богемские сепаратисты, получив в январе 1919 г. поддержку на международном конгрессе социалистов в Берне, принявшем решение в пользу принципа национального самоопределения как основы нового территориального урегулирования, возобновили бурную деятельность. Из Австрии переправлялись в Чехословакию тысячи листовок. В них выдвигалось требование очистить пограничные области от чехословацких войск, выражалась надежда, что Парижская мирная конференция решит немецкий вопрос в их пользу¹⁸.

Значительного размаха агитация достигла перед выборами в Национальное собрание Австрийской республики, назначенными на 4 марта 1919 г. Немецко-богемская эмиграция намерена была добиться права участвовать в этих выборах для немцев в Чехословакии и тем самым подтвердить, что пограничные области являются составной частью Австрии. Интерес к выборам в австрийский парламент среди богемских немцев был большой. О них говорили на всех собраниях и писали во всех выходивших в Чехословакии немецких газетах. Подготовка к выборам шла полным ходом. Но чехословацкое правительство запретило проводить их на территории республики. Местные власти получили указания из Праги пресекать любые попытки открытого или нелегального голосования¹⁹.

Однако немцы не желали с этим мириться, и в день выборов, 4 марта, в ряде пограничных городов состоялись массовые демонстрации, участники которых протестовали против запрета выборов в австрийский парламент и требовали права на национальное самоопределение. В нескольких городах чехословацкая полиция открыла по демонстрантам огонь. 52 немца-участника демонстраций были убиты и 84 ранены²⁰.

Чехословацкие власти были встревожены. Немецко-богемский вопрос продолжал обостряться в то время, как Бенеш на Парижской мирной конференции прилагал столько усилий, чтобы представить свою страну островом спокойствия и порядка в Центральной Европе. Информация о происходящем в республике стала подвергаться цензуре. В конце февраля 1919 г. чехословацкие власти по обвинению в шпионаже арестовали вице-консула Германии П. Шварца и обвинили правительство Австрии в планировании военного наступления против Чехословакии. Было также запрещено издание в Праге немецкой газеты "Bohemia", представлявшей национальные интересы богемских немцев, под предлогом, что Шварц имел с ней контакты. В связи с арестом Шварца чехословацкие власти предложили генеральному консулу фон Гебзаттелю покинуть Прагу. 3 марта он отбыл в Берлин. Консульство временно возглавил вице-консул М. Кёниг.

Инцидент со Шварцем таит в себе ряд неясностей. 7 апреля 1919 г. в сообщении в Берлин Кёниг отмечал, что несмотря на то, что чехословацкая пресса много писала об этом инциденте, официально германской стороне доказательства вины Шварца представлены не были²¹. Этот инцидент негативно отразился на германо-чехословацких отношениях. Недоверие во взаимоотношениях двух стран нарастало. В первые месяцы 1919 г. по обе стороны границы наблюдалась концентрация войск, вызывая нервозность и в Берлине, и в Праге. В середине марта 1919 г. представитель министерства иностранных дел Чехословакии Б. Штепанек запросил Кёнига, с какой целью происходит увеличение германских войск в Верхней Силезии. После консультаций с Берлином Кёниг заверил Штепанека, что "какие-либо намерения наступления против Чехослова-

ки чужды правительству Германии". Вице-консул также сообщил, что Германия готова к переговорам с чехословацким правительством относительно численности войск с обеих сторон²².

Однако, несмотря на взаимную подозрительность, усилившуюся в связи с инцидентом со Шварцем, весной 1919 г. во взаимоотношениях Германии и Чехословакии произошли и некоторые позитивные сдвиги. Чехословацкое правительство в апреле решило направить в Берлин известного пражского адвоката Э. Кёрнера в качестве своего неофициального представителя. Официально Кёрнер назначался специальным представителем в Эльбскую судоходную компанию. Однако на Вильгельмштрассе не удовлетворились таким решением. Германский МИД настаивал на направлении в Берлин официального полномочного представителя. В конце концов чехословацкое правительство согласилось назначить Кёрнера своим временным представителем в Берлине, а Зенгера признать временным представителем Германии в Праге²³.

Обмен между Прагой и Берлином полномочными представителями рассматривался германской стороной как шаг вперед по установлению дипломатических отношений с Чехословакией. Такой оптимизм не был лишен оснований. Германское генеральное консульство в Праге так и не было признано чехословацким правительством в качестве официального представительства Германии. За полгода работы в столице ЧСР ему не удалось решить экономические и юридические вопросы, связанные с его легитимизацией. Чехословацкие власти всячески ограничивали связь консульства с МИД Германии, введя запрет на шифрование и используя цензуру. Поэтому Берлин столь настойчиво добивался обмена полномочными представителями с Прагой, надеясь, что в результате этого "можно было бы вести переговоры на равных условиях с обеих сторон и также через местного представителя воздействовать на Прагу"²⁴.

Согласие чехословацкого правительства на обмен временными представительствами вполне удовлетворяло Берлин, поскольку не создавало препятствий для развития отношений с правительствами Австрии и немецкой Богемии.

8 мая 1919 г. помощник статс-секретаря МИД барон Э. Л. фон Симмерн в телеграмме германскому послу в Вене просил сообщить правительствам Австрии и немецкой Богемии, что избранная форма представительства между Берлином и Прагой такая, какая в последнее время применялась в отношении еще официально непризнанных государств, и что, таким образом, Берлин оставляет за собой свободу в вопросах "об окончательном оформлении Чехословакии и наша позиция в отношении притязаний немецкой Австрии и немецкой Богемии на немецкую часть Чехии никоим образом не соприкасаются"²⁵.

Вместе с тем, Прага, соглашаясь на обмен дипломатическими представителями, очевидно, рассчитывала в определенной степени как бы предрешить немецко-богемский вопрос, который после событий 4 марта приобрел особую остроту.

Немецко-богемские лидеры развернули бурную деятельность, стремясь привлечь внимание мировой общественности к немецкому вопросу в Чехословакии. Они обращались с заявлениями и меморандумами к державам Антанты, президенту США В. Вильсону, другим участникам Парижской конференции и всем, кто мог оказать хоть какое-либо влияние на правительство Чехословакии в решении этого вопроса. В марте 1919 г. представители немецко-богемского правительства добились встречи с прибывшим в Вену советником президента США профессором А. Кулиджем и информировали его о положении немецкого населения в пограничных округах Чехии и Моравии²⁶.

Немецко-богемские политики установили также контакты с военными миссиями Великобритании и Италии в Вене и убеждали их руководителей, что немцы в Чехословакии не смирились с властью Праги, и немецкий вопрос там может быть решен только на основе права на самоопределение наций²⁷. Французскому посланнику в Вене А. Аллизе Лодгман представил план нейтрализации немецкой Богемии и Судетской области. В Праге аналогичные проекты нейтрализации были переданы дипломатическим представителям США, Франции и Великобритании. В частности, поверенному в делах Великобритании в Праге было предложено провозгласить Судетскую область вместе с

Моравско-Оставской промышленной областью самостоятельным государством под британским протекторатом. Как отмечал австрийский историк П. Молиш, британский дипломат проявил к этому плану определенный интерес²⁸.

23 марта 1919 г. поверенного в делах Великобритании в Праге С. Гозлинга посетил один из лидеров судетских немцев Р. Фюрер фон Хаймендорф и сообщил о постоянно ухудшавшейся ситуации в Судетской области, о нетерпимом поведении чешских солдат и чиновников, о расстрелах немецкого населения в Опаве и других городах. От имени судетских немцев Фюрер передал Гозлингу обращение к Парижской мирной конференции с просьбой создать специальную комиссию для расследования происшедшего²⁹.

25 марта Гозлинг встретился с Масариком и, сообщив ему о состоявшейся беседе с фон Хаймендорфом, подчеркнул, что Праге необходимо прийти к соглашению с немецкоязычным населением республики. Гозлинг заявил, что, по его мнению, чехословацкие войска в пограничных областях отбились от рук, их следует удалить и заменить чешскими иностранными легионами, в которых дисциплина лучше. Не удовлетворившись этим, а также учитывая взрывоопасное положение в пограничных округах, Гозлинг 26 марта обратился в Форин оффис с предложением послать в Судетскую область и немецкую Богемию для поддержания порядка небольшие подразделения британских войск. По мнению Гозлинга, богемские и судетские немцы приветствовали бы такие действия. Министр иностранных дел Великобритании А. Д. Бальфур отклонил это предложение, но уполномочил Гозлинга сделать заявление президенту Масарику о драматическом положении в округах, населенных немцами, и о необходимости заменить войска на более дисциплинированные³⁰.

Такое оживление вокруг немецко-богемского вопроса не могло не оказать влияния на решение Праги об обмене дипломатическими представителями с Берлином. Тем более, что обстановка в немецких областях Чехии, Моравии и Силезии продолжала обостряться. В ожидании территориальных решений Парижской мирной конференции общественное мнение было взвинчено до предела. Среди богем-

ских немцев широкое распространение получили убеждения, будто Германия способна им помочь³¹.

В первой половине мая 1919 г. состоялось совещание представителей руководства немецкой Богемии и Судетской области, на котором И. Майер – государственный секретарь по военным делам в правительствах немецкой Австрии и немецкой Богемии – получил полномочия вступить в контакт с Берлином с целью организации вооруженного сопротивления. К сожалению, австрийский историк П. Молиш, сообщая об этом совещании, не указал точную дату. Автор сослался при этом на запись в дневнике представителя правительства Судетской области фон Хаймендорфа от 11 мая 1919 г.³², что позволяет предположить только такую степень точности датировки – не позднее 11 мая 1919 г.

Спустя несколько дней Майер и фон Хаймендорф прибыли в Берлин. 13 мая они в сопровождении графа И. Норманна – организатора судето-немецких добровольческих отрядов в Берлине – посетили советника политического отдела МИД Германии барона В. фон Грюнау. Майер заявил во время беседы, что богемские немцы ни при каких условиях не желают принадлежать к чехословацкому государству и стремятся присоединиться к Германии независимо от того, в какой форме это произойдет. Майер подчеркнул, что таково желание не только немецко-богемских лидеров, а всего населения, которое до сих пор удавалось удерживать от неосмотрительных действий, возлагая надежды на мирную конференцию. Но в случае неблагоприятных решений Парижской мирной конференции для богемских немцев не исключено возобновление движения за отделение немецкой Богемии от чехословацкого государства. Однако, признавался государственный секретарь немецкая Богемия недостаточно сильна, чтобы предотвратить повторную оккупацию немецко-богемских областей чехословацкими войсками. Поэтому, продолжал Майер, богемские немцы вынуждены рассчитывать на поддержку Германии, которая могла быть оказана в различной форме. Прежде всего Майер попросил уволить из германских подразделений пограничной службы немецко-богемских добровольцев и передать их в распоряжение правительства

немецкой Богемии. Кроме того, государственный секретарь просил предоставить боеприпасы, артиллерийские орудия и другую боевую технику, транспортные средства, а также (помня о критической ситуации, сложившейся осенью 1918 г., когда немецкие провинции были по указанию Праги блокированы) – поставить в немецкую Богемию уголь и немного продовольствия, в случае крайней необходимости.

Фон Хаймендорф поддержал заявление Майера, заметив однако, что судетские немцы охотнее всего присоединились бы к рейху как союзное государство.

Выслушав обоих представителей советник Грюнау обратил их внимание на то, что при создавшемся международном и внутривосточном положении для Германии подобные действия чрезвычайно опасны, и при их проведении нельзя было бы полностью избежать компрометации рейха. Хотя Берлин и принимал близко к сердцу судьбу немцев в Чехословакии, отмечал Грюнау, тем не менее не мог одобрить действия, чреватые, возможно, дальнейшим ухудшением положения и Германии, и богемских немцев. Какую бы осторожность при осуществлении предложенного плана стороны ни проявляли, в любом случае дело можно было бы представить так, будто Германия поддерживает мятеж в соседнем государстве. Безусловно это было бы использовано противниками рейха в самом широком масштабе и имело бы для него слишком серьезные последствия, говорил советник.

Грюнау резюмировал, что в настоящий момент было бы лучше оставить мысль о присоединении немецкой Богемии и Судетской области к Германии и предоставить этот вопрос будущему, а пока ограничиться требованиями автономии. Советник подчеркнул при этом, что последние могли бы быть поддержаны Берлином дипломатическими средствами и во всяком случае на этом пути богемские немцы вправе рассчитывать на большую помощь, чем при осуществлении какого-либо насильственного действия. Майер и фон Хаймендорф согласились, что, когда ничто иное будет невозможно, они ограничатся требованиями автономии, но при этом оба выразили сильное сомнение, что чехословацкое правительство на это пойдет; и в слу-

чае крушения планов автономии ничего другого не останется как с оружием в руках добиваться своих прав.

Составляя памятную записку о беседе с Майером и фон Хаймендорфом, Грюнау отмечал, что немецко-богемский вопрос необходимо рассматривать в контексте общей ситуации на восточных границах Германии. В Верхней Силезии и "на всем германском востоке" преобладали настроения озлобленности. По оценке военных кругов, вполне возможно было восстание в Верхней Силезии в случае ее передачи Польше. Не исключено, что оно могло бы охватить и соседнюю австрийскую Силезию, и всю остальную Судетскую область. А затем, по всей вероятности, восстание перекинулось бы непосредственно в немецкую Богемию. Поскольку такое развитие событий не находилось за пределами возможного, Грюнау считал целесообразным дать немецко-богемским представителям уклончивый ответ. Однако он не исключал, что во время предстоящей встречи с помощью статс-секретаря речь могла бы идти о вероятности использования такого движения и в этой связи о необходимости военных приготовлений. Грюнау предлагал подтвердить соглашение, достигнутое им с представителями немецкой Богемии и Судетской области о том, что при благоприятном развитии событий Берлин по возможности окажет дипломатическое содействие немецко-богемским требованиям автономии, но в этом случае немцы Богемии не могут рассчитывать на какую-либо военную поддержку. В случае же восстания в Силезии, Германия могла бы оказать тайную военную помощь и немцам в Чехословакии. Грюнау также полагал, что, кроме этого, Германия могла бы обещать, что ее делегация на мирной конференции по мере сил выступит за право самоопределения немецкой Богемии с тем, чтобы немецко-богемские требования присоединения к рейху приобрели международно-правовое обоснование³³. Эти выводы и были положены в основу официальной позиции МИД Германии по немецко-богемскому вопросу.

Несмотря на неудачные переговоры на Вильгельмштрассе, Майер и фон Хаймендорф не теряли надежды. Они не исключали того, что Германия откажется подписывать мирный договор в Версале и дело дойдет до вооруженного

конфликта в Силезии, в который были бы вовлечены и Судеты. В таком случае судетские немцы могли бы рассчитывать на помощь военного министерства Германии. С этой целью Майер и фон Хаймендорф вступили в переговоры с военным министром Г. Носке³⁴. Носке проявил большое понимание судето-немецких проблем и справился о возможностях поставки оружия. Он был согласен поставить оружие и другие военные материалы на границу и на всякий случай произвести необходимые приготовления. Однако Носке считал, что только военной помощи недостаточно. Необходимы деньги. В случае занятия Судетской области потребовалось бы обеспечить население продовольствием, углем и т. д. Фюрер сообщил о желании радикального крыла судетских немцев, чтобы в случае наступления хаоса "дело судетских немцев стало делом рейха" и судетские земли были присоединены *via facti*. Однако в этом деле Носке ничего не мог обещать. Он ответил, что "сегодня еще не знает, какую политику будет проводить завтра"³⁵. Больше этого Майеру и фон Хаймендорфу в Берлине ничего не удалось добиться. Переговоры о финансовой помощи, поставках продовольствия и угля на случай восстания закончились ничем.

Также безрезультатной оказалась поездка в Дрезден, где планы богемских и судетских лидеров не встретили поддержки³⁶. Большого удалось добиться в Мюнхене. Министр-президент Баварии И. Хофман признал справедливыми требования богемских немцев, чтобы в случае конфликта с Чехословакией территория немецкой Богемии была присоединена к Германии и линия границы была отодвинута до языковой границы. Хофман также обещал помощь в том случае, если Эгераланд* пожелает отделиться от Чехословакии и присоединиться к Баварии³⁷. Фон Хаймендорфу удалось также установить контакт с верховным командованием армии "Юг" в Братиславе и заручиться его поддержкой. Штаб армии, исходя из возможности вооруженного конфликта с Польшей из-за Силезии, считал, что в нем можно было бы использовать и судетских немцев³⁸.

В то время, как немецко-богемские политики вели пе-

* Город Эгер (Хеб) с округой.

реговоры в Германии, на Парижской мирной конференции судьба немецкой Богемии и Судетской области была уже решена.

Задача определения границы между Чехословакией и Германией была возложена на комиссию по чехословацким делам во главе с опытным французским дипломатом Ж. Камбоном. В течение февраля и марта она выполнила эту работу, и 1 апреля Камбон представил доклад комиссии Совету министров иностранных дел, рекомендовав сохранить исторические границы с учетом незначительных изменений; Чехословакия получала некоторые территориальные приращения в районе Глатца в обмен на получение Германией области вокруг Фридланда³⁹.

С критической оценкой предложений комиссии выступил государственный секретарь США Р. Лансинг. Он обратил внимание Совета министров на то, что эти рекомендации игнорировали принцип национального самоопределения, и потребовал провести плебисцит в районах Румбурга и Аша. Лансингу возразил Камбон. Он подчеркивал, что новые государства должны быть поставлены в такие условия, которые позволили бы им выжить. Его поддержал министр иностранных дел Франции С. Пишон, заявив, что он не может допустить, чтобы Германия – все еще остававшаяся страной, вызывавшей опасения – укреплялась за счет бывших владений австро-венгерской монархии, тем более отнятых у Чехословакии – союзницы Франции. И если Америка отказывается принять во внимание соображения национальной безопасности, то Франция не собирается ими пренебрегать⁴⁰. Так и не сформулировав своих рекомендаций, Совет министров 2 апреля представил проект решения о границах "совету четырех".

4 апреля "совет четырех" рассмотрел вопрос о германо-чехословацкой границе. Председатель конференции, премьер-министр Франции Ж. Клемансо, отверг все предлагаемые варианты территориальных изменений, предложив сохранить исторические границы. Что же касается возможности изменения линии границы, то Клемансо высказался за эвентуальную передачу такого права Германии и Чехословакии, чтобы позже они сами приняли решение на этот счет. Д. Ллойд Джордж и полковник Э. Хауз, представ-

лявший заболевшего Вильсона, согласились с предложением Клемансо⁴¹.

Примечательно, что никто из участников конференции не ставил вопроса об отделении немецкой Богемии или Судетской области от Чехословакии. Даже те представители США и Великобритании, которые оспаривали некоторые территориальные требования чехословацкой делегации и поддерживавших ее французов, не поднимали этот вопрос. Речь шла лишь об уступках в пользу Германии отдельных городов или других населенных пунктов и прилегающих к ним районов. США и Антанта остались глухи к призывам немецко-богемских лидеров.

Правда, "совет четырех" поручил комиссиям по чехословацким и польским делам еще раз проверить представленный проект и выработать совместные рекомендации о германо-польско-чехословацких границах в Верхней Силезии. Но это уже не могло оказать решающего влияния на судьбу богемских немцев. И еще до того, как германская делегация появилась на конференции, вопрос о германо-чехословацкой границе был решен⁴².

Версальский договор не оставлял никаких надежд на присоединение немецкой Богемии и Судетской области к Германии. Но их эмигрантские правительства считали, что проблема немцев в Чехословакии еще не решена окончательно. Они продолжали выступать за присоединение к Австрийской республике. И Вена во время работы Парижской мирной конференции взяла на себя ответственность представлять их интересы. Лидеры эмигрантских правительств вошли в официальную делегацию Австрии на мирной конференции и в ее составе 14 мая прибыли в Париж. Правда, канцлер Австрии К. Реннер, знавший к тому времени об условиях мирного договора с Германией, очевидно, понимал неизбежность утраты немецко-богемской и судетско-немецкой провинций. "Эти земли – немецкую Богемию и Судетскую область – казалось он рассматривал как отошедшие к Чехословакии. Менее отчаянным ему казалось положение Южной Чехии и Южной Моравии"⁴³. И тем не менее австрийское правительство выступило в защиту всех немецких провинций. 7 июня, выступая в Национальном собрании, государственный секретарь по иностран-

ным делам Бауэр высказался против многих пунктов проекта мирного договора, врученного австрийской делегации 2 июня в Париже, и в первую очередь против передачи Чехословакии населенных немцами пограничных районов. Он настаивал, чтобы население этих областей путем плебисцита само определилось⁴⁴.

10 июня австрийское правительство направило мирной конференции ноту, в которой указывалось, что предлагаемые союзниками условия мирного договора не оставляли немецкой Австрии достаточного количества ее коренной территории и не обеспечивали таких условий, при которых государство могло бы существовать. Отторжение немецких областей Чехии, Моравии и австрийской Силезии и части Нижней Австрии нанесло бы непоправимый ущерб экономике страны и сделало бы невозможным ее самостоятельное развитие. В ноте также указывалось, что предложение союзников присоединить "сплошные территории, населенные почти тремя миллионами немцев, живущих плотными поселениями", противоречит праву наций на самоопределение⁴⁵.

В тот же день, 10 июня, немецкие политики из Чехословакии были приглашены для беседы с участником американской делегации полковником Тэйлором. Он заявил, что по мнению американской делегации, "в немецко-богемском вопросе еще нет ясности", и попросил проинформировать его. Беседа с Тэйлором обнадежила немецко-богемских лидеров⁴⁶ и, видимо, побудила их 15 июня обратиться к мирной конференции с меморандумом, в котором подчеркивалось, что Чехословакия могла бы благополучно развиваться и без приграничных областей, населенных немцами, что подобное присоединение противоречит принципу самоопределения наций, что тем самым "державы создают в центре Европы очаг гражданской войны, который может стать более опасным для всего мира и его общественной жизни, чем постоянное брожение на Балканах"⁴⁷. Однако ни этот меморандум, ни последующая переписка Реннера с мирной конференцией, в которой он продолжал настаивать на соблюдении принципа национального самоопределения, не оказали какого-либо влияния на решения в Париже.

Тем временем в Чехословацком пограничье произошло

важное событие. 16 июня 1919 г. немецкое население пограничных областей участвовало в муниципальных выборах, состоявшихся на всей территории Чехословакии. И хотя этот акт был продиктован опасениями, что в случае бойкота в местные представительные органы пограничья будут избраны чехи, и накануне выборов немецкие политические партии заявили, что их участие в них вовсе не шаг к сотрудничеству с чехословацким государством, тем не менее эта своего рода поддержка мероприятия, объявленного чехословацким правительством, само по себе стало фактом признания нового государства⁴⁸.

Понимая, что Германия не сможет оказать существенной помощи в борьбе за независимость немецких провинций, все больше немецко-богемских политиков склонялись к тому, чтобы прислушаться к голосам из Берлина и ограничиться требованиями автономии в рамках Чехословакии. Глава британской военной миссии Т. Канингем сообщал из Вены, что среди немецко-богемских политиков произошел раскол, и во главе с Лодгманом образовалась группа, которая могла бы согласиться на автономию в рамках Чехословацкой республики. Но вторая группа, лидером которой был Ф. Лангенхан, настаивает на аншлюсе и не согласится на автономию⁴⁹.

28 июня либерецкая газета "Reichenberger Deutsche Volkszeitung" опубликовала программу немецко-национальной партии. Пункт 14-й касался требований богемских немцев на тот случай, если они "все же будут вынуждены остаться в Чехословацкой республике". Они требовали представления провинции немецкой Богемии территориальной автономии со своим парламентом и правительством, создания на ее территории собственных военных формирований, пропорционального немецкого представительства в Национальном собрании, правительстве и Верховном Суде ЧСР, создания немецких отделов в министерствах и немецкого сената в Верховном Суде, развития немецкого образования и т. д.⁵⁰.

Видимо, в то же время происходили перемены во взглядах на немецко-богемский вопрос и в австрийском МИД. Как сообщал Канингем в вышеупомянутом донесе-

нии, датированном 1 июля, государственный секретарь Бауэр, по его мнению, "не подталкивает группу Лангенхана"⁵¹. А 10 июля канцлер Реннер вынужден был заявить, что Австрия не настаивает на присоединении Судетской области и немецкой Богемии⁵². Правда, Реннер еще надеялся, что его правительство сможет повлиять на решения мирной конференции в отношении немецких областей вдоль границы с Австрией в Южной Чехии и Моравии. Но государства Антанты не склонны были идти на уступки. Кроме того, немецкое национальное движение на юге не было столь сильным, как на севере, в немецкой Богемии и Судетской области. Власти Верхней Австрии в Линце не проявили большого стремления включить в свою землю Бёмервальдгау⁵³. Большая поддержка была оказана южно-австрийскими властями немцам Южной Моравии. Правда, инициатива при этом исходила главным образом из Вены⁵⁴.

Мирный договор с Австрией был подписан 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермен-ан-Ле. Австрия признавала полную независимость чехословацкого государства и его границы⁵⁵. Согласно Сен-Жерменскому договору бывшие австрийские провинции в Чехии, Моравии и Силезии отошли к Чехословакии⁵⁶.

Тогда же, 10 сентября, в Сен-Жермене союзники подписали с Чехословакией договор о национальных меньшинствах, позволявший этим меньшинствам в случае нарушения их прав обращаться в Лигу Наций⁵⁷.

После подписания Сен-Жерменского договора на территории Австрии прекратили существование все эмигрантские правительства⁵⁸. Депутаты из этих областей должны были покинуть Национальное собрание Австрийской республики. Судето-немецкие батальоны распускались. Правительство Чехословакии разрешило вернуться из Вены немецко-богемским лидерам.

Германия в период подготовки Сен-Жерменского договора не могла оказать существенной помощи Австрии и поэтому не придавала слишком большого значения сетованиям австрийской стороны на несправедливость и передачу под различными предлогами населенных немцами областей Чехословакии⁵⁹. Главная забота Берлина летом 1919 г. заключалась в том, чтобы Антанта не вовлекала

Австрию в какие-либо антигерманские планы, усугубляющие и без того сложное международное положение рейха. МИД Германии направлял в Вену одну за другой депеши, настойчиво отмечая, что для мирных переговоров в Версале и Сен-Жермене особое значение имеет постоянное осведомление друг друга через посредников о поступавших инструкциях, чтобы ни с какой стороны не принимались соглашения, препятствовавшие аншлюсу немецкой Австрии. Германскому послу в Вене Б. Веделю вменялось в обязанность препятствовать любым попыткам включения Австрии в какую-либо унию с другими государствами-преемниками империи Габсбургов, в какой бы форме они ни предлагались (будь то долгосрочные экономические обязательства немецкой Австрии в отношении государств-преемников, дунайская таможенная уния, железнодорожная таможенная область или др.)⁶⁰. Втягивания Австрии в Дунайскую унию или другие союзы удалось избежать, но не удалось миновать запрета аншлюса, что нашло отражение как в Версальском, так и в Сен-Жерменском договорах.

В немецко-богемском вопросе Берлин не проявлял столь большой активности. Если Германия и пыталась изменить линию границы с Чехословакией, то речь шла только об отдельных населенных пунктах и небольших районах, прежде всего в Верхней Силезии⁶¹, что вряд ли могло иметь судьбоносное значение для всех богемских немцев.

Вскоре после подписания Версальского договора Берлин пошел на переговоры с Прагой о роспуске судето-немецких батальонов и других военных формирований богемских немцев на территории Германии, что вызвало большую тревогу наиболее непримиримой части судетских политиков, пытавшихся убедить военные круги рейха не возвращать солдат и офицеров в Чехословакию⁶².

Полномочный представитель Германии в Чехословакии Зенгер писал из Праги, что Берлин, подписав мирный договор признал проблему богемских немцев внутренним делом Чехословакии и должен неуклонно соблюдать договор и воодушевить немецкое население Богемии на сотрудничество с чехословацкими властями⁶³.

Однако немецко-богемские лидеры считали, что Германия обязана оказать им поддержку, помочь противостоя-

ять попыткам Праги усилить свою власть в немецких областях. С этой целью в конце июля 1919 г. Лодгман и Лангенхан прибыли в Берлин. 31 июля их принял директор отдела информации МИД Германии В. Науман с которым они обсудили положение в немецкой Богемии.

В самом начале беседы Науман отметил, что Германия, исходя из своих политических и экономических интересов, должна быть в хороших отношениях с Чехословакией и поэтому не может демонстрировать свои связи с богемскими немцами в Праге. Все переговоры, по возможности, следовало бы проводить в Берлине. Естественно, Германия непреклонна в деле сохранения немецкой нации, и она будет поддерживать богемских немцев, конечно, не войсками и контрабандой оружия, а – другими средствами. Лодгман и Лангенхан полностью согласились с Науманом и подчеркнули, что в данный момент самым главным для них представляется сохранение национальных основ в Северной Чехии. Немецко-богемские лидеры сообщили, что чехословацкие власти, пользуясь отсутствием немецкого банка в ЧСР, начали разорять немецко-богемскую мелкую буржуазию, что возникла потенциальная угроза также для крупной промышленности в Северной Чехии. Поэтому первоочередной проблемой являлось создание там немецкого банка, который бы оказывал финансовую поддержку немцам. Однако об открытии немецкого или немецко-богемского банка не могло быть и речи, так как местные власти не допустили бы этого. Поэтому немецко-богемские лидеры предлагали использовать в качестве прикрытия швейцарские финансовые учреждения, например, в Цюрихе, которые имели бы свои филиалы в немецкой Богемии. При этом деньги такой банк получал бы из Германии.

Науман поддержал просьбу Лодгмана и Лангенхана, и они в тот же день посетили директора "Deutsche Bank" П. Бонна. Последний с энтузиазмом одобрил проект и заверил, что его банк один или вместе с "Dresdner Bank" поможет правительству Веймарской республики в его осуществлении⁶⁴.

Таким образом, Берлин не исключал возможности оказания финансовой поддержки и сдержанного воздействия на немцев в Чехословакии уже в первые недели после подписания Версальского договора. Благоприятные возможности для этого предоставились осенью 1919 г., когда Лод-

гман и многие его соратники вернулись в Чехословакию и развернули агитацию за автономию немецких областей.

В начале октября 1919 г. прибывший из Вены Лодгман, выступая перед немецким населением в Усти-над-Лабем, провозгласил, что теперь не может быть немецко-богемской политики, а должна быть только судето-немецкая, для которой необходимо теснейшее единство всех немецких партий. Применительно ко всем немцам в Чехословакии термин "судето-немецкий" был менее точным, чем "немецко-богемский". Настоящими судетскими немцами были только те, которые жили в Судетских горах⁶⁵. Однако заявление Лодгмана отразило те глубокие перемены, которые произошли в национальном самосознании немцев в Чехословакии после подписания Версальского и Сен-Жерменского договоров. Коренным образом изменилось и их положение.

Богемские немцы, которые годом ранее были еще гражданами большого австро-венгерского государства, где они принадлежали к господствующей нации, теперь превращались в национальное меньшинство в Чехословацкой республике, меньшинство хотя и достаточно крупное, но в политическом и экономическом плане маловлиятельное. Несколько месяцев почти непрерывавшегося сопротивления ни к чему не привели. Немецким провинциям не удалось присоединиться ни к Германии, ни к Австрии. В новых условиях встала задача объединения всех немцев в Чехословакии с целью достижения автономии и создания наиболее благоприятных условий для национального развития. В этой связи замена термина "немецко-богемский" на "судето-немецкий" не была случайной. Термины "Немецкая Богемия", "немецко-богемский" акцентировали внимание на том, что немцы являются жителями Богемии (Чехии). Сочетание же "судето-немецкий" подчеркивало их единое немецкое происхождение. Немцы в большей степени рассматривали себя как представителей немецкой нации, чем жителями Чехии, Моравии или Силезии. В их национальном самосознании произошли перемены. Немецкий вопрос в Чехословакии вступал в новую фазу. К новым обстоятельствам приспособлялась и германская дипломатия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Brügel J. W. Tschechen und Deutsche. 1918–1938. München, 1967; Campbell F. G. Confrontation in Central Europe. Weimar Germany and Czechoslovakia. Chicago-London, 1975; Češar J., Černý B. Od sudetoněmeckého separatismu k planům odvety. Liberec, 1960; Gajan K. Německý imperialismus a československo-německé vztahy v letech 1918–1921. Praha, 1962; Gajanová A. ČSR a středoevropská politika velmocí (1918–1938). Pr., 1967; Molisch P. Die sudetendeutsche Freiheitsbewegung in den Jahren 1918–1919. Wien-Leipzig, 1932; Perman D. The shaping of the Czechoslovak state. Diplomatic history of the boundaries of Czechoslovakia, 1914–1920. Leiden, 1962; Vondraček F. J. The foreign policy of Czechoslovakia 1918–1935. N. Y., 1937; Wandycz P. S. France and her Eastern Allies 1919–1925. French-Czechoslovak-Polish relations from the Paris peace conference to Locarno. Minneapolis, 1962; Wiskemann E. Czechs and Germans. A study of the struggle in the historic provinces of Bohemia and Moravia. London-New York-Toronto, 1938.
2. Wolff T. Tagebücher 1914–1919. Boppard am Rhein, 1984. Bd. 2. S. 697, 699; Campbell F. G. Op. cit. P. 61.
3. См.: Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Перев. с англ. М., 1957. Т. 2. С. 144–148; Die tschechoslowakischen Denkschriften für die Friedenskonferenz von Paris 1919/1920. Berlin, 1937. S. 35–83, 85–109.
4. Beneš E. Svetová válka a naše revoluce. Pr., 1929. Sv. 3. S. 488.
5. См.: Češar J., Černý B. Op. cit. S. 141–143.
6. См.: Ibid. S. 149–153.
7. См.: Ibid. S. 162–164; Gajan K. Op. cit. S. 92.
8. См.: Beneš E. Der Aufstand der Nationen. Der Weltkrieg und die tschechoslowakische Revolution. Berlin, 1928. S. 685–686.
9. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Göttingen, 1984. Bd 2. S. 6 (ADAP); Campbell F. G. Op. cit. P. 53–54.
10. В 1882 г. Карлов университет был разделен на Чешский и Немецкий университеты.
11. Обширные цитаты из донесения С. Зенгера в Берлин от 6 февраля 1919 г. см.: Brügel J. W. Op. cit. S. 80–81.
12. См.: Die tschechoslowakischen Denkschriften für die Friedenskonferenz von Paris 1919/1920. S. 225–275; Strauss E. Tschechoslowakische Aussenpolitik. Eine geschichtliche Einführung. Prag, 1936. S. 42–43. Как отмечал исследователь серболужицкого вопроса М. Каспер. Бенеш использовал сорбское национальное движение в качестве разменной монеты против сепаратистских выступлений судетских немцев: "Бенеш вовлек сорбский вопрос в игру и добился этим признания северо-западных границ Чехословацкой республики" (Kasper M. Geschichte der Sorben. Bautzen, 1976. S. 28–29).
13. Brockdorf-Rantzau U. Dokumente und Gedanken um Versailles. Berlin, 1925. S. 52–53.
14. Тем не менее 2 марта 1919 г. был подписан секретный договор, определивший условия присоединения Австрии к Германии (Вальдхайм К. Австрийский путь. Перев. с немец. М., 1976. С. 38).
15. ADAP. Ser. A. Göttingen, 1982. Bd I. S. 260–262.
16. Ibid. Bd 2. S. 6.
17. Campbell F. G. Op. cit. P. 54.

18. См.: Oldofredi H. Zwischen Krieg und Frieden. Zurich etc., 1925. S. 144; César J., Černý B. Op. cit. S. 141–145.
19. César J., Černý B. Op. cit. S. 146.
20. См.: Wiskemann E. Op. cit. P. 84–85; Krebs H. Kampf In Böhmen. Berlin, 1937. S. 104.
21. Подробнее см.: ADAP. Ser. A. Bd I. S. 385–387.
22. Ibid. S. 315–316.
23. ADAP. Ser. A. Bd 2. S. 18.
24. Ibidem.
25. Ibidem.
26. См.: Mollisch P. Op. cit. S. 145–146.
27. Ibid. S. 144–145.
28. Ibid. S. 147–148.
29. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. London, 1956. First Series. Vol. 6. 1919. P. I. (Далее: DSFP).
30. Ibid. P. 1–2.
31. ADAP. Ser. A. Bd 2. S. 6.
32. Mollisch P. Op. cit. S. 165.
33. Ibid. S. 37.
34. О беседе с Г. Носке сообщается в дневнике Р. Фюрера фон Хаймендорфа от 15 мая 1919 г. См.: Mollisch P. Op. cit. S. 168.
35. Ibidem.
36. Подробнее см.: Ibid. S. 170–171.
37. Ibid. S. 171.
38. Ibid. S. 169.
39. Perman D. Op. cit. P. 153–154; Wandycz P. S. Op. cit. P. 57–58.
40. Wandycz P. S. Op. cit. P. 58.
41. Perman D. Op. cit. P. 169–170.
42. Vondraček F. Op. cit. P. 30; Wandycz P. S. Op. cit. P. 58.
43. Oldofredi H. Op. cit. S. 175.
44. См.: Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 2. С. 158.
45. Wandycz P. S. Op. cit. P. 60.
46. Oldofredi H. Op. cit. S. 197–198.
47. См.: Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 2. С. 158–162.
48. О результатах выборов см.: César J., Černý B. Op. cit. S. 153–154.
49. DBFP. Vol. 6. P. 8.
50. Ibid. P. 25.
51. Ibid. P. 8.
52. Квачек Р., Оливова В. Политика германского империализма по отношению к Чехословакии в 1918–1938 годах // Славяно-германские исследования (Сб. ст.). М., 1963. С. 105.
53. Mollisch P. Op. cit. S. 61–62.
54. Подробнее см.: Mollisch P. Op. cit. S. 69–78.
55. Сен-Жерменский договор. М., 1925. С. 26, 33.
56. Там же. С. 26.
57. Vondraček F. Op. cit. P. 45–46.
- Такие же договоры были подписаны союзниками 28 июня 1919 г. с Польшей, 5 декабря – с Югославией и 9 декабря – с Румынией.
58. Soukup F. 28. října 1918. Pr., 1928. D. 2. S. 1183–1184.
59. См.: ADAP. Ser. A. Bd 2. S. 103–106.

60. Ibid. S. 107–108.
61. См.: Ibid. S. 196–197.
62. См.: Gajan K. Op. cit. S. 116–121.
63. Campbell F. G. Op. cit. P. 76.
64. ADAP. Ser. A. Bd 2. S. 213–214.
65. См.: Campbell F. G. Op. cit. P. 74–76.

iii. ИДЕОЛОГИ ПОСТВЕРСАЛЬСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

М. В. Фридман
(ИСБ РАН)

НИКОЛАЕ ЙОРГА – "АПОСТОЛ РУМЫНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА"

Жизнь и творчество Николае Йорги (1871–1940) – явление уникальное в истории не только румынской, но и европейской культуры. Перечень многочисленных сторон его деятельности поражает воображение. История Румынии, всеобщая история (и прежде всего история стран Балканского ареала), литературоведение, история румынской литературы, культуры, фольклористика, драматургия, поэзия, проза, мемуаристика, публицистика, социология, нумизматика, издание архивных документов, руководство редакционными коллективами газет и журналов, – и многое другое, что, казалось бы, неуместимо в пределы одной человеческой жизни... Его наследие насчитывает 1359 книг и брошюр, свыше 25000 статей. Йорга – основатель и руководитель Института Юго-Восточных исследований (1914), Румынской школы во Франции (1920), Института византологии и Института всемирной истории (1937), Народной академии в Вэлений-де-мунте. В разные времена он – директор Народного театра, ректор Бухарестского университета, министр в правительстве Румынии, его премьер-министр, активный член Румынской Академии наук. Помимо этого, он был избран почетным членом пятнадцати зарубежных академий, доктором гонорис кауза одиннадцати университетов, профессором Сорбонны, руководителем оргкомитета 1-го Конгресса по византологии в Бухаресте в 1924 г. и т. д. и т. п.

Вдумываешься в эти цифры, названия – и начинаешь понимать, что нет особого преувеличения в тех определениях, которыми награждали современники румынского ученого. "Пишет ежедневно по книге, а в воскресенье – целых две"¹, – шутил писатель Ал. О. Теодоряну. "Профессором Титанеску" называли его зарубежные византологи. "Наиболее совершенное, полное, всестороннее творение нашего народа", – уверенно утверждал писатель Н. Жяну: "Одна из тех сил природы, вне которых невозможно постижение народа и его традиций", – вторил французский ученый А. Фосийон². "Полубог культуры", "мессия национальной идеи", "мученик культуры и национальной идеи", "великий ктитор нашей культуры"³... – подобных эпитетов и характеристик множество в трудах, посвященных этой, одной из удивительнейших фигур в румынской культуре XX столетия. И объяснение, конечно, не только в уникальных природных данных, но и в постоянно развиваемых в себе трудолюбии, неутомимости, необыкновенной жажде знаний и готовности поделиться ими, жизнелюбии и растущем с годами желании познать всю цельность бытия.

Судя по библиографии его работ, как заметил писатель Н. Штайнхарт, "невозможно представить себе, что этот человек ел и пил, спал, создавал семью, руководил министерствами, писал дневники, читал курсы в высших школах, что он не пропустил ни одного парламентского или академического заседания, ни одного национального юбилея, ни одной церемонии раздачи премий, что присутствие его ощущалось "под тремя королями" во всех областях деятельности и мысли, что он никогда не отказывался выступить с речью или написать брошюру, что изъездил весь мир и изумил столько университетских аудиторий в этом мире, не забывая при этом порой отпустить и шутку, когда приличную, а когда и сомнительную..."⁴.

Титанические способности и деяния! Но и противоречия не менее масштабные. Талантливейший ученый-универсал – и узкий националист, самой жизнью вынужденный признать (в беседе с королем Карлом II), что фашисты-зеленорубашечники – его "незаконнорожденные дети"; руководитель националистической партии и националистических изданий – и деятель культуры, нашедший в себе силы в

30-е годы решительно противостоять фашизму – доморощенному и германскому и потому обреченный на страшную смерть. Редкая по своим масштабам и трагичности судьба этой возрожденческой личности, “заблудившейся в дебрях 20-го столетия”. Надо ли говорить, насколько в наши дни поучительно обращение к заветам ученого, всю жизнь мучительно, ценой немалых ошибок, искавшего тот рубеж, что отделяет национальный пиетет, трепетное отношение к сокровищнице национальной духовности от националистического, расистского изуверства, и собственной кровью окропившего этот рубеж, – в назидание грядущим поколениям.

Отношение Н. Йорги к истории – лучшее подтверждение известного высказывания, что “для историка не существует мертвых”. “Я ощущаю историю, – писал он, – как будто я зримо наблюдаю ее. Я чувствую себя товарищем, родственником, другом, а порой и соучастником тех, о ком пишу”⁵. При этом человек видится ученому частицей людских общностей – малых и крупных: семьи, класса, нации, всего человечества, и суть личности для него раскрывается в той мере, в какой она представляет ту или иную общность. Отсюда и вывод: учреждения, социально-экономические структуры, политические организации суть “материализованная национальная психология”⁶. Да и сама история есть “порождение психологии большинства национального коллектива, направляемого в той или иной мере выдающимися личностями”⁷. Это широкое половежье духовных сил, бесконечная цепь преобразований, прежде всего внутреннего свойства.

Душа–мысль–дело–поступок, порой творческое усилие – такова цепь, определяющая роль личности в истории. “Странное это дело, – отмечал с улыбкой ученый, – быть приятным Богу только средствами отрицания: не работать по праздникам, не насыщаться в иные дни поста, не любить, как это вменено монахам, вообще не жить”⁸. Не потому ли, размышляет Йорга, румын, человек дела, интересуясь здоровьем собеседника, спросит не “как самочувствие?”, а “что поделываешь?”.

Чтобы стать поистине плодом души, поступок, дело должны быть произведены свободным человеком. Не библейский труд-проклятие, а труд-взнос, труд-вклад лежит в

основе исторического развития. Образцами и уроками такого труда обилён опыт минувшего – вот почему пристальное внимание теоретика румынской национальной идеи обращено к страницам минувшего, давно забытым современниками. Вот почему он убежден, что здоровое развитие общества предполагает наличие определенных условий, важнейшее из которых единство формы (как материального проявления коллективной души) и содержания (этой самой коллективной души). Для становления такого единства Йорга полагал, что общество должно своими силами создавать собственные формы жизни, оберегая себя от опасных воздействий инородных, инациональных начал.

Беды современной жизни, утверждал он, обусловлены тем, что общество "покинуло лоно средневековья". И вот вместо частной инициативы личности и свободы – всеильная тирания государства. Вместо здорового общественного организма, вырабатывающего свои собственные наиболее естественные формы существования, господствуют формы, пригодные для любого общественного содержания. Вместо многообразия свободных личностей – абстрактный человек, назначение которого – обслуживать государство с его бюрократией. Забвение традиций, ощущение органической связи с ними, ставят под угрозу все достижения прошлого. Нравственный нигилизм, отсутствие идеалов, оскудение чувства прекрасного под воздействием поточного производства, экологический беспредел – таковы в представлении Йорги условия существования личности в современном обществе.

Однако "мертвые не соглашаются умереть"⁹, они – живая, составная частица развития не только индивида, но и общества в целом. В этом нет отрицания развития – речь о другом: о необходимости обеспечить здоровый ход исторического становления нации с помощью вклада каждого нового поколения. И все же Йорга не мог не видеть, что в современную эпоху "народ означает нечто иное, нежели прежде. Это уже не унитарное, чистое, завершённое, подобно мраморному монолиту, явление, в которое не проникнуть ничьим корням... Народ растёт за счёт внешних воздействий и очищается, обновляется, отбрасывая отжившее

в своем существе, он умирает и возрождается, старится и омолаживается постоянно. Однако подлинная его сила и значимость в мире определяется его собственной, изначальной энергией, которая и предопределяет его способность к ассимиляции и к воздействию, а также меру отторжения ненужных элементов”¹⁰.

Рассматривая нации как важнейшие действующие единицы исторической жизни, Йорга был убежден, что священный долг каждого ее члена отдать все силы во имя ее превращения в эффективный, действенный фактор творения, а следовательно и обогащения общей сокровищницы человечества. Это предполагало единство и независимость нации, ее развитие в пределах национального государства, подлинный взлет культуры и языка, постоянное обращение к опыту минувшего, укрепление в сознании граждан ряда нравственных ценностей, главные из которых – чувство национальной солидарности и труд во имя родины.

”Государство содействует развитию отличительных черт народа, координирует усилия, направленные на их дальнейшее совершенствование, однако оно должно не отрываться от этих параметров... и остерегаться опередить их. Государство – явление органическое, оно рождается в недрах национальной жизни и постоянно подпитывается ею, сила его обусловлена тем, насколько эта связь прочна и органична”¹¹, – утверждал румынский историк.

Но кто в состоянии определить степень этого соответствия, меру этой органичности? Ученый уверенно отвечал: только традиция. В его понимании, гордость и моральный авторитет нации обусловлены не столько ее материальными достижениями, сколько духовной связью между современниками и предшественниками, накопленным историческим наследием, ибо ”живые и мертвые действуют совместно – во имя обогащения одной и той же сокровищницы”¹².

Вот почему, в представлении румынского ученого, историк – не только исследователь, но и гражданин, которому доверена важнейшая социальная и нравственная функция, – предложить обществу ”традиционные указатели и поправки”. Йорга называл историков передатчиками ”категорического императива солидарности”. ”Историк обя-

зан быть неутомимым глашатаем национальной традиции, – повторял он, – неподкупным свидетелем единства нации, вопреки политическим и социальным различиям, проповедником солидарности и новых идеалов...”

Но не только историк может и должен выполнять этот высокий долг перед родиной. И Йорга это доказал собственной своей деятельностью, посвятив все свои силы, все дарования служению национальному идеалу – объединению румынских земель в единое государство и развитию румынской духовности путями национального возрождения.

Следует отметить, что начало этой деятельности относится к периоду, когда в Румынии заметно усиливаются национально-освободительные тенденции, связанные с борьбой румыноязычного населения Трансильвании за свои права и за присоединение к матери-родине. Основанная в 1891 г. Лига культурного единения румын, в которой вскоре Йорга займет руководящее место, разворачивает по всей стране активную кампанию в пользу быстрее решения этого вопроса. Одновременно это годы кровавых усмирений крестьянских восстаний 1888 г. и 1907 г. Именно национальная и крестьянская проблемы определяли в ту пору в обществе меру патриотизма и прогрессивной гражданственности.

Н. Йорга стал широко известен румынской общественности с 1903 г., когда он возглавил журнал “Сэмэнэторул” (“Сеятель”) и идейное движение “сэмэнэторизма”. С первых же выступлений ученого на страницах журнала стало ясно, что концепционной основой был для него романтически-аграрный взгляд на действительность страны, этой “вечно неизменной патриархальной зоны”, чуждой законам развития современных обществ. Крестьянство выступало в этой концепции главным носителем созидательных сил народа, его традиций и одновременно его будущих свершений. Отсюда вывод Йорги о необходимости перевоспитания господствующих классов, о “единении нации”, основанном на переосмыслении национальных ценностей отечественной культуры, “нравственном оздоровлении” народа.

“Нам нужна новая культурная эпоха, – доказывал Йор-

га. – Надо усвоить раз и навсегда, что крестьянский вопрос – это прежде всего культурный вопрос. Крестьянство нуждается не столько в земле, сколько в благах просвещения...”¹³ При этом культура (как сфера духовных элементов народной души) противопоставлялась цивилизации (как сфере материальной культуры, легко усваивающей инонациональные воздействия).

Решающая роль в реализации подобных взглядов отводилась литературе, создаваемой на принципах “нравственной эстетики”. Это означало, что литература должна была решать задачу воспитания духовного родства между различными классами. Социальный критицизм, описание процессов классового расслоения и т. д. рассматривались в той же мере, что и обращение к опыту зарубежных литератур, как своего рода предательство национальных интересов, в лучшем случае, как опасное заблуждение, несущее культуре, обществу гибель и распад.

Другой важнейшей темой литературы должно было стать изображение “потерянного рая”, блистательного прошлого народа. Идеальным образцом в этом плане было, по мнению Йорги, общество времен княжения в Молдове Стефана Великого (XV в.), когда “честный народ трудолюбивых крестьян” жил единой семьей с “боярами–крестьянами” и “князем–крестьянином”. Именно в ту пору, убежден Н. Йорга, весь румынский народ – вне зависимости от классовой принадлежности – жил единой духовной жизнью, объединенный одним и тем же национальным сознанием. Вместе с тем, это не мешало ученому призывать как историков, так и писателей искать корни отечественной истории в глубинах фракийских недр.

Естественно, что исходя из подобных позиций, румынский ученый должен был стать непримиримым противником новаторских поисков в литературном творчестве, гонителем символизма, натурализма, воздействий французской литературы. Он требует установления высоких пошлин на ввоз в страну иностранных книг, возглавляет студенческие шествия, направленные против театральных постановок на французском языке. Видя в истории родной литературы “летопись борьбы исконных основ с иноземными веяниями”, он в своих историко-литературных тру-

дах уделял основное внимание достижениям минувших столетий, особенно XVIII в., и осознанно игнорировал творения многих писателей конца XIX – начала XX в. И все же при этом большинство работ Йорги в этой области служат читателю и сегодня – "История румынской литературы в XVIII веке", "История румынской литературы XIX века" (Т. I–III), "История современной румынской литературы" (Т. I–II), "История романских литератур в их развитии и связях" (Т. I–III), "История средневекового, нового и новейшего искусства – в ее связях с историей общества", "Синтетическое введение в историю румынской литературы" и др.

Те же позиции нашли отражение и в стихотворных сборниках Йорги, и в его пьесах ("Супруга князя Йеремии", "Воскрешение Стефана Великого", "Тудор Владимиреску", "Георге Лазэр", "Бездомный князь" и др.).

Но, конечно, с 1894 г., когда молодой двадцатитрехлетний Йорга стал вести курс всемирной истории в Бухарестском университете (он читал его вплоть до своей гибели в 1940 г.), историческая наука оставалась главным его занятием, страстью, трудом Сизифа. Путешествия по разным странам мира в поисках архивов, где хранятся следы румынской истории, чередуются с поездками по родной земле от села к селу, монастыря к монастырю – в целях постижения связей прошлого с настоящим. Публикуются работы ученого, посвященные общим проблемам исторической науки ("Заметки о нравственных ценностях истории", "О содержании и форме в процессе поиска исторической истины", "Индивидуализм и солидарность в развитии истории", "Нетленные ценности истории" и даже... "Ренегаты в истории наших княжеств и румынского народа"). Но несравнимо обширнее перечень конкретных исторических исследований, посвященных прошлому родного народа и всемирной истории. Еще в начале века ученый завершает труд "История румынского народа" (на нем. языке), выполненный по просьбе Лампрехта для его коллекции "Истории европейских государств". Важнейшая (7-я) часть труда была озаглавлена: "Пробуждение, борьба и победа национального сознания". Затем год за годом такие исследования, как "История румынской торговли",

"История румынского образования", "История румынской армии" перемежаются с томами капитальных, обобщающих трудов ("История румын", т. I—X, "Исследования и документы относительно истории румын", т. I—XXXI и др.).

Но и этого мало. Одновременно с работой над перечисленными книгами Йорга обращался к освещению отдельных, наиболее ключевых событий в истории Румынии XIX и XX вв. Особое внимание уделял он национально-освободительному движению 1821 г. в Валахии, руководимому Тудором Владимиреску. "Аграрное, экономическое и социальное движение в Олтении в эпоху Тудора Владимиреску", "Современные источники о движении Т. Владимиреску", "Защитник бедных — князь Тудор из Владимирь", "Письма олтенских и валашских бояр и купцов в сибирский торговый дом Хаджи Попа", "Корреспонденция Дмитрия Амана, крайовского купца" и др. — таковы лишь некоторые из аспектов исследовательской работы ученого в этой области. Для него легендарный вождь движения — "первый крестьянский князь страны румынских пахарей".

Более скромен перечень работ, посвященных такому важному этапу румынской истории, как революция 1848 г. в княжествах и Трансильвании. Причину не трудно понять: для Йорга события 1848 г. были обусловлены "сигналом, пришедшим из Парижа", а возглавляли их люди, получившие образование во Франции и других западных государствах.

1859-й — год объединения Молдавии и Валахии в единое государство Румыния. Убежденный, что этот акт представляет уже "половину реализации национального идеала", ученый посвящает ряд обширных трудов событиям 1859 г. и личности первого господаря страны — Александру Иоана Кузы: "Объединение княжеств, рассказанное румынам по случаю пятидесятилетия со дня основания румынского государства", "Развитие идеи политического единства румын", "Письма и другие документы, связанные с объединением княжеств", "Объединение румын" и т. д.

Следующим важным шагом на пути становления современного румынского государства была война за независимость 1877—1878 гг. Естественно, что ученый-историк не мог пройти мимо него. И опять поражает широта пози-

ций, с которых Н. Йорга приступает к исследованию этого этапа отечественной истории. Сперва появляются труды: "Внешняя политика короля Кароля I", "Дипломатическая переписка в годы правления Кароля I" и лишь затем обширная монография "Война за независимость Румынии" (1927 г.).

"Всю жизнь одержимый идеей объединения", по собственному признанию ученого, он стал в годы первой мировой войны активнейшим участником борьбы за воссоединение румынских земель. И здесь масштабы работы историка, публициста, политика – совершенно поразительны. С одной стороны, "Советы и поучения румынскому воину", с другой – трехтомная "Наша война в ежедневных записях". С одной стороны, на французском языке, двухтомник "Истории румын в Трансильвании и Венгрии", с другой – "За воссоединение нашего народа. Речи военной поры". И еще на французском – "Дунайский вопрос и румыны", "Происхождение и развитие австрийского государства". И в ту же военную годину – "Немецкая мысль и дело", "История франко-румынских отношений", "История русско-румынских отношений", "История англо-румынских отношений".

Отметим при этом, что Н. Йорга считал себя прежде всего специалистом по всеобщей истории. Помимо университетских курсов, которые он читал на протяжении сорока шести лет, он обращается к разработке ряда проблем мировой истории, в которых в той или иной мере пытается высветить место и роль родного народа: "Заметки неспециалиста об античной истории", "Французская революция и Юго-Восточная Европа", "История балканских стран", "Византийское царство", "История византийской жизни", "Византия после Византии", "История Османской империи" (Т. I–V, нем. яз.), "Заметки и выдержки, необходимые при создании истории крестовых походов XV века" (Т. I–VI, франц. яз.). За ними последуют – "Развитие политических и социальных институтов Европы", "Элементы единства средневекового, нового и современного мира", "Взаимоотношения Востока и Запада в средние века", "Взаимопроникновение Запада и Востока в эпоху Средневековья", "Эссе о синтезе истории человечества", "Всемирная история в литературных свидетельствах".

И лишь после этого Йорга пишет – как своего рода итог научных занятий последних лет – исследование "Место румын во всемирной истории" (Т. I–III).

При этом он еще успеваеt регулярно сотрудничать в руководимых им газетах и журналах ("Румынское племя", "Цветок даров", "Ясная совесть", "Исторический журнал" и др.), составляет книги для чтения, необходимые крестьянам и ремесленникам, издаеt для солдат сборники высказываний всемирно известных мыслителей (например, "Чтобы быть сильнее в эти трудные дни"). За два года войны (1916–1918) публикуеt на страницах "Румынского племени" около четырехсот статей. Другой пример: за один только 1935 г. состоялось почти 180 его выступлений перед аудиториями разных стран.

Не надо забывать, что при этом Н. Йорга оставался постоянно активным участником политической борьбы, стремился использовать все возможности, предоставляемые полномочиями депутата парламента, министра, а затем и премьер-министра во имя все той же цели – "нравственно-го возрождения" страны. Немалыми ошибками отмечен его политический путь – организацией националистических обществ типа Братства истинных румын, союзом с таким махровым реакционером, как А. К. Куза, руководителем национал-демократической партии и т. д.

Подобные "перехлесты" наблюдались и в других областях деятельности Н. Йорги (ошибочные литературоведческие и историко-литературные оценки, искаженное – в угоду своим концепциям – толкование различных исторических событий и эпох и т. д.).

Настал однако период – после 1920 г. – когда он воочию увидел конкретные последствия экстремистской интерпретации тех идеалов, которым следовал всю жизнь. В эти годы стремительно набираеt силу течение "ортодоксизма", крайне правое, мистико-религиозное движение, теоретики которого (прежде всего, поэт и богослов Н. Крайник) утверждали, что в формировании румынского национального характера основополагающую роль играла религиозная мистика. Узость концепции Н. Йорги, по их мнению, состояла в том, что "используя религиозный мистицизм в рамках национализма, он делает упор лишь на нравствен-

ность”¹⁴. Между тем, задача заключалась в том, чтобы всячески реанимировать иррациональные элементы традиции, выявлять в ней “частицы прирожденного православия византийского толка”, вернуть к жизни “мифы крови”, “трансцендентальное вещество этноса”.

Столь же чуждо позициям ученого-гуманиста было и другое популярное в межвоенные годы учение “трэиризма”, разработанное университетским профессором Нае Ионеску. Суть его – в утверждении мистической экзальтации как формы высшего существования. То была философия действия во имя того, чтобы преодолеть “страх смерти” и спастись с помощью “поступков”, “приключений”, направленных на возвышение этнического коллектива. Это предполагало “культ смерти”, “радостной гибели”, “жертвы” и, одновременно, “культ сильной личности”, “сверхчеловека”. Именно подобные идеи и вдохновляли последователей гитлеризма в Румынии – членов “Железной гвардии”. “Бригады смерти”, террористические акты, избиения представителей других национальностей, убийства политических деятелей становятся все более частыми явлениями в политической жизни страны. Оказавшись – помимо воли Н. Йорга – своего рода “лабораторией” его изначальных идей, эти трагические события ясно показали ему, где та грань, тот рубеж, который разделяет две непродуманные позиции в национальном вопросе. Это была грань между верой и суеверием, убеждением и предрассудком, утверждением духовного единства и поиском биологического родства по составу крови, национальной гордостью и национальным эгоизмом. Между “всемирной отзывчивостью” и мертвящим национально-культурным изоляционизмом. Между терпимостью и “охотой на ведьм”, верой в разум, в “мыслящее творчество” и апологией примитивизма, мистицизма, идеализацией самых мрачных страниц родной истории.

Для Йорги не было никаких сомнений, на какой стороне он находится. “Благодаря некоторым горячим защитникам национальной идеи, – констатировал он в 1940 г., незадолго до своей гибели, – поистине одержимым дьяволом, готовым на любые проступки, несправедливости, жестокости в убеждении, что в их этнической природе содержится

нечто совершенно особое, таинственное, дающее право угрожать, повелевать, властвовать, эксплуатировать, денационализировать, уничтожать, — эта идея превратилась в чудовище”¹⁵. Или в другом месте: “Ныне много говорят о расах и расизме — встает даже вопрос о соответствующей политике. Между тем, не существует раз и навсегда сформировавшихся рас, которые в состоянии оберегать себя от инородных инфильтраций... Антропология с ее несомненными аргументами — самый убедительный противник жестоких расовых теорий”¹⁶.

В многочисленных выступлениях, в ответ на часто получаемые письма с угрозами расправы, он противопоставляет ортодоксизму “подлинную традицию, нормальную преемственность, логическое человеческое постоянство в идеях и чувствах”. В ответ на упреки Крайника и его соратников, что он, в сущности, отпирается от идей, чьим первым выразителем был когда-то, Йорга решительно отмежевывается от своих “незаконнорожденных отпрысков”, отказывается видеть в них своих продолжателей. Он смело обвиняет их в измене национальным интересам страны, в союзе с самыми реакционными силами Европы, противопоставляя их бредовым идеям свою убежденность в значении “нравственной чистоты” как важнейшего компонента национального самосознания. Он порывает со своим прежним союзником А. Кузой, отказывается читать лекции экстремистски настроенным студентам, выступает на страницах своей газеты “Румынское племя” с серией статей, направленных против угрозы гитлеризма в Европе, “национал-христианства” в Румынии. “Сколько поколений боролось за торжество национальной идеи! Суть ее заключалась в формуле: освободить, чтобы воспитать и возвысить. То был один из великих символов веры в мире. Ныне же определенные люди, не знающие религиозного трепета и нравственной узды, не имеющие глубоких реальных знаний, извратили идею и в таком извращенном виде передали миллионам, которых им удалось себе подчинить. Сегодня в определенных частях света национализм означает порабощение других и последовательное уничтожение всей их цивилизации”¹⁷. Пророчески звучат слова ученого, сказанные им в 1940 г.: “История — великое судилище,

суду подвергаются народы и нации, кажущиеся триумфы завершаются подлинными катаклизмами, национальными бедствиями, которые, как показывает пример современной Германии, чреваты неминуемой катастрофой”¹⁸.

Одновременно происходят и знаменательные перемены в самих идейных позициях “апостола румынского национализма”. Смягчаются традиционалистские препоны, оценки неугодных прежде литературных и политических явлений, начинается сближение с левыми демократическими силами (например, с объявленным вне закона демократическим студенческим фронтом, которому он предоставил для собраний помещение Культурной лиги)¹⁹. В научных изысканиях последних лет жизни Н. Йорги все ярвственнее ощущается стремление возвести национальную идею на уровень общечеловеческих ценностей.

Эпилог известен: последовала жестокая расправа фашистской “бригады смерти” над старым, беспомощным, но не сломленным ученым. 27 ноября 1940 г., исполняя указания берлинских хозяев (Гитлер считал румынского ученого своим личным врагом), убийцы–железнодорожники увезли Н. Йоргу из загородного дома и по дороге в Бухарест предали мученической смерти.

Трагическая концовка, обусловленная столкновением двух непримиримых форм эволюции – замечательного ученого, неустанно очищавшего по мере накопления житейского, научного, политического, литературного опыта – свою национальную идею от воздействий экстремизма, и отравленных фашистской идеологией социальных сил, столь же неустанно оснащавших идеи “апостола национализма” губительными приправами мистицизма, “мифа крови”, “культы смерти” и др.

Уроки жизни и смерти румынского ученого нужны сегодня человечеству больше, чем когда бы то ни было. Никто не сказал о нем лучше, чем он сам: “Я жил, чтобы возродить душу человеческую, даже тогда, когда в ней не было источников жизни”.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Steinhardt N. Intre viață si cărti. Buc., 1976. P. 36.
2. Oprescu G. Un mare istoric de artă prieten al românilor // Analele Academiei Române. Buc., 1942.
3. N. Iorga Interpretat de... Buc., 1979.
4. Steinhardt N. Op. cit. P. 35.
5. Iorga N. O viață de om așa cum a fost. Buc., 1976. P. 7.
6. Iorga N. Generalități cu privire la studiile istorice. Buc., 1944. Ed. III. P. 146.
7. Ibid. P. 152.
8. Iorga N. Sfaturi pe întunec. II. Buc., 1940. P. 96.
9. Iorga N. O viață... P. 5.
10. Iorga N. Generalități... P. 89.
11. Iorga N. Sfaturi pe întunec. I. Buc., 1940. P. 214.
12. Ibid. P. 205.
13. Sămănătorul. 1905. No. 46.
14. Gîndirea. 1929. IX. No. 11. P. 329.
15. Iorga N. Sfaturi... II. P. 328.
16. Iorga N. Generalități... P. 248.
17. Neamul românesc. XXXV. 16 martie. No. 62.
18. Zamfirescu D. N. Iorga. Etape către o monografie. Buc., 1981. P. 144.
19. Constantinescu M. N. Iorga. Familia. An I. No. 3.

ЛУЧИАН БЛАГА – РУМЫНСКИЙ ФИЛОСОФ И ПОЭТ "НОВОЙ ЕВРОПЫ"

Творчество румынского философа и поэта Лучиана Благи (1895–1961) охватывает несколько, пожалуй, наиболее бурных десятилетий XX в. Первая его книга вышла в 1919 г., последняя – посмертно в 1962 г. Мировая война и воссоединение родной поэту Трансильвании с Румынией в 1918 г., драматическая история политического и экономического становления "Великой Румынии" в межвоенный период, в том числе и "трех диктатур" в 30-е годы, приведших страну к губительному участию во второй мировой войне на стороне фашистских государств, сокрушительное поражение, поставившее Румынию на грань катастрофы, переворот в августе 1944 г., а затем изгнание короля Михая и превращение королевства в республику, трудные испытания, сопровождавшие так называемые социалистические преобразования буржуазно-помещичьей экономической структуры – эти и другие заметные вехи исторического развития страны в той или иной мере нашли отражение в творческих поисках и общественно-политических позициях Благи, одного из наиболее ярких деятелей румынской культуры XX столетия.

Однако для постижения своеобразия мировоззрения Благи недостаточно ограничиться учетом особенностей исторического пути его родины и ее культуры только в XX в. Необходимо помнить и о характеристиках природно-культурного единства, которое формировалось и сохранялось на протяжении долгих тысячелетий на Балканах и обусловило неповторимые черты балканской модели мира. Синтетические тенденции этой модели мира, как известно проявились не в последнюю очередь в таком комплексе культурных исканий, в котором стремление к сохранению и развитию наследия специфически обогащалось умением осваивать внешние культурные импульсы, новые воздействия и влияния¹.

Роль и значение начального этапа деятельности Л. Благи в сложнейших условиях румынской действительности 20–30-х годов достойны – в этом контексте – глубочайшего внимания. Подчеркнем, что это период резкой поляризации сил в общественно-политической и культурной жизни страны. Тогда обе вышеуказанные тенденции – развитие традиций и освоение внешних импульсов – оказались, за редким исключением, особенно в 30-е годы, в непримиримом противостоянии. С одной стороны, множились и усиливались традиционалистские группы и течения – от умеренных до экстремистских. Особенно выделяется, приобретающая все большее число идеологических и политических сторонников, движение "гындиризма" (от названия журнала "Гындирия" – мысль). По утверждению главного его идеолога поэта Н. Крайника, спасти патриархальные устои румынской духовности от напора современной "губительной" западной цивилизации мог лишь православный византизм в форме "духовной диктатуры креста". "Стилистическую матку" культуры Румынии Крайник представлял в виде ряда "бездн", неосознанных координат, позволивших народу отгородиться от истории "в пределах внеисторической жизни органического типа"². Ожесточенная борьба с веяниями западных цивилизаций приводила гындиристов, в конечном счете, к апологии мистических "наваждений", тоталитаризма, фашизма. Вопрос о далеких предках и их культурном вкладе перерастал в проблему "мифа крови", иррационального культа смерти, мистических экзальтаций, как формы высшего выражения человеческого существования.

Но еще более крайние позиции занимало движение "трэристов" (от "трэире" – переживание), возглавляемое профессором логики и философии Бухарестского университета Нае Ионеску. Основой концепции трэиризма – этой причудливой смеси мистического православия, неотомизма, теософии и азиатской мистики – был экзистенциалистский нигилизм. Философия "переживания" сводилась к тому, что "сущностные проблемы мира следует не понимать или разрешать, а только "переживать"³. Синонимом "переживания" была мистическая экзальтация, культ смерти, радостной гибели, "жертвы" во имя возвышения этничес-

кого коллектива. Естественно, что все это было доступно прежде всего "сильным личностям", "безнравственным сверхчеловекам".

Философия трэиризма стала основной составной частью программ фашиствующих группировок молодежи Румынии в 30-х годах. Предметом постоянных нападков со стороны гындиристов и трэиристов и их политических сторонников (национально-христианская партия, "Железная гвардия" и др.) были представители либерально-демократических движений, прежде всего "синхронистов", возглавлявшихся критиком Э. Ловинеску. Согласно его концепции, существовал некий "закон подражания", вызванный к жизни единым "духом века", свойственным каждой эпохе. Обусловленная этим "единым духом" взаимозависимость культур приводила к тому, что более отсталая должна "синхронизироваться" с более развитой в соответствии с законом интеграции и мутации ценностей. Автономия эстетического, его свобода от воздействия всяческих общественных, этических и этнических начал как нельзя лучше содействует этой "синхронизации" культурных ценностей разных стран. Именно подобные тезисы лежали в основе призывов Ловинеску создать культуру городов, далекую от "сеятельских" иллюзий, осваивать достижения западноевропейской культуры, ее "аналитического урбанизма" и т. д. Нет сомнения, что концепция "синхронизма" во многом питала программные документы либеральных, буржуазно-демократических политических сил Румынии в межвоенный период, да и сама "подпитывалась" их идеями.

Промежуточное положение занимали менее влиятельные идейно-эстетические направления, такие как "неопоранизм" ("неонародничество"), сторонники которого группировались вокруг журнала "Вьяца ромыняскэ" ("Румынская жизнь") и утверждали, что находятся на полпути между традиционализмом и европеизмом, и группа теоретиков-марксистов (критики, прозаики, поэты), ратовавшие, с одной стороны, за сохранение всего "ценного" в культуре прошлого, разумеется, с позиций классовой борьбы и интересов "атакующего класса", а, с другой, за ничем не ограниченное подражание опыту советской культуры и социалистического строительства в СССР.

Обострившаяся до предела в 30-е годы полемика между "архаистами" и "новаторами", традиционалистами всех мастей и европеизаторами в области критики и культуры придавала особую актуальность проблеме выбора пути развития румынской государственности: крепить ее в тесном контакте с цивилизацией и культурой западно-европейских стран или же в условиях изоляции и противопоставления себя другим народам и культурам?

Лучиан Блага – поэт и философ, представитель тех здоровых творческих сил в румынской культуре, которым выход из этого противостояния виделся в специфическом сочетании лучших, глубоко осмысленных, национальных традиций с новаторскими поисками других цивилизаций и культур. Это тем более важно подчеркнуть, что поэт был активным сотрудником журнала "Гындиря", направленность которого определялась позициями Н. Крайника. Более того, он принадлежал безо всякого сомнения к поколению "четвертой волны" обращения к национальным истокам и сам отмечал, что его творчество более традиционалистично, нежели обыкновенный традиционализм, ибо оно возобновляет связи с изначальным духовным достоянием, не искаженным воздействием различных культурных течений современности. Следует подчеркнуть однако, что румынский мыслитель никогда не связывал свои воззрения с сиюминутными политическими коллизиями. И все же ему трудно было оставаться вне политики (хотя он неоднократно пытался это сделать), так как помимо его воли различные политические силы правого толка, разрывая на части его цельную философскую и историко-культурную систему, жадно присваивали себе то, что их более всего в ней устраивало. При этом на первых порах они делали вид, что не замечают основного постулата системы Блага – его тезис, что румынская "стилистическая матрица" должна осуществить синтез двух духовных стихий – восточной и западной, причем понятие Запада не ограничивалось у него латинским миром, а понятие Востока не сводилось лишь к православию.

Кроме того, хотя Блага не высказывался прямо по проблемам социологии, политологии, устройства общественного организма, его философия культуры предполагает

ла – и с каждым годом все настойчивее – совершенно иную концепцию истории, нежели гындиристская. Отбрасывая гындиристское понятие "провидения" и его роли в многовековом существовании румынского народа, Блага считал историю плодом чисто человеческой деятельности. Певец "магического мышления", "мифа предыстории", он вместе с тем не соглашался с Н. Крайником в том, что исторический прогресс несет с собой гибель всего творческого, что "цивилизация" губит культуру, "дух" уничтожает "душу" и т. д.⁴

Говоря о творчестве скульптора К. Брынкуша, смелого обновителя искусства ваяния, Блага подчеркивал: Брынкуш велик благодаря сопричастности его таланта прародительским, мифологическим основам жизни родного народа, ибо обмен тайнами с предками – единственная гарантия силы и достоверности⁵. Теми же словами можно сказать и о самом Благе, так как к этому "обмену тайнами с предками" он стремился на протяжении всей своей жизни. Все его творчество, культурфилософские работы – "Трилогия познания" (1943), "Трилогия культуры" (1944), "Трилогия ценностей" (1946) – тому подтверждение. Художественными образами, новыми философскими и историко-культурными категориями, предложенными им, утверждаются такие положения его концепции, как-то: культура есть результат усилий человека узнать тайну бытия, она призвана средствами метафоры раскрыть эту тайну; именно мифы и следует рассматривать как средство метафорического познания тайны; лучшими пространственными пределами, в которых такое раскрытие тайны возможно для румына, надо считать так называемое "миоритическое пространство" (горный край, где родилась замечательная народная баллада "Миорица"); именно "село-идея" является "центром мира", вследствие чего румынам удалось бойкотировать историю, т. е. проявлять к ней такое отношение, при котором игнорируются катастрофические последствия событий. Этой позицией было обусловлено и то внимание, которое Блага считал нужным уделять нелатинскому – дако-гетскому (фракийскому), а также и славянскому фонду румынской культуры⁶.

Итак, философ остро ощущал необходимость в новом

осмыслении явлений бытия. Средством такого осмысления была для него всеобъемлющая субъективная интерпретация действительности, освобождение от пут прямолинейного рационализма, ибо, по глубокому убеждению Блага, искусство обязано дополнить жизнь, как бы позволяя человеку увидеть свой облик на фоне вечности, в отрыве от бренных человеческих дел, в прочной связи с космосом, вселенной, с "запредельным". Блага стремился выразить свое понимание задач "минус-познания", в котором тайны не только высвечиваются, но, наоборот, тем меньше раскрываются, чем больше их стремятся понять. Утверждая, что истину следует не только объяснять, но и углублять таким образом, чтобы "превратить ее в еще бо́льшую тайну", румынский философ на самом деле был убежден, что открывает неограниченный простор воображению, поискам нового познания, невозможного на путях рационального постижения мира. Образцы такого "минус-познания" он находит в глубокой древности, в той исторической эпохе, когда зарождались мифы. Именно в "магическом познании", мифологическом мышлении содержатся зерна тех "тайн", объясняющих жизнь, над которыми размышляет поэт. Тяготение к мифу есть для него форма выражения сущностного, метафизического. От мифа, тайны, космического — к абсолютному, трансцендентному — таков путь поэтического и философского познания Блага.

Эти и многие другие элементы его концепции представлялись наиболее ярким националистам достаточно убедительным свидетельством близости поэта к основам учения о православно-византийской природе румынской духовности, о необходимости "диктатуры креста". Теоретики национал-христианской партии, "Железной гвардии" стремились отыскать в этих философских, историко-культурных и чисто поэтических построениях Блага привлекательные аргументы для своих демагогических концепций. И на первый взгляд могло показаться, что между позициями двух сторон немало общего, как в отношении к этносу и традиции, так и в трактовке соотношения "культуры" и "цивилизации".

Постепенно однако выяснялось, что между двумя концепциями мало общего. И красноречиво убеждала в этом

не только "языческая ересь" лирики Л. Блага, с каждым новым поэтическим сборником становившаяся все более явной⁷, не только каждая новая философская работа. Об этом же говорила с особой убедительностью его публицистика, оказавшаяся своеобразным полигоном, на котором философ-поэт разрабатывал свои идеи "эквивалентности культур" и необходимого для румынской культуры "европейского кругозора".

Еще в 1921 г. Блага так определял "животрепещущие вопросы", которые более, чем когда бы то ни было раньше, требовали ответа: каким должно быть отношение к культуре Запада и Востока? Принимать эти культуры или нет? А если да, то в какой мере? Ответ его с самого начала не оставлял места для сомнений: "Оригинальность народа проявляется не только в принадлежащих ему творениях, но и в том, как он усваивает и иные, широко распространенные мотивы"⁸. Развивая эту мысль, поэт доказывал, что в румынской культуре, пронизанной рационалистическим духом, перспектива универсальности содействует выявлению глубинных особенностей национальной румынской души. При этом он считал себя обязанным уточнить, что речь идет не о рабском заимствовании, а об ассимиляции мотивов в полном соответствии с внутренним этническим ритмом, со специфической духовной динамикой.

В этой связи Блага высказывал довольно спорное суждение о двоякой природе культурных воздействий: одни бывают "каталитическими", творческими ("осваивая инонациональное, будь еще больше самим собой"), другие "нивелирующие" (они будто призывают: "осваивая наш опыт, делай так же, подражай")⁹. К первой разновидности Блага относил немецкую культуру, ко второй – французскую. Заметим, что в своих конкретных оценках Блага сам опровергал это слишком категоричное утверждение, да и сама история межкультурных связей не дает оснований для подобного кардинального деления.

Об этом же свидетельствуют и рассуждения Блага о сущности "эквивалентности культур", идеи, заимствованной, по его же признанию, у "русских славянофилов", в частности, в трудах Е. Н. Трубецкого. "Не существует культурных приматов, – утверждает Блага. – Примат куль-

туры, который позволил бы нам судить через ее ценности обо всех прочих культурах, – иллюзия. Эквивалентность культур... – это выражение мощной духовной близости народов, преодолевающей не только легко забываемые политические рубежи, но и более трудные, разделяющие расы, моря и горы”¹⁰. Правы исследователи, утверждающие, что эти тезисы Благи были следствием расширения его исходных позиций в результате воссоединения Трансильвании с Румынией. После осуществления главного политического идеала духовность выдвигается на передний план под знаком размышлений о глубинных корнях явлений и высшего смысла существования.

Содействовала этому и дипломатическая карьера Благи: он был пресс-атташе посольства в Польше, и именно в это время сформулировал свою концепцию ”обмена тайнами с предками”; затем он советник по делам культуры в Берне, где его пьесы идут на немецком языке; наконец, он полномочный посол Румынии в Португалии. Библиотеки и музеи Берлина, Рима, Парижа, Лиссабона были ему хорошо знакомы. Прекрасное знание мировой культуры, глубокие раздумья над сущностью происходивших в ней процессов в ХХ в. позволили ему стать и одним из лучших переводчиков Румынии: широко известны в стране переводы Благи – от гетевского ”Фауста” до произведений современных поэтов.

Важно отметить, что необходимость создания ”европейского кругозора” в румынской культуре Блага обосновывал не только внешнекультурными задачами. Он усматривал в ней отражение самой изначальной сути происхождения румынского народа. Возражая тем, кто ”ослепленные латинской исключительностью... видят, например, в творчестве Достоевского всего лишь чудовищный курьез”, художник напоминал: ”В румынской духовности доминируют латинские, глубоко культурные начала. Однако мы обладаем и богатым славяно-фракийским достоянием, активным, жизнедеятельным, и сколь бы мы ни сопротивлялись ему, оно порой вырывается из глубин неведомого и мощно проявляет себя в сознании. Латинская симметрия и гармония часто оказывается нарушенной этой бурей... Это мятеж нашего нелатинского фонда”¹¹. Этим Блага объяс-

нял тягу румынской духовности к универсальности, к преодолению тесных рамок национальной обособленности¹².

Гармоническое сочетание стремления к формированию "европейского кругозора" румынской культуры с поиском новых путей осмысления национального наследия должно было убедительнее всего сказаться в самом творчестве поэта-философа, в его художественных произведениях. Следует со всей убежденностью подчеркнуть, что если в кругах теоретиков и практиков "гындиризма" делались неоднократные попытки "примерить" возможности современного искусства к традиционалистской задаче воскрешения "крови предков", то единственный подлинно большой художник слова, связанный с этим движением, которому эта задача вполне удалась, был Лучиан Блага (правда, в форме, которая оказалась для "гындиристов" совершенно неприемлемой).

Но основной причиной разрыва Л. Блага с журналом "Гындирия" и его руководителем оказались его высказывания, в которых он все решительнее (это было в пору торжества самых изуверских идей "гындиризма" и "трэиризма") отходил от концепции "диктатуры креста" и мистического православия. Итак, попытки вовлечь знаменитого философа, поэта, драматурга в политические акции оказались тщетными. Самые видные представители правых, фашистских течений подвергают Благу подлинному остракизму, приписывая ему "языческие", антихристианские, антипатриотические настроения. Его неприятие расизма, концепции сверхчеловека и других откровений фашистского толка приравнивались в конце 30 – начале 40-х годов к предательству интересов родины. В 1942 г. эти нападки достигли высшей точки. Напомним, это был год "победного" наступления румынских войск против армии Советского Союза. И несмотря на жесткие тиски цензуры, преследования инакомыслящих, немало демократических деятелей культуры, политиков встают на защиту Л. Блага (Ш. Чокулеску, Д. Д. Рошка, Й. Йордан, П. Комарнеску, Перпессичус и многие другие).

Таким образом борьба в защиту позиций Л. Блага – помимо его воли – служила сплочению демократических сил румынской культуры в пору, когда единство этих сил было

как никогда ранее особенно необходимым.

Пройдут годы – и после установления основ "социалистической Румынии" Блага опять станет неуютным: творчество его будет отодвинуто, книги окажутся в самых темных углах книгохранилищ, а сам он будет влачить жалкое существование. Но ни правый, ни левый экстремизм не смогли и не смогут умалить вклада замечательного сына румынского народа в сокровищницу мировой культуры.

Известный румынский критик П. КонстантINESКУ справедливо отмечал в 1942 г., что с некоторых пор иные "трэ-иристы" и "гындиристы" изображают Л. Блугу "самым опасным врагом национальной духовности. Между тем идеологическая позиция Блуги мирит эстетизм с этническим духом, румынскую специфику с универсальностью; культурализм перерастает у него в творчество, регионализм – в целостность национальной духовности"¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом: Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
2. Mîcu D. "Gîndirea" și gîndirismul. București, 1975. P. 60–65.
3. Подробнее см.: Фридман М. В. Идеино-эстетические течения в румынской литературе XIX–XX вв. М., 1989. С. 202.
4. Mîcu D. Op. cit. P. 202.
5. Цит. по: Popescu T. Specificul național în doctrinele românești. Cluj-Napoca, 1977. P. 206.
6. Подробнее см.: Popescu I. M. O perspectivă românească asupra teoriei culturii și valorilor. Bazele teoriei culturii și valorilor în sistemul lui Lucian Blaga. Buc., 1977.
7. См. об этом: Осипова Н. О "языческой ереси" в лирике Лучиана Блуги // Миф. Фольклор. История. Литература. М., 1992. С. 36–39.
8. Цит. по: Popescu T. Op. cit. P. 230.
9. Ibid. P. 233.
10. Blaga L. Ceasornicul de nisip. Cluj, 1973. P. 81.
11. Ibid. P. 48.
12. Элиаде М. Беседы с Лучианом Блугой // Румынская литература. 1992. № 6–7–8. С. 89.
13. Constantinescu P. Lucian Blaga în ediție definitivă. // Vremea. XVI. № 666. 1942. 20 septembrie. P. 7.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЛЕОНА ВАСИЛЕВСКОГО НА ПРОБЛЕМЫ НАЦИИ, НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

К началу XX в. одной из насущных проблем общественной мысли стало исследование национальных явлений, возникших в ходе исторического развития в "новое время"¹ и ставших "могучей общественной и политической силой"². Наиболее заметными в этой области стали работы Э. Ренана, М. Вебера, О. Бауэра и К. Реннера, К. Каутского и др., определившие различные направления изучения проблем нации, национализма. Обращение к национальной проблематике наряду с философами, социологами многих политиков привнесло новый аспект – необходимость увязывать теоретическую разработку национального вопроса с практическими задачами. Так, перед идеологами австрийской социал-демократии стояла задача поиска альтернативного варианта реорганизации Австро-Венгрии и сохранения ее как государственного образования; им стала программа "культурно-национальной автономии". Работы австромарксистов расширили предмет исследования и существенно повлияли на изучение проблем национальных отношений.

Национальная идея стала базовой для новых политических партий и течений, появившихся в этот период. Типичным примером может служить Польская социалистическая партия (ППС), оформившаяся в 1892 г. Постулат независимой демократической республики (одно из главных положений организационного Парижского съезда), который вообще явился первой постановкой национального вопроса в рамках социалистической доктрины, означал, что главной целью для руководства ППС было восстановление национальной государственности. Главным экспертом партии по национальному вопросу стал Леон Василевский (1870–1936). Идеолог так называемых "старых" в ППС (лондонское руководство партии), заметная фигура в ППС–"фракции" после раскола в 1906 г., редактор партийной

прессе, активный политик в годы первой мировой войны (в Конвенте Организации А, ПОВ) Л. Василевский не оставил политической деятельности и после восстановления Польского государства, но тогда большее значение для него имела научно-организационная работа: в 1924 г. он занял пост руководителя Института исследования новейшей истории Польши (в 1929–1937 гг. институт под редакцией самого Л. Василевского издавал журнал "Неподлеглоць" ("Независимость")³, освещавший различные аспекты польской национально-освободительной борьбы и восстановления национальной государственности, а с 1931 г. возглавил Институт изучения национальных проблем.

Вопросы национального развития оставались в центре внимания Л. Василевского на протяжении всей его политической и научной карьеры. Первое его обращение к национальной проблематике еще в 90-е годы XIX в. было вызвано прежде всего профессиональным интересом историка, исследователя этно-лингвистических процессов в Восточной Европе, в первую очередь на восточных окраинах бывш. Речи Посполитой⁴. В дальнейшем его исследования стали иметь все более практический характер, он принимал самое деятельное участие в выработке одного из партийных направлений, которое отчетливо прослеживается с 1907 г. Таким направлением была признана активизация сепаратистской пропаганды на окраинах Российской империи, главным образом, на Украине, в Литве и Белоруссии, поскольку в достижении независимости Польши, по мнению руководства ППС, особую роль должны были сыграть национальные окраины. Теоретической базой политики ППС в этом направлении стала концепция создания "демократической федерации" на восточных землях бывш. Речи Посполитой, в разработке которой участвовал и Л. Василевский⁵. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает его точка зрения о необходимости этнических границ в обозначенном регионе и определение польской, белорусской, литовской и украинской этнических территорий, особенно в свете разграничения в рамках Версальской системы; с этими вопросами ему пришлось иметь дело и на практике как на посту министра иностранных дел (1918–1919 гг.), так и будучи главой польской разграничительной

комиссии на востоке (1921–1924 гг.). Ряд его работ, прежде всего фундаментальное исследование "Литва и Беларусь" (1913)⁶, позволяет говорить о Л. Василевском как о серьезном историке. Обилие фактического материала, важнейшие статистические данные, глубокое знакомство с предметом делают его работы незаменимыми при изучении этого региона⁷.

Рассмотрение Л. Василевским совокупности проблем национального развития в теоретическом плане в большей степени относится к межвоенному периоду. Накопленный фактический материал, богатый практический опыт, изучение теоретических трудов современников, из которых он наиболее высоко оценивал исследования Э. Ренана, О. Бауэра и К. Реннера, позволили ему подняться до уровня теоретических обобщений в своих работах.

Методология изучения национальных явлений определялась Л. Василевским, исходя из признания динамичности самого предмета исследования. Сложившиеся определения, по мнению Л. Василевского, не отражают сущности тех совокупных явлений, которые обычно относят к проблемам нации и национального развития; поэтому они должны носить инструментальный характер. Кроме того, Л. Василевский обратил внимание на склонность исследователей, описывающих те или иные черты собственного народа (национальности), придавать им характер типологический, в то время как в этой области ученый имеет дело с совершенно особыми, отличными – "во времени и пространстве" – типами. Так, Л. Василевский выделил различные типы "государств-наций". Например, для французского типа "государства-нации" характерно "появление из различных этно-языковых элементов политически единого народа, объединенного общим национальным, государственным и патриотическим чувством"⁸. Отдельные его ветви "в народных массах не перестают говорить на своих собственных языках, зачастую совершенно чуждых не только литературному французскому, но даже и целой романской ветви, как бретонский или баскийский, фламандский или немецкий. Но интеллигенция является французской, в независимости от того или иного территориально-племенного происхождения"⁹. Вообще роль интеллиген-

ции как главной носительницы национального сознания у Л. Василевского подчеркивается повсеместно. В соседних с Францией странах – Бельгии и Швейцарии – существуют, по мнению Л. Василевского, два "государства-нации" несколько иного плана. Так, в Швейцарии можно говорить об одном народе, однако он уже в гораздо меньшей степени однороден ввиду культурной общности отдельных его частей с соседними государствами (Германией, Францией, Италией), а "Кальвин и Руссо, несмотря на свое швейцарское происхождение, – одни из главных звезд на небосклоне французской цивилизации".

Анализируя те критерии нации, которые в современной ему социологической литературе встречались наиболее часто (общность происхождения, территории, государства, полная социальная структура, формирование литературного языка, культурных особенностей, исторических традиций и национального самосознания), Л. Василевский включил в число сущностных принципов нации только национальное самосознание. По его мнению, такое "максимальное" определение нации приводит к отрицанию существования целого ряда "не вызывающих сомнения наций", а каждая из черт, взятая в отдельности (кроме последней), сама по себе недостаточна.

Л. Василевский подчеркивал, что сущность национальности (нации) составляют процессы социально-исторические¹⁰, но его модель может быть названа скорее чисто эволюционной, поскольку она не учитывает социальной динамики¹¹. Процесс формирования нации "как явления исторического, возникающего в течение длительного отрезка времени"¹², происходит, согласно Л. Василевскому, по примерно следующей схеме. "Сырая этническая масса, под воздействием самых различных факторов, из которых наиболее важным является государственная организация, постепенно плавится в народ, который, благодаря теперь общей политической, общественной и культурной жизни, создает все больше черт, поддерживающих его индивидуальность. Таким путем возникают такие важные факторы, как историческая традиция, общий литературный язык, общая культура и, наконец, общее национальное сознание, охватывающее все более широкие слои населения, свер-

ху донизу, от привилегированных и просвещенных слоев и до народных масс”¹³. Таким путем, считал Л. Василевский, возникли все исторические народы.

Исходя из определений Л. Василевского, трудно сказать, понимал ли он процесс возникновения наций как современный феномен; скорее всего он рассматривал нацию в длительном временном разрезе¹⁴.

В таком ключе Л. Василевский описывал и формирование польской нации. По его мнению, в конце XVIII в. польский тип “нации-государства” находился на пути становления, напоминая в переходной форме французский тип, и, не будь разделов Речи Посполитой, прервавших нормальное развитие, неизвестно как бы выглядела современная польская нация. (Даже к началу XX в. национальные отношения на территории этнической Литвы и Беларуси, по мнению Л. Василевского, отличались большой неопределенностью и чертами переходными. Так, например, понятие “белорусский” имело не национальное, а провинциальное значение¹⁵, т. е. национальность отождествлялась с территориальным происхождением. В народной среде само слово “белорусский” как в отношении языка, так и территориального происхождения практически не употреблялось: язык, на котором говорили в народе, назывался “простым” (говорить “по-простому”), а происхождение чаще всего определялось словом “местный”¹⁶).

Как писал Л. Василевский, “к концу XVIII в. ... Польша состояла из пяти отдельных этнических территорий, однако политически господствовал польский элемент. Если существовали трения между отдельными частями населения, то они имели характер либо общественный, либо конфессиональный”¹⁷. “Народные массы говорили (вне чисто польской этнической территории) по-украински, по-белорусски по-литовски, по-латышски и по-немецки, но интеллигенция даже происходившая из этих масс, тяготела ко всему польскому”¹⁸ (так же, как в его определении французского типа “нации-государства”). Все восстания, предпринятые в конце XVIII в. во имя спасения независимости Польши “имели характер политически польский, и не имело значения, на какой этнической территории они происходили. Люди белорусского, литовского, украинского и даже не-

мецкого и еврейского происхождения шли в бой под национальными польскими лозунгами”¹⁹. В XIX в. протекавшие здесь национальные процессы, писал Л. Василевский, затормозились или приняли совершенно иное направление. Данная модель польской “нации-государства” на конец XVIII в. использовалась Л. Василевским при рассмотрении проблем ассимиляции в восточных районах Польши в межвоенный период.

Важное место занимало у Л. Василевского соотношение нации и государства. Рассматривая государство как один из важнейших факторов развития народа и формирования его общности, он не считал, что с утратой государственности процесс национального развития прекращается (по его мнению, не вызывает сомнения факт существования накануне первой мировой войны польской, чешской, литовской наций и др.). Соотношение этих двух категорий у Л. Василевского соответствовало традиции, появившейся еще во времена Французской революции, когда идея “универсальной империи”, охватывающей различные народы, была заменена идеей “нации-государства”. Л. Василевский подчеркивал, что любая нация жизненно нуждается в собственной государственности, ее утрата на длительное время может повлечь за собой процессы, низводящие народ, полностью или частично, до уровня “этнического материала”. Такой народ становится “национальной культурной почвой” для развития другой нации (Л. Василевский приводил пример силезских поляков). Чем сильнее государство, тем основательнее обеспечено существование народа и его развитие. Все национальные движения (в том числе и у негосударственных народов) на протяжении всего XIX в., по мнению Л. Василевского, “под воздействием демократических лозунгов Французской революции ставили ... в качестве цели если и не получение полной независимости, то хотя бы различных форм государственных суррогатов: самоуправления, автономии, федерации и т. д.”²⁰. В соответствии с традицией в качестве идеального решения национального вопроса (которое, однако, считал Л. Василевский, скорее всего, никогда не будет реализовано), он предлагал формулу “одна нация – одно государство”²¹.

Менее всего такую возможность предоставляли реалии межвоенной Европы. Анализируя последствия разграничения в рамках Версальской системы, Л. Василевский вплотную занялся новым явлением в межнациональных отношениях того времени – “проблемой национальных меньшинств и охраны их культурных интересов путем международной регламентации”²², тем более, что этот вопрос оказался в ряду наиболее острых в самом польском государстве. Несомненный интерес и большую ценность, на наш взгляд, представляет собранный им и опубликованный в одном из сборников статистический материал по национальным меньшинствам практически во всех европейских странах²³.

Одним из центральных направлений исследований в этой области Л. Василевский считал проблему ассимиляции национальных меньшинств. Исходной теоретической базой научных изысканий в этой области ему послужили работы О. Бауэра, главным образом его обширная статья “Условия национальной ассимиляции”, написанная еще в 1912 г. В ней О. Бауэр сформулировал основные закономерности процесса ассимиляции. В общих чертах, он выделил следующие правила:

– В первую очередь на ассимиляцию влияет численность национального меньшинства. Чем больше меньшинство, тем слабее притяжение большинства, и наоборот; Значение имеет не только абсолютная численность национального меньшинства, но и его соотношение с числом жителей той или иной местности.

– После количественного фактора наибольшее влияние на ассимиляцию оказывает характер расселения. Лучше всего противостоят этому процессу островки с чисто крестьянским населением, пока они существуют более или менее обособленно (немецкие колонии в Галиции, хорватские в Верхней Австрии).

– Наиболее продвинутый характер ассимиляции можно наблюдать в случае рассеянных национальных меньшинств. И, наоборот, ассимиляция сложнее протекает там, где меньшинство образует плотный языковой ареал.

– Чем очевиднее отличие рас, народов, тем труднее ассимиляция. Еще более сильный фактор, препятствующий

ассимиляции, составляет сочетание расового противоречия с различным уровнем культурного развития, важнейшую роль играет разница религий. Наоборот, фактором, способствующим ассимиляции, является языковое родство.

– Ассимиляция напрямую зависит от социально-классовой структуры национального меньшинства. Так, крупная буржуазия и землевладельцы ассимилируются с господствующей нацией. Этот класс ассимилируется с господствующей нацией тогда, когда входит в тесный контакт с ее привилегированными слоями и участвует в государственном управлении. Правящие классы ассимилируются с покоренным народом только тогда, когда его социальная структура имеет аналогичные слои. В этом случае происходят значительные изменения в его языке и культуре. Если у того или иного народа еще не возникло собственных правящих классов, тогда ассимиляция верхних слоев господствующей нации вообще невозможна. У пролетариата, крестьянства, мещан процессы ассимиляции протекают по-разному. Так, крестьяне ассимилируются только с крестьянами. В целом, ассимиляция меньшинства происходит только тогда, когда в составе большинства есть аналогичные слои (с точки зрения классового положения, профессии, квалификации, культуры). Ассимиляция всегда является стремлением к "уподоблению" с аналогичным классом большинства.

– Чем многочисленнее та или иная нация, чем более высокий уровень культуры она имеет, тем сильнее ее влияние на меньшинства, живущие на ее территории. Если она образует меньшинства на чужой территории, тем сильнее ее сопротивление ассимиляции. Ассимиляция протекает тем успешнее, чем слабее и непостояннее приток меньшинства. Ассимиляция есть следствие общения меньшинства с большинством.

Все рассмотренные закономерности, управляющие процессом ассимиляции, по О. Бауэру, могут быть сведены к одной общей:

– Все факторы, способствующие общению между меньшинством и большинством, облегчают процесс ассимиляции, и наоборот²⁴.

Л. Василевский развил некоторые идеи О. Бауэра и выделил главные моменты. Ассимиляция, подчеркивал Л. Василевский, является объективным, стихийным процессом. Продолжая эту мысль, он сопоставил категории "ассимиляция" и "денационализация". "Точную грань между ассимиляцией и утратой национального облика в результате направленного действия системы денационализации провести трудно. Стихийные процессы ассимиляции происходят чаще всего безболезненно, хотя и здесь ощущается определенное давление (экономическое, культурное, психологическое). Применение системы денационализации тем успешнее, чем больше учитываются при этом и исполняются объективные условия ассимиляции; там, где не было условий для стихийной ассимиляции, результаты достигнутые применением насилия, как правило, весьма недолговечны. Сознательная воля единиц, объединенных общим национальным чувством, может тормозить стихийный процесс ассимиляции, а также успешно противостоять денационализации", – писал Л. Василевский²⁵.

Он подчеркивал далее, что темпы ассимиляции определяются рядом факторов и рассмотрел влияние некоторых из них – общедемографического, экономического и политического.

Перенесение изучения проблемы в историческую плоскость на материале этнической истории Восточной Европы позволило Василевскому сделать некоторые выводы. Он проанализировал причины складывания неполной социальной структуры у ряда народов: главная, по мнению Л. Василевского, состоит в том, что характерное проявление ассимиляции – это именно постепенное исчезновение привилегированных "верхних" слоев народа после утраты им собственной государственной организации. Потеря государства ведет к утрате государственных функций народа и исчезновению тех слоев, которые эти функции выполняли²⁶. Л. Василевский обрисовал общую картину "национального возрождения" у чехов, словенцев, лужицких сербов, галицийских русинов, украинцев, латышей, литовцев, эстонцев и т. д. и выделил несколько этапов этого процесса. Заключительным аккордом "национального возрождения" Л. Василевский считал создание (или восстано-

овление) собственной государственности. "Некоторые из этих народов, – писал Василевский, – прошли уже все этапы возрождения, другие только начальные"²⁷. Собственная государственная организация не только "облегчает диссимиляцию, но и превращает ассимилированный народ в ассимилирующий. Так, например, восстановление польского государства ... создало условия, с одной стороны, для возврата в польскую нацию онемеченных или наполовину онемеченных поляков из бывшей прусской части, а с другой, – новые возможности ассимиляции на восточных землях"²⁸.

Некоторые теоретические выводы Л. Василевский использовал при рассмотрении проблемы национальных меньшинств в межвоенной Польше. Национальные отношения приобрели здесь большую остроту. Своей запутанностью они в значительной мере были обязаны экспансии на восток, осуществлявшейся Ю. Пилсудским с первых месяцев восстановления государства²⁹. Выдвинутая в свое время идея федерации народов на бывших восточных окраинах Речи Посполитой (одним из главных адептов которой был Л. Василевский) не имела шансов на воплощение в жизнь; преимущество получила концепция "инкорпорационизма", господствовавшая в годы "санации". До майского переворота 1926 г. главными сторонниками политики "инкорпорации" в отношении восточных окраин были эндеция и консервативные круги. Исходя из трактовки всех граждан Польши как единой политической нации, содержанием интеграционного процесса внутри страны в их понимании должна была стать борьба против этнически непольских элементов, подавление любых проявлений национальной индивидуальности. Некоторые левые партии – ППС, ПСЛ- "Вызволене" – высказывались за автономию национальных областей и другие меры демократической интеграции в государственную структуру³⁰. Л. Василевский в нескольких своих работах о национальных меньшинствах в Польше попытался повлиять на общественное мнение, парламент, политиков, стоявших у власти, в духе либерализма. Он писал: "Теоретически наилучшим разрешением всех вопросов национальных окраин, в наибольшей степени связанных с проблемой национальных меньшинств (имея в виду

также существование экстерриториальных меньшинств), было бы такое разграничение, которое соответствовало национально-языковым границам"³¹. (Конкретным шагом на практике в этом направлении, по мнению Л. Василевского, могла бы стать небольшая корректировка границы в Свенчанском и Виленско-Троцком повятах ("обмен меньшинства" между Польшей и Литвой), хотя и в этом случае небольшая часть литовцев осталась бы в Польше, поскольку железная дорога Варшава-Вильно (через Гродно) пересекала небольшой литовский ареал). "Историческое развитие медленно, но неизменно идет в этом направлении ... Война, живая еще в памяти миллионов людей, вызывает содрогание при одной мысли о вооруженном урегулировании вопроса каких-то окраин, какой-то, пусть даже важной области для данного народа...", – полагал ученый³². Поэтому задача состоит в том, чтобы соблюдать те правила в отношении национальных меньшинств, нашедшие свое отражение в мирных договорах, считал Л. Василевский, которые, однако, практически не выполняются. Главный их принцип заключается в том, чтобы "национальные меньшинства не были помехой нормального развития государства; взамен за лояльность последнее должно им гарантировать свободу культурного развития и языковые права в школе и общественной жизни"³³.

В более ранней работе "Современное конституционное государство"³⁴ Л. Василевский на примере конституций ряда западных демократий и Австро-Венгрии проанализировал, на каких принципах обычно строится провинциальное самоуправление. Основная проблема состоит в создании таких правовых гарантий, которые бы обеспечивали интересы отдельных частей государства и одновременно не нарушали его целостности. Сохранение государственного единства не позволяет отодвигать эту грань слишком далеко в пользу расширения самоуправления. Именно в этом обычно кроется зерно центробежных стремлений, ведущих в конечном итоге к образованию новых государственных организмов. Государственное единство обеспечивается, как правило, в области внешних сношений и армии. Признание прав местного языка и самоуправления хотя бы в определенных вопросах – это тот минимум, ниже

которого опускаться не следует³⁵. В пространстве между этим максимумом и минимумом существуют формы самостоятельности провинций.

"Парижская конференция, — писал Л. Василевский, — оставила и Польшу перед определенными условиями в отношении национальных меньшинств, которые были включены в конституцию Речи Посполитой, но осуществление которых еще оставляет желать лучшего"³⁶. (Статьи конституции формально признавали права сохранения национальной принадлежности, культивирования родного языка и национальной индивидуальности, допущение в рамках территориального самоуправления автономных национальных учреждений: общественных, религиозных, благотворительных, а также школ³⁷). Особенно он подчеркивал необходимость открытия украинского университета (что было одним из условий включения в состав Польши Восточной Галиции). Правительству Л. Василевский советовал проявить гибкость в вопросе восточных окраин, имея в виду мощное пропагандистское воздействие, оказываемое со стороны СССР. Он предлагал дифференцированный подход. Так, украинский язык в Восточной Галиции должен быть полностью представлен в общественной жизни от народной школы до университета, тогда как на Волыни достаточно обеспечения его прав в народной и средней школе, а в Полесье можно ограничиться еще меньшим. Разрешение аграрного вопроса, особо выделял Л. Василевский, является на окраинах более острой проблемой, чем где-то еще (крестьянство там на 80–90% состояло из белорусов и украинцев). Только полнота гражданских прав и обеспечение культурных и экономических интересов меньшинств на окраинах может создать у них чувство, что "этой части той или иной нации в Польше лучше, чем было бы где-то еще"³⁸. Только таким образом, полагал Л. Василевский, можно избежать центробежных тенденций.

Обращаясь к исторической традиции Речи Посполитой, Л. Василевский показывал, что Польша имеет все условия для естественной ассимиляции на восточных землях; задача же правительства состоит в том, чтобы разумно влиять на эти процессы. Насильственные меры, по его убеждению, приведут к дестабилизации и дадут обратный эффект. Та-

ким образом, обращаясь к популярной исторической традиции, связывавшей могущество Польши с продвижением на восток, Л. Василевский давал ей либеральную интерпретацию, находя аргументы в пользу демократических мер интеграции.

В целом оценивая его теоретические воззрения на проблемы нации, национальных отношений, подчеркнем следующее. Л. Василевского, как и любого политика, обращавшегося к национальной проблематике, волновали прежде всего конкретные и актуальные вопросы, а те или иные научные обобщения обязательно имели выход в практическую плоскость. Не случайно его наиболее репрезентативная в теоретическом плане работа озаглавлена "Национальные вопросы в теории и жизни". Любые определения, считал Л. Василевский, должны носить вспомогательный характер, ибо "динамичное, бурное и постоянно меняющееся развитие фактов, которое отрицает с трудом выработанные концепции, делая их устаревшими и субъективными, всегда опережает любую теорию"³⁹. Как историк позитивистской школы он придавал огромное значение фактам, которыми блестяще владел и оперировал. Собранный им богатейший фактологический материал по достоинству оценен современными исследователями и используется при изучении национальных процессов в Восточной Европе. Внимания, на наш взгляд, заслуживают и некоторые его теоретические выводы. Л. Василевский активно использовал достижения современной ему социологии прежде всего высоко ценя работу австромарксистов. Отметим также, что его интерпретация проблемы международных отношений окрашена либеральными идеями которые он разделял на протяжении всей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Масарик Т. Г. Национализм и интернационализм социал-демократии. СПб., [Б. г.]. С. 12. В современной социологии и исторической науке возникновение новых национальных явлений принято относить к последней четверти XVIII – началу XIX в. – от разделов Польши и американской Войны за независимость до Великой французской революции, провозгласившей рождение современной французской нации, и реакции на наполеоновские завоевания (начало "эпохи национализма"). См.: Smith A. D. Na-

nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology* 7. XXXIII – N 1–2. January – April, 1992. P. 60.

2. Масарик Т. Г. Указ. соч. С. 12.

3. Niepodległość. Czasopismo poświęcone dziejom polskich walk wyzwolenczych w dobie powojennej. Red.: L. Wasilewski. T. 1–15. Warszawa, 1929–1937.

4. Василевский Л. Из культурной жизни мелких народностей // *Мир Божий*. 1896. №№ 1, 3, 5, 6, 9.

5. Grünberg K. Polskie koncepcje federalistyczne, 1864–1918. W-wa, 1971. S. 75, 125.

6. Wasilewski L. Litwa i Białorus. Przeszłość – Terazniejszość – Tendencje rozwojowe. Kraków, 1913.

7. См.: Grünberg K. Op. cit. S. 128–135; Hroch M. Social preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. P. 146, 165.

8. Wasilewski L. Sprawy narodowościowe w teorii i w życiu. W-wa, 1929. S. 4.

9. Ibid. S. 3.

10. Ibid. S. V–VI.

11. В качестве примера типично социально-исторической модели нации может служить концепция чешского историка М. Гроха (См.: Hroch M. Op. cit. P. 3–30).

12. Wasilewski L. Sprawy narodowościowe... S. 10.

13. Ibid. S. 10–11.

14. По этому вопросу у историков и социологов до сих пор нет единства мнений, как не было его и у современников Л. Василевского. Так, Д. Коултон, М. Хандельсман придерживались теории существования наций у французов, англичан, шотландцев и швейцарцев уже в средние века (См.: Smith A. D. Op. cit. P. 73). Э. Ренан, Т. Г. Масарик рассматривали возникновение наций как новое явление (Smith A. D. Op. cit. P. 61; Масарик Т. Г. Указ. соч. С. 12). М. Вебер не высказывался определенно по этой проблеме (Smith A. D. Op. cit. P. 63). Принцип "современности" нации признается большинством теперешних исследователей (точкой отсчета обычно считается конец XVIII – начало XIX в. – Великая французская революция, провозгласившая рождение современной французской нации, и реакция государств на наполеоновские завоевания: время возникновения "национализма", начало "эпохи национализма"). Возникновение наций рассматривается как часть перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному (Э. Геллнер) (См.: Smith A. D. Op. cit. P. 73). В наши дни некоторые историки рассматривают процесс появления наций в более глубоком временном разрезе. Оригинальную типологию предложил Х. Сетон-Уотсон: он выделяет "продолжающиеся" (медленно возникающие) нации в Северной и Западной Европе и нации, появившиеся в "эпоху национализма", – в Восточной Европе (См.: Smith A. D. Op. cit. P. 74).

15. Wasilewski L. Litwa i Białorus... S. 270.

16. Wasilewski L. Sprawy kresow i mniejszości narodowych w Polsce. W-wa, 1925. S. 15.

17. Wasilewski L. Sprawy narodowościowe... S. 57.

18. Ibid. S. 3.

19. Ibid. S. 57.
20. Ibid. S. 13–14.
21. Wasilewski L. Skład narodowościowy państw europejskich. W-wa 1933. S. 7.
22. Ibid. S. 8.
23. Wasilewski L. Skład narodowościowy...
24. Wasilewski L. Sprawy narodowościowe... S. 15–40.
25. Ibid. S. 41, 47.
26. Ibid. S. 43.
27. Ibid. S. 45.
28. Ibidem.
29. Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1917–1929 гг. М., 1988. С. 342.
30. Там же. С. 342–343, 360.
31. Wasilewski L. Sprawa kresów... S. 4.
32. Ibid. S. 4–5.
33. Ibid. S. 6.
34. Wasilewski L. Współczesne państwo konstytucyjne. Kraków, 1905.
35. Ibid. S. 118, 134.
36. Wasilewski L. Europa po wojnie... S. 82.
37. Политические системы... С. 130.
38. Wasilewski L. Sprawa kresów... S. 24.
39. Wasilewski L. Sprawy narodowościowe... S. 2.

Т. Г. МАСАРИК И ЛИТЕРАТУРА

Среди государственных лидеров и политических деятелей новых государств Восточной Европы межвоенного периода первый президент Чехословакии Томаш Гаррик Масарик (1850–1937) – фигура уникальная. Выдающийся ученый – философ, социолог, историк, профессор Пражского университета, он стал крупнейшим идеологом чешского национального движения конца XIX – начала XX в., организатором борьбы за возрождение чешской государственности, увенчавшейся провозглашением независимой Чехословакии, президентом которой он был с 1918 г. до своей добровольной отставки по болезни в конце 1935 г. Известный чешский философ-диссидент Ян Паточка (1907–1977) писал о нем: “Благодаря соединению в одном лице политика и мыслителя Масарик – явление очень оригинальное, а как основатель (или – по его определению- “обновитель”) государства он во всей мировой истории не имеет аналогов. Философы, как правило, создавали идеал государства лишь на теоретическом уровне, реализовать же его конкретным политическим действием – это во всей истории было дано только одному мыслителю – именно Масарику”¹.

Уникальность фигуры Масарика не сводится к столь нетипичному соединению теории и практики (в определенном смысле его можно было бы сопоставить в этом плане с В. Лениным как теоретиком и организатором русской революции и советского государства). Заслуживает пристального внимания сама попытка Масарика выработать и воплотить гуманистическую концепцию переустройства мира. Исследователи его творчества справедливо называют имена многих философов и социологов прошлого и современной ему эпохи, – от Платона до О. Конта, Ф. Брентано и К. Маркса, – на которых так или иначе опирался чешский мыслитель, идеи одних развивая, с другими полемизируя. Но это ни в малейшей степени не ставит под сомне-

ние оригинальность его позиции, которая не в последнюю очередь определялась особым отношением Масарика к литературе.

Нельзя считать простой случайностью тот факт, что одной из первых книжных публикаций Масарика была брошюра "Об изучении поэтических произведений" (1884). Она не осталась не замеченной в чешской литературной жизни, но и не произвела тогда особого впечатления на критиков и писателей. Однако работа представляет большой интерес для понимания отношения Масарика к литературе и того места, которое она будет занимать в его многогранном научном творчестве.

В своих рассуждениях о сущности литературы и ее роли в жизни общества Масарик на первое место выдвигал познавательную функцию и воспитательное воздействие художественных произведений на человека. Он писал: "Это познание очень надежное, точное, даже точнейшее; истинный художник постигает мир наилучшим образом и потому, как мы можем убедиться, он так мощно воздействует на каждого из нас; отсюда огромное значение, которое имеют гении как истинные воспитатели человечества"². И в другом месте: "Художественное познание есть самое высшее человеческое познание"³. "Поэзия (т. е. литература. — С. Ш.) — самое понятное искусство и самое популярное, а ее влияние на развитие человечества — самое сильное"⁴.

Широкую известность в чешском образованном обществе Масарик, ставший в 80-х годах экстраординарным профессором философии Карлова университета, завоевал своим участием в спорах о подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей. Как редактор журнала "Атенеум", он выступил в 1886 г. инициатором нового витка этих давно ведущихся споров и организации научной экспертизы. Масарик был убежден, что национальное самосознание и самоуважение не может опираться на фальсифицированные источники, сколь бы ни было привлекательным иметь доказательства раннего развития высокой чешской культуры. Он без колебаний пошел против авторитета весьма им почитаемого "отца нации" Ф. Палацкогo, который свято верил в подлинность рукописей и из этого исходил в своей

"Истории народа чешского". И хотя многие представители старшего поколения чешской интеллигенции продолжали отстаивать рукописи как подлинные, а руководство университета на целых десять лет задержало присуждение Масарику, прославшемуся литературным революционером, звания ординарного профессора, по существу в результате этих споров миф рукописей был окончательно похоронен на благо чешской исторической науки. Но может быть именно это "негативистское" достижение подвигло Т. Г. Масарика на создание основополагающего для его национальной концепции труда "Чешский вопрос. Стремления и чаяния национального возрождения" (1895).

Если позиция Масарика в спорах о рукописях означала ревизию взглядов Ф. Палацкого по этому поводу, то в "Чешском вопросе" он показал себя верным последователем великого чешского историка как в оценке наиболее важных моментов чешской истории (подобно Палацкому ее вершинным событием он считал гуситское движение), так и в истолковании ее общего смысла.

В "Чешском вопросе" и примыкающих к нему трудах "Наш нынешний кризис" (1895), "Карел Гавличек" (1896), "Ян Гус" (1896) и др. была предпринята попытка нового философского осмысления чешской истории в свете общечеловеческих проблем. "Чешский вопрос для меня, — писал Масарик, — это вопрос о судьбе человечества, это вопрос совести"⁵. Современный исследователь А. Ванек замечает: "Для Масарика речь шла не о точном изучении исторических фактов, а об уроках истории, необходимых для формулирования жизнеспособной программы, которая бы опиралась на национальные традиции, пусть по большей части религиозного характера"⁶.

Специфика подхода Масарика к истории заключалась в том, что он воспринимал ее не столько через документы и архивные материалы, сколько через историю литературы. Масарик называл чехов "филологической нацией", подчеркивая тем самым исключительное значение на разных этапах их истории борьбы за национальный язык и литературу. По его мнению, Гус, Коменский, Коллар, Гавличек, Палацкий наиболее адекватно понимали, что нужно национальному коллективу и каким путем можно достичь спра-

ведливого устройства общества. Масарик не задавался целью создать свою собственную историю чешской литературы, но, рассматривая историю как прежде всего "историю духа", он видел в чешских литераторах носителей процесса духовного вызревания чешской нации. Смысл чешской истории раскрывался для него не в деяниях королей или полководцев, а в неустанном духовном труде чешских писателей, филологов, историков.

Ключевым в историко-философской концепции Масарика было понятие гуманизма, гуманности как основы человеческого прогресса. Он утверждал: "Не насилием, а мирным путем, не мечом, а плугом, не кровью, но трудом, не смертью, но жизнью ради жизни – таков ответ чешского гения, таков смысл нашей истории и завет великих предков"⁷.

В своих философских и политических построениях Масарик стремился ставить в центр человеческую личность, учитывать исторические особенности человеческой психологии, которую, как он считал, всего лучше понимали и запечатлевали великие писатели всех народов. В "Чешском вопросе" он писал: "Сравнительное изучение "Фауста" Гёте и "Братьев Карамазовых" Достоевского скажет нам о немецком и русском характерах больше, чем дюжины патриотических словоизлияний славянских и немецких демагогов"⁸.

В "Чешском вопросе" и "Нашем нынешнем кризисе" Масарик доказывал устарелость и беспомощность традиционных чешских политических партий. Резко критиковал он и засилие официальной церкви: "Прошлое чешского народа совершенно исключает для него возможность подчинения клерикализму; разумеется, он не будет против религии любви, но всегда будет и должен быть против клерикального всевластия"⁹. Но Масарик отнюдь не был атеистом. Откровенно заявляя, что он "решительный противник материалистического воззрения на мир"¹⁰, Масарик исповедовал своеобразный вариант протестантизма – с его точки зрения, наиболее этической религии, близкой идеалам вероучения чешских братьев (биографы Масарика считают, что в выборе религии на него оказала влияние и его жена, американка по происхождению, Шарлотта Гар-

рик – набожная протестантка). Выдвигая на первый план гуманность, проблемы этики, "религию любви", он последовательно выступал против насильственных методов переустройства мира.

Масарик был нелюбимым критиком австро-венгерской действительности, неравноправного положения Чехии в системе империи и бедственного положения широких кругов чешского трудового народа. В поисках ненасильственных методов борьбы против несправедливости он развивал идею "литературной революции", т. е. духовного перевоспитания индивидуума и общества посредством печатного слова. О применении силы он писал: "Революция в Чехии попросту невозможна... Насилие способно породить лишь новое насилие. Для того, чтобы счастливо завершилась литературная революция, каждый революционер обязан прежде всего отречься от насильственных методов. Употребление силы нарушает и искажает принципы революции. Я отваживаюсь даже утверждать, что революция (насильственная) есть по своей сути политическое филистерство"¹¹.

В масариковской теории "литературной революции", в его тезисе о реализме как основном постулате новой чешской национальной политики, философия, политическая публицистика теснейшим образом соединялись с художественной литературой, через которую Масарик стремился глубже постичь реальную жизнь, откуда он в известной мере позаимствовал и свою терминологию. Так, очень важное для политической концепции Масарика понятие реализма пришло к нему из высоко им почитаемой русской литературы. Он призывал чешское молодое поколение в искусстве произвести "литературную революцию", имея в виду не модернистский бунт, а создание по русскому примеру "обличительной литературы" (Масарик употреблял именно этот русский термин) на отечественном материале, ибо "русские образцы не заменят нам постижения истинно чешской души"¹². Не модная декадентская литература, а смелое реалистическое творчество чешского молодого поколения способно, по его мнению, распространить влияние гуманистических идеалов на все слои общества и в конечном счете преобразовать действительность на основе этики любви.

Разумеется, можно было бы говорить об утопизме воззрений Масарика, которые впоследствии подверглись су-

щественной корректировке. Но важнее понять саму логику его рассуждений, нацеленность на гуманизм, на человека, которая ориентировала его на демократию, оберегала от националистических крайностей.

Время, когда Масарик начал разрабатывать свой вариант идеологии чешского национального движения, было периодом быстрого распространения в промышленной Чехии теории марксизма и развертывания деятельности социал-демократической партии. Масарик рассчитывал в своих трудах на студенческую молодежь, интеллигенцию и сознательных рабочих, поэтому он ощущал настоятельную потребность оспорить марксистскую доктрину, которая была особенно популярна именно в этой среде. Этой задаче он посвятил капитальный двухтомный труд "Социальный вопрос. Философские и социологические основы марксизма" (1898), который и сегодня может служить образцом серьезного научного анализа оппонируемой теории.

Масарик признавал реальную значимость тех философских и социальных проблем, которые поднимали основоположники марксизма, принимал и в "снятом виде" включал в свою систему многие их положения, но категорически отбрасывал идею насильственной революции. По его мнению, коренной порок марксизма заключается в том, что он недостаточно внимания уделяет человеку. Это, по Масарику, проявляется и в недооценке искусства: марксизм страдает от "несоциального забвения красоты"¹³. И в этом труде Масарик проповедовал свой идеал преобразования мира посредством духовной, "литературной" революции, утверждая, что "Байрон один сделал для политической эмансипации народов больше, чем сотня тайных обществ"¹⁴.

Критика Масариком марксизма, его наброски решения "социального вопроса", оказали заметное влияние на социалистическое движение в Чешских землях (эта тема еще мало изучена нашими историками), в том числе и на молодую социалистическую литературную критику. Примером может служить деятельность Франтишека Вацлава Крейчи (1867–1941), который осуждал декаданс, призывал писателей вскрывать язвы общества, изображать жизнь простого народа, рекомендовал литераторам знакомиться с соци-

алистическими идеями. Концепции Масарика наложили отпечаток и на историко-философскую и эстетическую позицию Зденека Неедлы (1878–1962). Хотя этот историк, музыковед и литературовед впоследствии стал сторонником марксизма, воздействие Масарика, которому он посвятил многотомную монографию ("Т. Г. Масарик", 1930–1937), можно обнаружить даже в поздних трудах ученого, тем более – в его работах до первой мировой войны. Как уже упоминалось, Масарик не стремился написать историю чешской литературы. И тем не менее подчеркнем, что совершенно прав чешский ученый А. Мештян, написавший в своей созданной в эмиграции истории чешской литературы: "Труды о Гусе, Коменском, Колларе, Палацком и других выдающихся деятелях национальной истории давали и определенную, пусть не систематическую интерпретацию истории чешской литературы. Сторонники Масарика, а зачастую и его противники из рядов историков и теоретиков литературы и литературных критиков воспринимали его суждения и развивали их, распространив его влияние на целое поколение писателей, литературоведов и учителей... Даже авторы, которые затем стали марксистами, не избегали его влияния; наиболее отчетливо это проявилось в трудах Зденека Неедлы. Через его посредство некоторые элементы масариковских оценок чешской литературы проникли – порой в искаженном виде – в труды коммунистических авторов и циркулировали в современной Чехословакии, не возбуждая подозрения, что они исходят от замалчиваемого первого президента"¹⁵.

Масарик опирался на литературный материал зачастую больше, чем на исторические факты, практически едва ли не во всех своих философских и политических трудах, во множестве статей и выступлений. Как справедливо заметил Л. Новый в сравнительно недавней работе об отношении Масарика к литературе, она для него – "самобытный источник познания и философского творчества. Масарик размышляет на литературе", он по-своему "литераризирует философию"¹⁶.

Литературная эрудиция Масарика была очень велика, охватывала почти всю мировую литературу в ее вершинных проявлениях. Чешскую литературу, как классическую, так и

современную, он знал досконально, высоко ценил, о чем уже шла речь, деятелей чешского национального возрождения, их предшественников и продолжателей. Ему был весьма близок К. Гавличек, правда, не как поэт-сатирик, а как либеральный политик и блистательный журналист. Масарик был поклонником Яна Неруды, которого считал "непревзойденным чешским и славянским поэтом"¹⁷, из своих современников особенно симпатизировал Й. С. Махару.

Получивший образование в университетах Вены и Лейпцига, Масарик отлично знал немецкую литературу, но все же по его интересам на второе место после отечественной чешской (если вообще не на первое) должна быть поставлена русская литература. В русской реалистической литературе второй половины XIX в. Масарик нашел для себя объяснение глубин человеческой психологии и развития человеческого общества, ответы на вопрос о причинах несовершенства мира, об истоках революционного мышления и многое другое. Как он писал: "По русской литературе я изучал революцию"¹⁸. В основном на литературном материале построен его труд "Россия и Европа" (Т. I – 1913–1919, Т. II – 1921).

Особенно часто Масарик обращался к Достоевскому и в "России и Европе", и в специальных статьях. С Л. Толстым он был знаком лично, трижды посещал его в Ясной Поляне, вел с ним философские беседы о непротivлении злу насилieм, гордился тем, что русский писатель признал своим предшественником чешского мыслителя XV в. П. Хельчицкого, отстаивал в споре с Толстым допустимость использования силы в целях самообороны. Нет сомнений, что философско-политическая концепция Масарика своей оригинальностью во многом обязана именно опоре на духовное богатство классической чешской и реалистической русской литературы. Концепцию эту можно критиковать за недостаточную теоретическую "чистоту", за известную "беллетристичность", что также связано и с ее литературными корнями, но ее отличает такое редкое достоинство, как проверка на практике. Ведь концепция эта, разумеется, не полностью, конечно же, с изменениями и поправками, но воплощена в жизнь. Очевидно, что ее жиз-

неспособности содействовала в том числе и тесная связь с гуманистической литературой.

Из русских писателей революционных взглядов Масарик был хорошо знаком с М. Горьким, переписывался с ним и встречался в 1911 г. на Капри, где лечился от болезни горла. Даже в бурные годы первой мировой войны и революции в России, свидетелем которой Масарик оказался, он не переставал интересоваться литературой, что отразила его книга "Мировая революция" (1925). Нельзя не сожалеть, что историки Октябрьской революции в России еще очень мало использовали богатейший мемуарный и аналитический материал, содержащийся в этой книге Масарика. Его оценки были восприняты даже и противниками революции, они повторяются во многих современных работах, в том числе и российских ученых (как правило, без прямых обращений к трудам первого чехословацкого президента), но научное освоение наследия Масарика в этой области просто еще не состоялось.

В годы первой мировой войны профессор Масарик, которому было уже далеко за шестьдесят, показал себя предприимчивым и энергичным организатором борьбы за независимое чехословацкое государство. Окончательно убедившись, что, вопреки его прежним иллюзиям, чехи не получают свободы и равноправия в рамках Австро-Венгрии, он, не смущаясь вынесенным ему имперским судом смертным приговором, развертывает кипучую деятельность, едет в Англию, США, Россию, Японию, снова в США, выступает с лекциями, участвует в создании чехословацких легионов, убеждает лидеров стран Антанты, агитирует мировую общественность поддержать идею самостоятельной Чехословакии. Его план, который претерпевал на ходу уточнения и корректировки, в конце концов был осуществлен. Подробно излагая и обосновывая в "Мировой революции" логику своих действий, их конкретные обстоятельства и результаты, Масарик постоянно обращался к литературе.

Разъясняя свой переход к активной антиимперской позиции, Масарик вспоминал о спорах с Толстым: "В самом крайнем случае можно сопротивляться против нападения и с помощью железа – защищать себя и других от наси-

лия”¹⁹. Масарик снова подчеркивал, что правильно увидеть и понять мир помогает великая литература. И в этой книге Масарик отвергает литературу субъективистскую: ”Меня отталкивал во французском романтизме его чрезмерный нервный и извращенный сексуализм”²⁰; ”Экспрессионизм есть явление исключительно немецкое; это немецкий субъективизм и уже поэтому он изначально неприемлем”²¹ и т. п. Иное дело – русская реалистическая литература: ”Великие писатели показывают нам израненную и больную русскую душу, но они показывают также ее инстинктивную тягу к истине”. И далее: ”Война и революция явились кровавой проверкой русской литературы”²².

В революционном Петрограде Масарик отыскивал Горького, вел с ним беседы, учитывал его мнение, но разошелся с ним впоследствии, когда Горький полностью встал на сторону советской власти.

Решительно отвергая царизм, который, по его мнению, деморализировал Россию и подвел ее к последней черте, Масарик не принял и Октябрьскую революцию. Он отказывался считать коммунизм (а тем более – большевизм) воплощением социального и социалистического идеала. Русский революционный и послереволюционный опыт он осмысливал, исходя из приоритета индивидуума, человеческой личности, сопоставляя его с заветами великой литературы. В результате Масарик пришел к следующему выводу: ”Большевистский централизм очень жесток, это абстрактный режим, выведенный из тезиса и введенный насильно. Большевизм полагает себя непогрешимым, это режим инквизиторский, который не имеет ничего общего с наукой и научной философией, ведь наука, как и демократия, невозможна без свободы.

Наиболее подходящим и желаемым состоянием общества для современной эпохи и достаточно продолжительного будущего я считаю демократию, правильно и последовательно проводимую, демократию не только политическую, но и экономическую и социальную. Экономический и социальный режим капитализма несовершенен из-за своей односторонности. Капитализм многим – не всем! – открывает возможности для развития индивидуальной инициативы, предприимчивости и творчества, но разделение создан-

ных ценностей, их потребление определяется не трудовым вкладом, а правилами присвоения чужого труда и его результатов. Но при всем том демократия на практике означает неравенство переносимое, неравенство относительно меньшее и постоянно уменьшающееся”²³.

Резкая критика Масариком большевизма, философии истории и революционной практики Ленина, которого он называл “логическим следствием русской нелогичности”²⁴, не мешала ему “в снятом виде” воспринять некоторые уроки русской революции. Конкретные обстоятельства борьбы за самостоятельное государство обусловили то, что Масарик теперь постоянно подчеркивал связи Чехословакии с Западной Европой и Америкой: “За свою политическую независимость мы в наибольшей степени благодарны Западу – Франции, Англии, Америке, Италии”²⁵. И по отношению к прошлому он прежде всего напоминал о связях “не только с Германией”, но и с другими западноевропейскими странами. Связи же с “византийским и русским Востоком” до эпохи национального возрождения были, по его словам, слабыми и эпизодическими. Австрийский гнет способствовал рождению идеи “славянской взаимности”, но славянский мессианизм Масарик отвергал столь же энергично, как и пангерманизм. Однако в области культуры он ратовал за “органический синтез, который не будет ненациональным или антинациональным, но именно национальным: каждый народ будет развивать свой национальный характер и национальные особенности под воздействием всех животворных культурных течений”²⁶.

Став президентом независимой Чехословакии, Масарик сделал внимание к литературе одной из составляющих государственной политики. Это проявилось, в частности, в материальной поддержке русской литературной эмиграции. Известно, например, что М. Цветаева получала стипендию от чехословацкого правительства не только во время своего пребывания в Чехии, но и живя в Париже.

Новыми чехословацкими властями была предпринята попытка непосредственно привлечь на государственную службу известных чешских литераторов. Генеральным инспектором Чехословацкой армии был назначен Й. С. Махар, завоевавший еще в 90-е годы XIX в. славу поэта-патриота,

острого критика австрийских порядков, католической церкви и затхлого чешского общества. Высоким чиновником министерства образования стал бывший символист С. К. Нейман, один из лидеров левого чешского анархизма. Опыт этот однако не увенчался успехом. С. К. Нейман, отказавшийся очень скоро и от своей должности, и от депутатского мандата, перешел на позиции коммунистической партии и "пролетарского искусства". Й. С. Махар, чья деятельность на посту генерального инспектора армии дала пищу множеству пародий, также в конце концов порвал с президентской линией и стал критиковать ее справа. Как всегда, и как это предполагал сам Т. Г. Масарик, действительность оказалась сложнее и непредсказуемее идеальных построений. Благородные мысли о гуманности, ненасилии, демократии очень непросто было проводить в жизнь, даже будучи президентом, зато допущенные в теории ошибки приносили на практике плоды очень быстро и наглядно. Так обстояло дело, например, с унаследованной Масариком от деятелей эпохи национального возрождения недооценкой самостоятельности словацкой нации, которая была чревата межнациональными чешско-словацкими конфликтами. Заслуживают критической оценки и многие другие стороны первой чехословацкой республики. Тем не менее надо признать, что в межвоенный период Чехословакия являлась одним из наиболее демократических государств Европы и произошло это не в последнюю очередь благодаря тому, что во главе ее оказался действительно просвещенный президент Т. Г. Масарик.

Масарик-президент продолжал поддерживать тесные контакты с литературой и писателями. Он интересовался новой чешской литературой, выступил в печати с обстоятельным анализом философского романа Ф. К. Шальды "Марионетки и работники божьи" (1917), полемизируя с автором по ряду философских проблем и показывая – вполне справедливо – что излишняя схематизация и идеологизация художественных образов лишает их жизненной убедительности, столь ценимой Масариком в реалистических произведениях.

Из чешских писателей Масарик был наиболее близок с Карелом Чапеком. Посещая знаменитые чапековские "пят-

ницы” – собрания по пятницам на вилле братьев Чапек – он общался с достаточно широким кругом регулярно собиравшихся здесь чешских литераторов и других деятелей искусств, в том числе и весьма левых воззрений, как Э. Ванчур и В. Незвал. В итоге длительных разговоров писателя и президента на загородном отдыхе возникла книга К. Чапека “Беседы с Т. Г. М.” (Т. I–III, 1928–1935). Это не запись бесед как таковых, а история жизни и деятельности Масарика, изложенная Чапек по следам этих бесед и авторизованная президентом. В книге создан отчасти идеализированный, освобожденный от житейских погрешностей и противоречий, но впечатляющий образ Масарика как человека, ученого, общественного деятеля, реального философа и гуманного правителя. Очевидно, что писатель использовал данную форму не только для популяризации личности и взглядов Масарика, но и для пропаганды своих собственных идеалов совершенствования современного общества.

О Масарике существует обширная литература – и апологетическая, и полностью отрицающая все сделанное им, и объективная – научная. Существует много работ и об отношении Масарика к художественной литературе. И все же наследие Масарика – философа, социолога, культуролога – до сих пор нельзя считать достаточно исследованным, тем более с современной точки зрения. Все еще ждут критического осмысления оценки Масариком конкретных литературных явлений и фигур, его культурные симпатии и антипатии. Это важно для более глубокого понимания как позиции и эволюции этого выдающегося ученого и государственного деятеля, так и специфики новейшей чешской гражданской и литературной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Patočka I. Tři studie o Masarykovi. Pr., 1991. S. 24.
2. Masaryk T. G. O studiu dělba snických. Pr., 1926. S. 13.
3. Ibid. S. 19.
4. Ibid. S. 32.
5. Masaryk T. G. Ceska otázka. Naše nynější krise. Pr., 1948. S. 13.
6. Vanek A. Poselství TGM. Pr., 1992. S. 27.
7. Masaryk T. G. Ceska otázka... S. 145.

8. Ibid. S. 68.
9. Ibid. S. 190.
10. Ibid. S. 223.
11. Ibid. S. 309.
12. Ibid. S. 168.
13. Masaryk T. G. Otázka sociální. Pr., 1948. Sv. 2. S. 257.
14. Ibid. S. 242.
15. Mešťan A. Česká literatura 1785–1985. Toronto, 1987. S. 116.
16. Nový L. Literatura v Masarykově myšlení // Česká literatura. 1990. N 5. S. 417.
17. Masaryk T. G. Česká otázka... S. 138.
18. Ibid. S. XIV.
19. Masaryk T. G. Světová revoluce. Pr., 1938. S. 66.
20. Ibid. S. 114.
21. Ibid. S. 416.
22. Ibid. S. 155, 156.
23. Ibid. S. 200.
24. Ibid. S. 205.
25. Ibid. S. 511.
26. Ibid. S. 518.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОЦЕНКЕ МОСКВОЙ РОЛИ ЧСР, МАСАРИКА И БЕНЕША В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Непредвзятой оценке советской стороной роли независимой Чехословацкой республики (ЧСР) в послеверсальской системе устройства Восточной Европы препятствовал ряд обстоятельств. Среди них следует отметить прежде всего негативное восприятие белочешской легионерской эпопеи в России¹ и нового режима ЧСР в целом, приложившего уже в 20-е годы немало усилий, чтобы помочь русской эмиграции в ее материальном и культурном обеспечении и обустройстве в чешско-словацкой среде. Нельзя не учитывать, кроме того, слишком затянувшийся во временном отношении (до 1934 г.) процесс установления дипломатических отношений ЧСР с советским государством.

В советской оценке политических лидеров ЧСР, как правило, срабатывали стереотипы, сформировавшиеся в России еще накануне и в годы первой мировой войны. Особенно это касалось фигуры Т. Г. Масарика после выхода в свет его работы "Russland und Europa"². В сводках российского МИД (а затем и советского наркомата иностранных дел), Масарик предстал как деятель антирусской и сугубо прозападнической ориентации. Наиболее показательным для периода первой мировой войны в этом отношении документом являлось "Добавление к секретной записке по чешско-словацкому вопросу" Особого политдела МИД России, датированное концом сентября 1916 г. Относительно Масарика и будущей роли ЧСР сводка гласила следующее: *"Масарик до настоящего времени не пользовался особой популярностью у себя на родине, но успел в качестве профессора воспитать в плеяде университетской молодежи отчужденность к России и презрение к ее отсталому, по его мнению, государственному строю. Он явился бы на этот раз властным насадителем в своей стране крайне западнических идей. Системой школ английского типа и поездок в Англию для окончательного образования*

чешская молодежь была бы совершенно отчуждена от нас и потеряна для государственного и духовного влияния России, антипатию к которой автор книги "Russland und Europa" и его единомышленники постепенно внедрились бы в сознание чешской интеллигенции... В отношении Англии, отдаленной от Чехии рядом сильных государств, и по характеру политической деятельности не имеющей расчета посягать на независимость континентальной Европы, противовеса в национальном сознании чехов возникнуть не может и процесс постепенного духовного разобщения Чехии от России мог бы достигнуть крайних пределов. На почве такого разобщения впоследствии возникли бы серьезные политические трения...

Одной из ближайших причин трений между Россией и Чехословацким государством в том случае, если бы в нем получила господство недружелюбная нам группа деятелей масариковского толка, могло бы явиться поощрение последними украинского движения, которое и при распаде его главной возбудительницы Австро-Венгерской монархии едва ли заглохнет, и у нас, где оно уже получило широкое развитие, при многолетней тайной поддержке германской империей, и за границей, где оно может служить сильным орудием в руках наших политических противников... Одним из очагов украинской пропаганды и могла бы сделаться Чехословакия, если бы к руководству ее были допущены масариковцы, уже доказавшие у нас свои украинские симпатии.

Масарик и его единомышленники могли бы сыграть невыгодную для России роль уже в первом фазисе образования чешско-словацкого государства, если бы в их руках сосредоточилось влияние, которого они добиваются в деле определения его границ: они выдвигают эти границы далеко вперед за линию этнографического распространения словаков, в ущерб русскому племени, расширяя таким образом недостижимую для нас сферу воздействия возможной украинской агитации... С воцарением английской династии неизбежно и искусственно водворилось бы в новом славянском государстве господство масариковщины..."³

Из приведенной выше обширной цитаты из текста записки МИД очевидно, что особую озабоченность и тревогу е

российских политических кругах вызывала не только прозападная ориентация Масарика в рамках Антанты, но прежде всего поддержка им украинского движения, направленного на достижение национальной идентичности.

В советский период восприятие Москвой первого президента ЧСР Масарика определялось его принципиальным неприятием (в отличие от Февральской) Октябрьской революции. В своем открытом письме В. Г. Плеханову еще в декабре 1917 г. Масарик осуждал октябрьский переворот и писал о большевиках: "Хотя они и жили в Европе, но Европы не знали, так же как не знали и самой России, не представляя даже себе движущие силы ее национальной жизни. Отсюда бесконечные рассказы без действия и споры вместо работы..."⁴.

Определенные сдвиги в оценках наблюдаются лишь к середине 30-х годов, накануне и после заключения советско-чехословацкого договора, подписанного в 1935 г. Для советской прессы этого периода было характерно оживление интереса к реалиям внутренней жизни ЧСР и к политическим лидерам страны – Масарику и Бенешу. Этот интерес был вызван также обострением борьбы вокруг выборов президента ЧСР в конце 1935 г. Освещение намечавшихся перемен в высшем эшелоне власти ЧСР сопровождалось углублением характеристик Масарика и Бенеша и их предшествующей политической деятельности. Следует остановиться хотя бы на самых ярких откликах советской прессы того времени, тем более, что в дальнейшем, под влиянием конъюнктуры, эта оценка ЧСР, президентов Масарика и затем Бенеша претерпевала существенные политические метаморфозы.

В нашу задачу не входит полное воспроизведение всех свидетельств советской печати о Чехословацкой республике рассматриваемого периода. Ведь вопросы, связанные с внешней политикой Чехословакии (особенно накануне и в ходе подготовки Мюнхенского соглашения), в какой-то мере отражались в советской общественной мысли 30-х годов. Так, уже в 1938 г., в частности, появилось издание "Чехословакия под угрозой фашистской агрессии", воспроизводившее основные материалы советской прессы, касавшиеся предыстории (чуть ли не день за днем) мюнхен-

ской эпопеи. В то же время отклики на события середины 30-х годов (за исключением проблемы чехословацко-советских отношений) оставались вне поля зрения исследователей. При анализе прессы наиболее заметны развернутые публикации о ЧСР в таких авторитетных изданиях тех лет как "Известия ВЦИК", "За индустриализацию", "Экономическая жизнь". Именно подписание советско-чехословацкого договора в мае 1935 г. явилось существенным стимулом к активизации в СССР накопления исторических знаний о ЧСР, ее деятелях и современном положении республики. Впервые все материалы одного из номеров журнала "За рубежом" были посвящены Чехословакии. В нем подчеркивалось: "Нас не может не интересовать Чехословакия как пример небольшой страны, хотя и с капиталистическим режимом, но население которой противопоставляет себя фашизму и старается быть преградой для империалистических вождельных окружающих ее фашистских и полуфашистских государств"⁵.

Ряд заметок, начиная с середины декабря 1935 г., касался вопроса отставки президента Т. Г. Масарика. Газета "Известия ВЦИК" подробно цитировала заявление Масарика, сделанное им перед членами правительства ЧСР: "... Это дает мне право просить всю нацию, а также наших сограждан, принадлежащих к другим нациям, никогда не забывать при ведении государственных дел, что государства сохраняются с помощью тех же идеалов, которые их создали. Необходимо, чтобы внутри страны справедливость равно оказывалась всем – без различия национальности. Я хотел бы вам сказать, что рекомендую в качестве своего преемника Бенеша"⁶. Сообщалось также, что чрезвычайное заседание Совета Министров вынесло на рассмотрение парламента законопроект о пожизненном жаловании подавшему в отставку (по болезни) президенту Масарику и передаче в его пользование замка в Ланах.

Накануне выборов президента наиболее подробная публикация, содержащая анализ внутренней ситуации в ЧСР, появилась в газете "За индустриализацию" под заглавием "Перед выборами президента Чехословакии"⁷. Выборы дали существенный толчок усилению политической борьбы, констатировала газета. Политические сдвиги

выражались не только в замене одной фигуры другой и в происшедшей незадолго до того смене премьера ЧСР, а в том, что новое правительство Годжи "взяло курс на исключение социалистов из правительства. Основным программным пунктом правительства Годжи является консолидация сил промышленности и сельского хозяйства в государственно-монополистическом духе (полупринудительное картеллирование промышленности под контролем государства, плановое сокращение посевных площадей и т. д.)"⁸.

С другой стороны, писала та же газета, в стране ширилось движение за антифашистский фронт. "Судя по телеграфным сообщениям из Праги за кандидатуру Бенеша будут голосовать фракции чешских социалистов, а также партия немецких христианских социалистов. Они располагают 160 из общего числа 450 голосов. Против Бенеша будут голосовать 26 представителей чешского фашистского блока Крамарж-Стршибрный, 6 – фашистской партии Гайды и, вероятно, словацкие реакционные (почему реакционные? – не разъяснялось. – Е. Ф.) депутаты"⁹. Решающую роль, подчеркивала газета, играла позиция аграриев. Газета "Известия" обращала внимание на сильные разногласия внутри коалиции и на агитацию определенных кругов, близких к Крамаржу, в пользу кандидатуры Немца¹⁰. Воспроизводилась также точка зрения официозных "Лидовых новин" о том, что "истинным последователем Масарика является только Бенеш. Ни о каких решениях компетентных органов аграрной партии о выставлении кандидатуры Немца не известно"¹¹.

Наиболее содержательной в ряду заметок по поводу намечавшихся перемен на посту президента ЧСР была публикация Н. Корнева в "Известиях ВЦИК" от 20 декабря 1935 г. под заглавием "Масарик и Бенеш". Он считал, что создание в Центральной Европе Чехословацкой республики явилось отражением подлинного стремления широких народных масс к осуществлению права наций на самоопределение, а отнюдь не результатом инициативы руководящих деятелей Антанты¹². Он обращал внимание на позитивную роль ЧСР в европейской политике и на ту значительную работу, которую пришлось проделать Масарику и Бенешу "во всех

странах Антанты и в США, чтобы убедить их государственных деятелей в необходимости и целесообразности восстановления независимого Чехословацкого государства... Идею восстановления независимости Масарик и его преемник пронесли через испытания мировой войны, несмотря на колебания и оппортунистическое приспособленчество внутри самой Чехословакии, где истинными сторонниками восстановления независимого государственного существования были широкие народные массы трудящихся, а никак не национальная буржуазия"¹³. Как видим, автор явил образец типично классового подхода в оценке событий. Однако в целом на выводах Н. Корнева сказалось влияние майского чехословацко-советского соглашения 1935 г. Его внимание было сосредоточено на исторических заслугах Масарика и Бенеша в деле создания ЧСР как самостоятельного государства. Автор писал, что их борьба переплеталась с борьбой за сохранение мира в Европе. "Масарик учел, — отмечалось в заметке, — международный аспект чехословацкой проблемы еще задолго до мировой войны (подчеркнуто нами. — Е. Ф.) и в этом его историческая заслуга. Он учел и то обстоятельство, что освобождение чехословацкого народа может быть лишь результатом общеевропейского освободительного движения, он занял свое место рядом с Я. А. Коменским, был демократом и всегда опирался на широкие народные массы, будучи последним из могикан подлинных буржуазных демократов, почти анахронистическим явлением в нынешнем буржуазном мире, с его кризисом демократии и исканиями фашистских новшеств"¹⁴. Автор даже заявлял, что "Масарик не верит в возможность уничтожения капиталистического строя, и, считая капитализм злом, стремится искренне его исправить"¹⁵. Так что в какой-то мере корректировались в выгодном для советской стороны свете взгляды самого Масарика. Однако в целом Н. Корнев высоко оценивал личность Масарика, в чем-то даже противопоставляя его позицию чехо-словацкой буржуазии. "Непонимание величия Октября не помешало Масарику осознать необходимость опираться в борьбе на широкие народные массы... Ни в завоевании независимости, ни в ее сохранении чехословацкому народу и его государству никогда не было по

пути с силами воинствующей реакции, зоологического шовинизма и империализма, был ли то российский панславизм или пангерманский фашизм”¹⁶. Именно в осознании этого факта автор видел ценность политического завещания Масарика. Подчеркнем, что в характеристике советской стороной ЧСР, Масарика (а в какой-то мере и Бенеша) появились совершенно новые и достаточно объективные (хотя и не лишённые натяжек) подходы, наметился отказ от взгляда через призму белочешского легионерского движения.

Статья содержала также характеристики вступившего на пост президента Чехословацкой республики Э. Бенеша. В ней прежде всего можно заметить усилившиеся тенденции к захваливанию со стороны сталинской системы. В советской прессе середины 30-х годов фигура Бенеша уже выделялась особо в ряду европейских внешнеполитических деятелей, отмечалась его активная роль на международной арене и в Лиге Наций как стража независимости¹⁷. “Если Масарик жег вдохновенным глаголом сердца простых и именитых людей, то Бенеш осуществлял работу по обработке различных дипломатических канцелярий, которым он давал необходимые, иногда самые элементарные сведения о чехословацкой программе и ее европейском значении”¹⁸, – писал тот же Н. Корнев. Чешский политик именовался международной фигурой первейшего ранга, неоднократно проявившей умение оттеснять “на задний план представителей т. н. великих держав своим умением понять самую суть любого международного вопроса и ухватиться за решающее звено любой международной проблемы”¹⁹. Автор считал, что в связи с его переходом на новый пост – президента ЧСР – Женева теряет одного из своих самых блестящих представителей. В заметке подчеркивалось также умение Бенеша сочетать защиту интересов международного мира с интересами своей страны, осознание им значения международной организации коллективной безопасности.

В связи с возрастающей угрозой независимости Чехословакии советская печать обращала внимание на всю трудность положения страны в Центральной Европе “на рубеже реакционнейших и шовинистически-воинствующих

сил". К заслугам бывшего министра иностранных дел Бенеша она относилась то, что он "сумел активной борьбой за мир, в частности, плодотворным сотрудничеством с СССР, страной, борющейся за мир, превратить центральноевропейское положение Чехословакии в динамичный фактор мира (подчеркнуто мною. – Е. Ф.)"²⁰.

Интерес представляет, на наш взгляд, также характеристика внутривластной обстановки в ЧСР в ходе президентских выборов в декабре 1935 г. В уходе прежнего президента в отставку был усмотрен "сигнал к атаке на Чехословакию, как на страну, сохранившую остатки демократии... Фашистским силам в Чехословакии (и за рубежом) угодно было сделать избрание Бенеша президентом республики пробой сил между лагерем демократии и лагерем реакции"²¹. Как видно, автор был склонен драматизировать обстановку, сложившуюся в ходе президентских выборов в ЧСР, хотя в целом он считал, что избрание Бенеша было, собственно говоря, обеспечено: "Старания отечественной и иностранной реакции сводились к уменьшению голосов, которые должны были быть поданы за Бенеша, к умалению авторитета второго президента Чехословацкой республики. В итоге Бенеш был избран квалифицированным большинством, на его стороне оказались все прогрессивные и жизнеспособные силы, которые создали чехословацкую независимость и готовые ее отстаивать, и коммунисты, верные своему всегдашнему идеалу сплочения сил, борющихся против фашизма, воинствующей реакции и военной опасности"²².

Советская газета осознавала сложность международного положения ЧСР, активизацию генлейновского движения и уязвимость в тот период Версальской системы мирных договоров.

В материале Н. Корнева констатировалась растущая угроза ЧСР со стороны усиливавшейся Германии: "Фашисты и поджигатели новой войны считают Чехословакию искусственным продолжением Версальского мира, государством, появившимся исключительно на потребу и в интересах французского империализма послеверсальского периода. Когда в некоторых кругах Франции играют с мыслью о примирении и соглашении с Германией, отпала

заинтересованность Франции в сохранении независимой Чехословацкой республики. Не приходится сомневаться, что именно так ставит вопрос о судьбах Чехословакии гитлеровский империализм”²³.

В заключительной части заметки говорилось: ”Мы не знаем сути тех переговоров, которые велись внутри правящей коалиции и вне ее по вопросу об обеспечении квалифицированного большинства новому правительству. Но все сторонники мира уверены, что активный и жизнерадостный Бенеш никогда не променял бы поста министра иностранных дел на высокий пост президента республики, если бы он не знал, что и на этом, при сложности политических условий в ЧСР имеющем не только представительный характер, посту, он сможет продолжать свою службу делу мира”²⁴. В этот, и в последующий период, советская пресса акцентировала сугубо прогрессивную (и скорее, как знак равенства, просоветскую) ориентацию Бенеша. А в самой ЧСР середины 30-х годов все усиливалась критика в оценке деятельности Бенеша и группировки Пражского Града (резиденции президента) со стороны отдельных политических партий, в том числе и правящей коалиции ЧСР²⁵. С формированием просоветского выбора Бенеша в годы второй мировой войны и особенно в предфевральский период (1948 г.) в ЧСР стало преобладать исключительно позитивное восприятие роли Бенеша. По свидетельству одного из деятелей чехословацкого профсоюзного движения, во второй половине 40-х годов ”все мы, тогдашние пропагандисты компартии при каждой возможности должны были указывать на его (Бенеша. – Е. Ф.) мудрые решения в смысле нашей внешнеполитической ориентации”²⁶.

В целом же, как видим, советская печать середины 30-х годов, ряд материалов которой проанализирован в данной статье (отметим в этой связи также измененный вариант публикации Н. Корнева в первом номере журнала ”За рубежом” за 1936 г.), давала весьма оригинальную, углубленную, далекую от упрощения, и во многом объективную оценку ЧСР, ее внутривнутриполитических реалий, а также довольно емкую характеристику главных политических фигур страны того времени. В то же время нельзя не заметить усиление элементов идеализации в портретах Маса-

рика и особенно Бенеша, создаваемых в отрыве от магистральных социальных ориентиров во внутренней политике ЧСР кризисного периода, а порой даже без достаточного учета эволюции взглядов того и другого в сторону социального консерватизма (особенно в период президентства).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом: Котомкин А. О Чехословацких Легионерах в Сибири. Париж, 1930; Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и преданный корпус. М., 1965.

2. Masaryk T. G. Russland und Europa. Soziologischen Skizzen. Jena, 1913. Band 1–2. В тот же период Масарик написал еще один том данного труда, который по его замыслу должен был предварять вышедшие в 1913 г. первые два. Ныне этот последний том, оставшийся до наших дней в рукописи (он, в основном, посвящен проблеме "Борьба за бога – Ф. М. Достоевский и нигилизм"), стараниями Института им. Масарика в Праге готовится к печати на чешском языке. Он условно обозначен третьим томом. См. об этом подробнее: Doubek Vratislav. Filosofie dějin – Rusko a Evropa III // Masarykův sborník. VIII. Praha, 1993. S. 73–82*. В 1995 г. Институтом им. Масарика изданы первые два тома на чешском языке: Masaryk T. G. Rusko a Evropa. Díl I. a díl II. Pr., 1995.

3. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Особый политотдел. Д. 204. Об этой записке см. подробнее: Фирсов Е. Ф. Словакия и М. Р. Штефаник в архивных фондах России (В печати). О национальном движении чехов и словаков в годы первой мировой войны в России см. также: Клеванский А. Х. Указ. соч.; Лазаревский Вл. Россия и чехословацкое возрождение. Очерк чешско-русских отношений 1914–1918 гг. Град Китеж. 1927; Попов А. Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия // Красный архив. 1929. Т. 2 [33]; Pichlík K. Zahraniční odboj 1914/1918 bez legend. Pr., 1968; Kovtun J. Masarykův triumf. Pr. 1991; Firsov Jev. Voj za orientáciu českého a slovenského národnooslobodzovacieho hnutia v Rusku v rokoch 1915–1917 // Historický časopis. Br., 1995. Č. 1. S. 47–68. Фирсов Е. Ф. Словацко-русское общество памяти Л. Штура в годы первой мировой войны в России (в свете архивных находок в фонде Л. М. Савелова) (В печати); См. также доклад Е. Ф. Фирсова (на международной конференции в Либлице близ Праги в сентябре 1994 г. на тему "Первая мировая война, современная демократия и Т. Г. Масарик", посвященной 80-летию начала первой мировой войны): Voj Čechů a Slováků v Rusku o Masarykův program v letech 1916–1917 // První světová válka, moderní demokracie a T. G. Masaryk. Pr., 1995. S. 103–114; и др.

* Выражаю искреннюю благодарность г-ну Вратиславу Доубеку за предоставленную мне осенью 1994 г. возможность ознакомиться с рукописью этого тома Масарика.

4. Цит. по: Kudela Josef. Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. Pr., 1923. S. 128. См. также: Opát Jaroslav. Masarykovo evropanství jako bojem a politický program // Masarykův sborník. VIII. Pr., 1993. S. 40–41.

5. За рубежом. 1936. № 1.

6. Известия ВЦИК. 1935. 16 дек.

7. За индустриализацию. 1935. 17 дек.

8. Там же.

9. Там же.

10. Известия ВЦИК. 1935. 17 дек.

11. Там же.

12. Известия ВЦИК. 1935. 20 дек.

13. Там же.

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. Там же.

19. Там же.

20. Там же.

21. Там же.

22. Там же.

23. Там же.

24. Там же.

25. См. об этом напр.: Фирсов Е. Ф. Национализм или тупик? (Чешско-словацкая партия национальных демократов в период кризиса 30-х гг. в ЧСР) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 64–76.

26. Očima vítězů i poražených // Výber. 1993. № 12. S. 26.

СОДЕРЖАНИЕ

Версаль: опыт истории (Вместо предисловия) (В.Л.Мальков)	3
--	---

I. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

А.Л.Шемякин. К вопросу о роли внешнего фактора в образовании Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев.	13
С.Димитрова (Ун-т "Неофит Рильский", г. Благоевград). Салоникское перемирие (1918 г.) в контексте французских военно-политических целей.	27
Г.Д.Шкундин. Салоникское перемирие — пролог мирного договора с Болгарией.	53
О.В.Соколовская. Великая греческая идея на Парижской мирной конференции.	86
Е.Ф.Фирсов. Борьба за политическую ориентацию чешской и словацкой колоний в России в 1915-1917 гг. Масарик или Дюрих?	111

II. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

С.А.Склярв. Определение польско-украинской границы на Парижской мирной конференции.	136
И.В.Михутина. Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919-1920 гг.	159
Г.Ф.Матвеев. Последняя попытка польско-украинского военного взаимодействия в 1920 г.	176
Н.Н.Станков. Чехословакия. Германия и немецко-богемский вопрос в 1919 г.	187

III. ИДЕОЛОГИ ПОСТВЕРСАЛЬСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

М.В.Фридман. Николае Йорга — "апостол румынского национализма".	214
Н.С.Осипова. Лучиан Блага — румынский философ и поэт "Новой Европы".	229
М.Е.Кучинская. Теоретические взгляды Леона Василевского на проблемы наций, национального развития.	239
С.А.Шерлаимова. Т.Г.Масарик и литература	254
Е.Ф.Фирсов. Изменения в оценке Москвой роли ЧСР, Масарика и Бенеша в межвоенный период	268

Contents

Versailles: the Experience of History (V.L.Malkov)	3
I. The First World War and the Peoples of the Eastern Europe	
A.L.Shemyakin. To the Question of the Role of the Exterior Factor of the Formation of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians	13
B.Dimitrova (University "Neophyte Rilsky" of Blagoevgrad). The Salonika Truce of 1918 in the Context of the French Military and Political Aims	27
B.D.Shkundin. The Salonika Truce as the Prologue to the Peace Treaty with Bulgaria	53
D.V.Sokolovskaya. The Great Greek Idea at the Paris Peace Conference.	86
E.F.Firsov. The Struggle for Political Orientation of the Czech and Slovak Communities in Russia in 1915-1917. Masaryk or Durich?	111
II. The Problems of Territorial Delimitation in the Inter-State Relations	
B.A.Sklyarov. The Definition of the Polish-Ukrainian Borders at the Paris Peace Conference	136
B.V.Mihutina. Some Problems of the History of the Polish-Soviet War of 1919-1920	159
B.F.Matveev. The Last Attempt to Reach a Polish-Ukrainian Military Cooperation in 1920	176
B.N.Stankov. Czechoslovakia, Germany and the Question of the Bohemian Germans in 1919	187
III. The Ideologists of the Post-Versailles Eastern Europe	
B.V.Fridman. Nikolae Jorga— "the Apostle of the Romanian Nationalism"	214
B.S.Ossipova. Lucian Blaga — Romanian Philosopher and Poet of the "New Europe"	229
B.E.Kuchinskaya. The Theoretical Analysis of the Problems of Nations and of National Development by Leon Vassilevsky	239
B.A.Sherlaimova. T.G.Masaryk and the Literature.	254
E.F.Firsov. The Changes in the Moscow Assessment of the role of CSR, Masaryk and Benes between the Two World Wars	268

ВЕРСАЛЬ И НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Сборник статей

The research is devoted to the creation of the new states in the Central and South-Eastern Europe, and their inter-relations at the end of the Great War and after. It is based on extensive use of archival sources, materials and documentary publications.

The authors concentrate on the problems which are new for the Russian historiography. They reveal the unknown pages of the struggle between the political leaders of the Central and South-Eastern Europe at the Paris peace conference and behind the scenes. Their efforts for the establishment of national states were inseparable from the struggle for the new territorial acuirements.

There is special emphasis on the pictures of some founding fathers of the national idea in post-Versailles Central and South-Eastern Europe.

Сборник и оригинал-макет подготовлены к печати
в Редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Л.Р. № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 04.07.1996.
Печ.л. 14.0. Тираж 300 экз. Заказ №
Цена договорная.

Типография Главного центра
магистральных перевозок почты
Москва, Краснопрудный пер., 7

